

ВЫЖИВАЮТ

Клара Скепнина. Слово к Учителю

Что по силам депутату? Фотоочерк

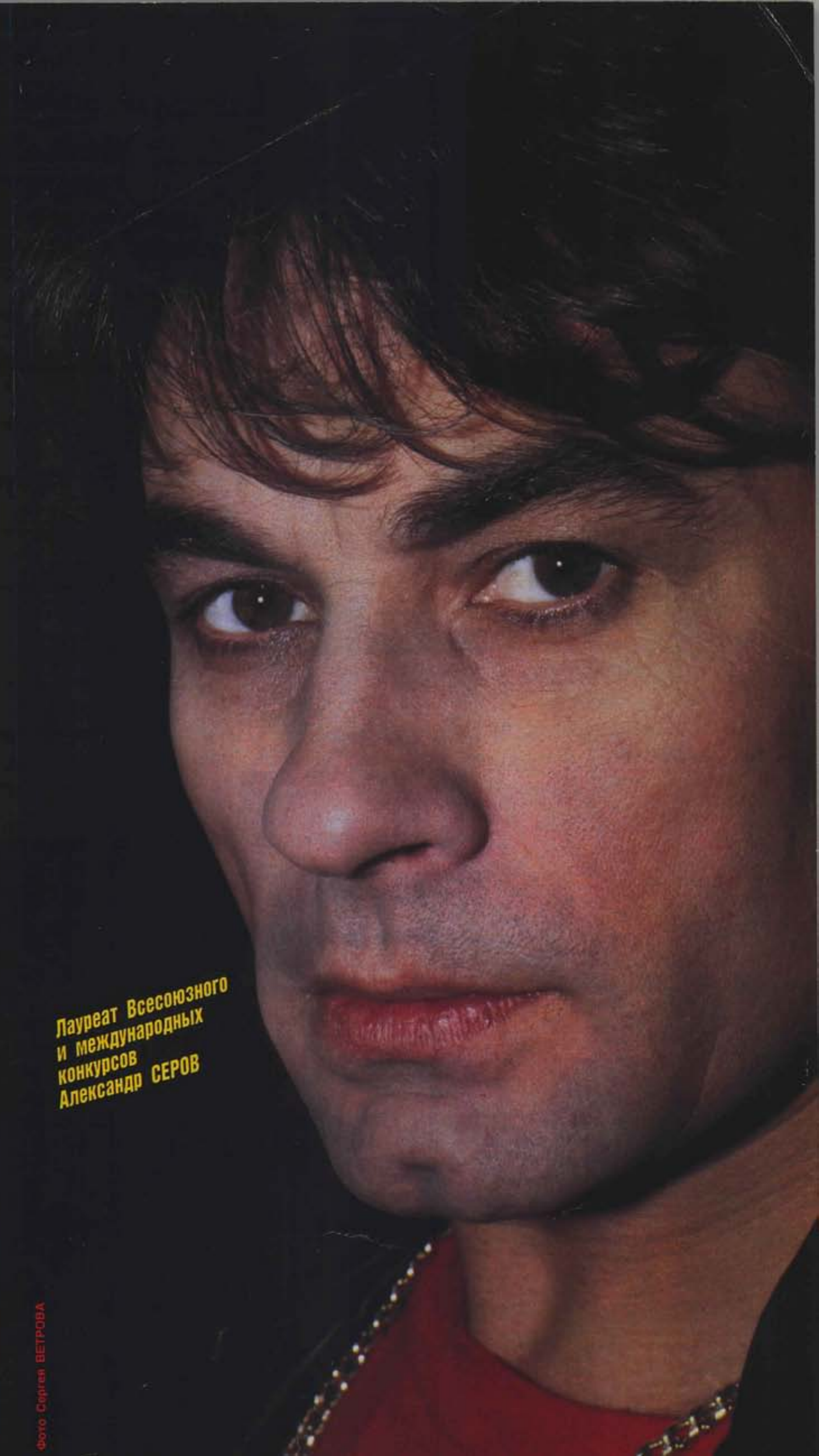
Куропаты. Быль и боль

«Статус Кво» — в гостях у «Смены»

Патрик Бессон. Литературный глобус

фото: Сергей ВЕТРОВА

Лауреат Всесоюзного
и международных
конкурсов
Александр СЕРОВ

Утром, уходя на работу, я ковырнул ключом в почтовом ящике и с удивлением обнаружил в нем пачку свежих номеров нашего «Молодого коммунара»; тут же был листок, вырванный из блокнота. Знакомый почерк Леши Дрыгаса, корреспондента отдела пропаганды: «Старик! У тебя в ящике уникальные газеты. В третьем часу ночи номер остановили Черных и Чеботарев...»

И. Черных и А. Чеботарев — это первый и второй секретари Тульского обкома комсомола.

На следующий день дежуривший по номеру ответственный секретарь Костя Кириллов стал безработным. С формулировками, которыми его наградило последнее бюро обкома ВЛКСМ, не сунешься ни в одну газету: «Нарушение служебной дисциплины, попытка формирования негативного общественного мнения к секретариату ОК ВЛКСМ, политическая незрелость...» И. Черных пообещал в случае появления Кириллова в редакции выдворить его с милицией. На фоне этих событий судьба дежурного корреспондента Леши Дрыгаса кажется просто счастливой: бюро краткая редакция рассмотрела вопрос о его соответствии должности.

ходит, опять спектакль, — думает читатель, — опять все ограничилось сменой декораций и шумовым оформлением». Вчера гласность зажимали узкими рамками, сколоченными из запретов. Сегодня усекают по региональному принципу: что дозволено ЮПИ (известное американское агентство. — Ред.), не дозволено Мытищам.

Правда, в новейшей истории нашего «Молодого коммунара» была короткая, но дивная пора, когда газета начала понемногу сокращать ужасающий разрыв между нами и центром. Прошлым летом наш бывший редактор Б. Играев вернулся с совещания редакторов молодежных газет. Вернулся посвежевшим, бодрым от выпитого в Москве кофе, по-столичному демократичным, с московским афоризмом на устах: «Ребята, смелость подешевела — ум подорожал!»

Редакция поверила в возможность задыхаться полной грудью. Конечно, мы не могли перешагнуть через рубеж смелости, который в столице уже пройден; мы только примерялись копнуть поглубже, намечали кандидатуры для брифингов, генеральные темы. А пока брали то, что лежало на поверхности и давно просилось в руки. Но и этого хватило, чтобы газета ожила, чтобы редакция заработала как никогда дружно и сплоченно. По счастливому случаю та краткая вспышка совпала с подлинной кампанией. Впервые за долгие годы

выполнения его решений. И центральный вопрос здесь — достижение между нами единомыслия (разрядка моя. — О. Д.) и согласованных действий. Если станет твердым правилом участие партийных комитетов в определении содержания газет, передач радио и телевидения, то, вне всякого сомнения, «сектор обзора» у журналистов станет гораздо шире, появится системность, которой сегодня явно недостает».

Вот он, теоретический посыл! Оказывается, нам надо добиться единомыслия, оно-то и «приведет в активное действие» прессу. Идея интересная... Но не взяли ли у нас в Туле изобретать трехлинейную винтовку? Эх, живем на дармовщинку — все за нас золотой XIX век придумал. И сей «центральный вопрос» сто тридцать лет назад уже разработан незабвенным Козьмо Прутковым в его «Проекте: о введении единомыслия в России». «Единственным материалом может быть мнение начальства. Иначе нет ручательства, что мнение безошибочно». Тысячу раз прав Козьма Прутков: иными путями единомыслия не достигнешь.

Однако не странно ли, что в то время, когда с самых высоких трибун говорится о плюрализме, областной комитет партии берет курс на единомыслие? Недоразумение? Отнюдь! Это естественная защитная реакция провинциальных воспитанников административно-командной системы на те перемены,

данных. Все-таки первый секретарь ОК КПСС ведет речь о позиции партийных комитетов. А непосредственный «хозяин» молодежной газеты — обком комсомола. Есть у него своя позиция? Разумеется. И она тоже «безошибочная». Ведь комсомольские кадровые вопросы утрясаются в обкоме партии, оба обкома работают под одной крышей, нервы, расшатанные газетчиками, лежат в одной поликлинике и так далее. Так что тут-то вопрос о единомыслии покоится на надежной экономической базе.

Первым омрачил безошибочный период воодушевления и сплоченности, кажется, я. Небольшим материалом под названием «Длинное, зеленое, пахнет колбасой». Если вы живете в провинции, знаете, что это такое. Если в Москве, сходите как-нибудь на вокзал к вечерней электричке или поезду, отправляющимся например, в Тулу или Рязань. Вы увидите толпы людей, груженных рюкзаками и раздутыми авоськами. Это мы — провинция, по-столичному — мешочники.

Об этом и был материал — о «продуктовой» электричке, о крайней скудости тульских прилавков. И еще было в нем предложение к читателям обсудить возможность введения талонов на мясные продукты. Повалила почта — около полутора сотен писем, а если считать подписи под ними, — около полутора тысяч голосов. Почти не было писем злых, раздраженных, желчных;

Олег ДОРОФЕЕВ

НЕСОГЛАСИЕ

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК МОЛОДЕЖНУЮ

Наверное, это конец. Конец всей нервозности, которая целый год трясла тульскую газету «Молодой коммунара». И начало ледникового периода.

Я ушел из газеты за полтора месяца до этой истории. Парадокс: пришел в суровую застойную годину, а ушел в то светлое время, когда общество делает ставку на демократию, гласность, а значит, и на прессу. Ушел, потому что именно в это время стало особенно остро заметно, какая наша газета серенькая, плоская, робкая и глуповатая.

Можно ли оставаться глупеньким, если как никогда хочется думать? Но можно ли нормально думать, если провинциальных газетчиков по-прежнему регулярно лупят указкой по голове?

Провинциальный читатель кладет рядом центральную газету, в которой мудрый экономист камня на камне не оставляет от нынешней системы сельского хозяйства, и местную, где «с огромным энтузиазмом» и «засыплем в закрома!», и сравнивает. Возникает ощущение театральности происходящего. Читатель понимает, что гром — где-то далеко, за сценой. Бюрократические головы, на которые осветители мечут молнии, видятся ему нарисованными на заднике. А здесь, на сцене, в президиуме, в основном все те же хмурые бездействующие лица, все те же аллодисменты и единодушное одобрение. «Вы-

подписка пошла в гору, тираж увеличился на 12 тысяч, дотянувшись до восьмидесяти тысячной отметки...»

Куда подевалась былая сплоченность сегодня? В редакции два лагеря. Но речь не о банальной междоусобице. Она лишь следствие. А есть и причина.

Вначале было слово. Вернее, много слов — на пленуме Тульского обкома КПСС, посвященном вопросу партийного руководства средствами массовой информации. Вот отрывок из статьи первого секретаря ОК КПСС Ю. И. Литвинцева «Почему мы собрали пленум», опубликованной в журнале «Журналист» (№ 3 за 1987 год). Речь в ней шла об итогах пленума и выработанной на нем платформе.

«Перед нами встал вопрос: как привести в активное действие всю широкую систему местных средств массовой информации? — пишет Ю. И. Литвинцев. — С чего начать? Ответ был однозначным — с перестройки совершенствования партийного руководства прессой».

Ну, руководством-то нас не удивишь — на коврики обкомовские тасканы, ярлыками «очернителей» клеймены, однако любопытно, в чем будет заключаться «перестройка совершенствования». На нее-то и надежда вся. Читаем: «Пресса прежде всего — проводник линии партийного комитета, организатор

которые надвигаются на их суверенные доселе пределы. Именно сейчас для них жизненно важно не допустить на страницы газет мнения, отличные от их, «безошибочного».

Собственно, различия в мнениях существовали всегда, только раньше свои недозволенные речи мы произносили у себя на кухне. Так что плюрализм-то был, но не досаждал. Сегодня с шепота срываются на крик, но хоть ты лопни от горловой натуги, а плюрализм мнений, лишенный публичной трибуны, ничем не отличается от кухонных бесед. А уж не допустить на страницы газет серьезной полемики, оставить ее на уровне кухонного междусобойчика — для местных запретителей дело техники. В противном случае что же это будет? Потрясение основ! Сор из избы. Придется полемизировать публично, а не в кабинете, где вся полемика сводится к простой формуле: я начальник — ты дурак. Эдак разве спокойно поруководишь? Ночи придется не спать, ходить дозором по типографиям, бросаться на печатные машины, как на вражеский дот. И ведь бросаются! Судя по сообщениям центральной прессы, во многих уголках нашего необъятного Отечества бросаются. Вот и у нас... К мнению и контролю снизу не привыкли.

Вот потому-то вначале было слово — единомыслие.

Уточним один момент в исходных

люди писали умно, спокойно, с пониманием сложной продовольственной ситуации, с достоинством. И с благодарностью газете — наконец-то нарушено молчание вокруг этого вопроса, не просто большого — нарывающего.

Наивные!.. Да ведь и мы хороши: поставили материал под рубрикой «Ваше мнение?». Кому оно было нужно, это мнение! И вообще откуда оно у нас? Вспомним еще раз мудрейшего Козьму Пруткова: «Да разве может быть собственное мнение у людей, не удостоенных доверия начальства? Откуда оно возьмется? На чем основано?»

Вдруг редактор прозрел — буквально в один день. И читательские письма были сложены в архив. С этого времени редактор, которому, видимо, наконец объяснили, что есть истина, стал тщательнее выскребать из материалов малейшие крупинки «тола».

А в январе прошлого года Б. Играев перестал быть редактором. Оказалось, чтобы лишиться кресла, вовсе не обязательно быть смелым. Банальная история: попадание в медвытрезвитель.

Долго длился период безначалия; наконец возникла кандидатура Ольги Леоновой, корреспондента областной партийной газеты, ранее работавшей у нас.

Кандидатура эта появилась как-то незаметно, словно из воздуха соткалась. Провинциальная демократия во-

обще щедр на фокусы и таинственность. И вот эти таинственные пасы, магические «приливы и отливы рук» начали зачаровывать коллектив молодежи. Дважды в редакцию приезжал первый секретарь ОК ВЛКСМ И. Черных. Святое дело — посоветоваться с коллективом. И Черных предложил обсудить четыре кандидатуры. Вопрос был поставлен на открытое голосование. Подавляющее большинство творческих сотрудников проголосовало против Леоновой. Тогда решили прибегнуть к тайному голосованию. Но результатов не огласили...

Однако через некоторое время Ольга Леонова, спешно принятая кандидатом в члены КПСС, поехала на «смотрины» в ЦК ВЛКСМ. И вернулась ни с чем.

Через некоторое время ее снова отравили в ЦК. И на сей раз она уже вернулась редактором областной газеты «Молодой коммунар»...

...Вот тульский инженер принес в редакцию полный грусти и сарказма материал о том, как на время уборочной стал комбайнером и что такое вообще нынешнее шефство. На оригинале появилась резолюция нового редактора: «Не пойдет».

Вот член молодежного объединения «Центр» прислал острое письмо, пожелав принять участие в обсуждении тезисов к XIX Всесоюзной партконференции. Не пошло.

риал. Когда кто-то все же попытался обратить внимание Ивана Черных на подстрекательскую роль агентства, испытанный комсомольский вождь не смутился: АПН — нам не указ, редакция должна осуществлять отбор материалов, на то, мол, вы тут и посажены.

Покорно потупленная голова редактора — залог того, что впредь отбор будет еще тщательнее, что все силы, знания и опыт будут брошены на селекцию собственных мнений и сведение их к единому безошибочному образцу.

Ручной редактор — находка для ревнителей административно-командной системы. Прикормленный с руки должностью, слегка побитый за мелкий просчет, при малейшем шорохе вздрагивающий и вскакивающий во фрунт, он сам, без понуканий, будет осуществлять цензурный присмотр за собственным печатным детищем.

И ведь дело не просто в бюрократической цензуре. Тут чемоданчик с двойным дном. Возможно, те, кто эдакие чемоданчики подкладывает, и не знают про второе дно. Но могучее аппаратное чутье подсказывает, наверное, что тут должен заработать дополнительный тонкий механизм. Принцип его действия таков. Инеродная клетка, выпестованная административной системой и занесенная в некий коллектив, неизбежно поражает все здоровые ткани. Появляются все признаки административно-командной болезни периода расцвета

бинете заместителя редактора Татьяны Кошельковой возникли заведующий сектором печати обкома партии Н. А. Киреев и второй секретарь обкома комсомола А. Чеботарев. Почти час длилась беседа. В конце концов Татьяну убедили пойти на компромисс: дать материал чуть позже, правда, с комментарием обкома ВЛКСМ.

Возможно, тем дело и кончилось бы. Но в день, когда верстался следующий номер газеты, ответственному секретарю Косте Кириллову позвонили ребята из политклуба: «Ну, и где же она, ваша гласность? Где материал о политклубе?». Что тут ответить? Но Костя все-таки решил ответить. Скромно, в уголок первой полосы он подверстал маленькую заметочку, в которой рассказал о визите в редакцию ответственных работников и об их обещании.

Тут-то и началось прямое «участие комитетов в определении содержания газет». Тут-то и полетели пух да перья. Газета с крамольной заметкой уже печаталась, когда в типографии появились первый и второй секретари обкома ВЛКСМ. Наши дежурные подписали газету в свет, как всегда, взяли по нескольку свежих оттисков, но... Дорогу им преградили официальные лица и экспроприировали газеты у опешивших журналистов. Отпечатанная часть тиража была арестована и уничтожена. И все же дежурные ушли из цеха непокорными — за пазухой, как полковое

Что ж, и обком партии, и обком комсомола так усердно помогали молодежи, такие творческие условия в ней создали, что результаты уже налицо. За год газета потеряла одиннадцать тысяч подписчиков.

Заведующий отделом пропаганды Тульского обкома ВЛКСМ С. Суханов, объясняя членам того самого политклуба, почему уволен Костя Кириллов, сказал: «Газета «Молодой коммунар» — орган обкома комсомола. Все сотрудники редакции работают по найму обкома. Значит...» Значит, принцип таков: нанимай и властвуй.

Я близко к сердцу принимаю справедливые слова Центра в адрес иждивенческой провинции: хватит ждать указаний, сами вяжите свою бюрократию. Но если говорить конкретно о газетчиках, то этот призыв дает им пока только одно право — сложить свои буйные головы во славу перестройки.

Сегодня призывать провинциальных газетчиков к смелости и правдивости по крайней мере некорректно. Ведь петельки с их шеи пока никто не снял. Газеты по-прежнему в крепостной зависимости от своих комитетов-издателей — областных или районных, партийных или комсомольских. Думаю, единственный способ вдохнуть жизнь в провинциальную прессу — это освобождение от этих крепостнических притязаний. Почему, скажем, «Молодому

АЯ ГЛАСНОСТЬ

ГАЗЕТУ ЗАГНАЛИ В ПРОКРУСТОВО ЛОЖЕ СМирЕНИЯ

Вот рабочий машзавода пришел в редакцию, рассказал, что его цех бурлит: почему выборы делегатов на партконференцию проходят по отрететированной годами схеме? Почему снова за силье функционеров?.. Но, оказалось, газете это тоже не нужно.

Бывает, острые материалы, попадая на редакторский стол, без комментариев и разъяснений отправляются на вечный покой — под сукно. Бывает, материалы зарубаются уже на уровне темы. И ведь наверняка со временем предложения не будут выходить за рамки редакторского спроса. Уж теперь-то всем ясно, что смелость в редакции действительно дешевет. Как, впрочем, и ум.

Правда, случается и непредвиденное. Не так давно по какому-то случаю Иван Черных держал речь перед редакционным народом. Говорил о заслугах газеты, а потом прозвучало и неизбежное «однако»... Имел место прискорбный факт публикации материала «Демократический союз общественных сил: утопия? возможность? необходимость?». Три вопросительных знака в заголовке не освобождали коллектив редакции от ответственности за крамолу.

Но не переадресовать ли гнев тульских руководителей Агентству печати Новости? Ибо именно АПН разослало по всей стране сей «крамольный» мате-

и загнивания. Выявляются плохо прикрытые карьерные устремления, возникают горстка наперсников, суетящихся у трона (им противостоит неизбежно затюканная оппозиция), их грубая лезть руковождению на собраниях и ответные материальные воздаяния.

Все это — кровь, питающая административно-командный организм. И коллектив со всеми потрохами становится заложником системы, ее бастионом, не большим, но не одиноким, где варится смола на случай грядущих демократических осад.

Конечно, редакционная оппозиция еще не совсем разгромлена. Она огрызается письмами в инстанции. И просьбы ее удовлетворяются весьма своеобразно. Просили, например, бюро обкома ВЛКСМ рассмотреть вопрос о соответствии О. Леоновой занимаемой должности. Каков ответ? Редколлегия укрепили, введя в нее заворга обкома комсомола...

И все же сегодня локальная реанимация административно-командных методов сопряжена с трудностями и сбоями. Стоило, скажем, кормчмен удалиться в отпуск, как корреспондент Алексей Дрыгас написал репортаж «Государство — это мы!» — об организационном собрании Тульского политклуба с изложением его целей, задач, с выдержками из устава.

Материал стоял в полосе. И тут в ка-

знамя, они уносили «крамольные» номера.

Эх, жаль, что под рукой у рабочих, наблюдавших эту сцену, не оказалось кинокамеры: это же готовые кадры для боевика о перестройке!..

Итак, уволен Костя Кириллов. Судьба остальных членов редакционной оппозиции под вопросом. Вовремя увернулась от метлы администрирования Оля Подъемщикова, лауреат областной журналистской премии имени Глеба Успенского (она перешла в партийную газету). Едва не лишилась ставки корреспондент Ирина Перерушева, а после очередной «дискуссии» в редакции слегла с тяжелым неврозом. Корреспондента Олеся Степанову уволили, и только областной суд защитил ее от произвола администрации...

Если учесть, что в молодежке всего-то чуть больше десятка творческих сотрудников, то картина, наверно, ясна.

«Нужен приток свежих сил» — справедливо пишет в своей статье в «Журналисте» Ю. И. Литвинцев. И нельзя не согласиться с его словами о том, что приток этот можно обеспечить только повышением авторитета прессы. А стало быть, «...партийные комитеты и должны помочь средствам массовой информации набрать нужную высоту, создав все условия для творческого роста».

коммунару» не стать органом областной комсомольской организации? Слышу уже свирепые окрики: «Над обкомом захотел встать?!» Не встать над обкомом, а иметь право на свое мнение. Должны появиться выходы — и вниз, и вверх. Должно стать правилом: газета не трибуна аппарата, который за ноги стаскивает с нее неудобного оратора, не дав ему вымолвить ни слова, а трибуна областной комсомольской организации, свободная и демократичная.

Да, но ты-то о чем хлопочешь? — говорю я себе. Ведь ты ушел. Да, ушел. Уклонился от борьбы? Не от борьбы, а от возни. Вот ведь как бывает: не ты уклоняешься от борьбы — борьба от тебя. Ты бросаешь перчатку, а ее аккуратно поднимают и складывают в корбочку как «вещественное доказательство». Так что же, собирать «вещдоки»? Опять по кругу — в сотый, тысячный раз?

ОТ РЕДАКЦИИ. Таково мнение журналиста, еще недавно работавшего в «Молодом коммунаре», такова его оценка ситуации в коллективе редакции, отношения к газете комсомольских работников. У обкома ВЛКСМ наверняка есть свое мнение на этот счет. Мы готовы дать возможность высказаться работникам обкома.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ СЪЕЗДА УЧИТЕЛЕЙ

ЧИСТЫЙ СВЕТ

Клара СКОПИНА,
лауреат премии
Ленинского комсомола

Два внешних импульса подтолкнули к этой работе.

Первый. После августовского педагогического совещания мы задержались в быстро пустевшем зале с моей недавней студенткой-заочницей, почти ровесницей, — глубоким, интересным человеком, круто повернувшем жизнь в свои почти сорок. Прекрасный преподаватель математики, завуч школы, она, получив диплом, ушла в журналистику. «И не жалко?» — спросила я ее. — «Жалко». — «Так почему же?» — «Сбежала из учительской».

Около нас стояла ее дочь-семиклассница, существо острое, ироничное и очень свободное. «Товарищи журналисты, а вы не можете мне объяснить, — вдруг спросила она нас, — какое отношение эти стихи имеют к данному учительскому совещанию?» — она показала тоненьким пальчиком на сцену. Там кумачово рдели два симметричных панно: с хрестоматийно известными словами В. И. Ленина «Коммунистом можно стать...» и с такими же известными поэтическими строками «Учитель! Перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени...»

«Ну и что?» — строго спросила мама. «Но, позвольте, товарищи журналисты, это же Некрасов о Добролюбова! О Светоче! А так получается, что это я перед нашей Марь Ванной смиренно преклоняю колени! Нет уж, извините. Ничего себе, товарищи учителя, взяли и присвоили!»

«Перестань бузить», — смутившись, остановила мама. «Да почему же?» — сказала я. — А ведь верно замечено-то. Несколько вольно истолковано действительность. Но на то и поэзия... Видишь ли, разве учитель не стоит такого признания? Учитель вообще?»

«Ну, не знаю! Вы бы послушали, как наша учительница с нами разговаривает, так думаю, тоже бы обиделись и за Некрасова, и за Добролюбова».

«Прекрати. Мало ли, человек сорвался, может быть. Довели — вы же».

«Ладно. Не верите, — и, уже обращаясь только ко мне: — Вот начнутся занятия, я нарочно запишу перлы и пришлю».

Вскоре я получила конверт с обрывками листов в клеточку. Вот что было на них написано:

«Ну что вы орете? Никакой культуры! Разинут пасти и орут!»

«Выйти? Вот опять! Ну, разве у нормального будет это на уроке? Если нормальный, то у него этого на уроке не будет!»

«Учебник забыл! А жрать не забываешь?!?»

«Я тебе такое покажу — ужаснешься!»

«Еще хотите? Могу каждый день записывать...» Нет, больше я не хотела.

Слова, написанные детской рукой на мятых бумажках, потрясли. А ведь и мои собственные дети говорили, что «учительницы выражаются». Но вот написанное — словно позорное тавро на белом плечике Миледи...

Первый импульс дал странный результат: я на многие годы погрузилась в педагогику — Школа Глюфи, Песталоцци, Герцен, Шацкий, Ушинский, Чернышевский, Добролюбов, Яков Гогенбаши, Николай Федорович Бунаков, Василий Водовозов, Василий Вахтеров, Петр Лесгафт, Петр Редькин, Виктор Сорока-Росинский, Константин Вентцель, Петр Каптерев, Николай Чехов — идеи, практика, образ жизни, поступки... А к ним прибавился живой опыт учителей... А к этой роскоши — записки, письма студентов, школьников об учителях — любимых и дорогих...

Я употребила слово «погрузилась» не в качестве привычного оборота, а с тем ощущением прохлады чистого ручья, в который опускаешь лицо и руки, выйдя из долгого и жаркого лесного блуждания, поцарапанный и облепленный паутиной. Мир утолического мечтания о гармонии — и мир суровой практики бедности, мир высоты духа — и мир простого будничного сострадания. Он возвращал в самые неожиданные мгновения к старой, еще юношеской тоске по несбывшемуся — по безоглядной отдаче себя какому-то всепоглощающему делу. Да не какому-то, а вот этому — реке детства, реке юности. А уж если не дано — или не вышло, — то хотя бы рассказать о живых огнях человечества — учителях, твоих и чужих, заведших тебя пусть даже мгновением... Небось и у той мученицы, выкрикивавшей дикие слова, записанные девчонкой, тоже были минуты, проливающие свет? Или их не было? Почему одни учителя остаются в душе щемящим светом, а другие — вот этой разрывающей сердце, отчаянной, несмыслимой грубостью?

Вторым импульсом послужила совсем недавняя история, втолкнувшая в школьный смерч в критическое, переломное время. И тогда именно решила для себя: каждый, кто может поклониться учителю, — всей ли жизни, мгновению ли какому, должен это делать... Так измельчили мы его, учителя, всем миром, растащили на предметы и методы, на конфликты и объяснения, на оправдания и наказания, что он и сам скоро перестанет ощущать себя некоей цельностью, гармоничным миром, исполненным духовного комфорта, из которого можно черпать, не истощая его.

Та история началась для меня со статьи бывшей моей студентки в центральной газете, да еще накануне выпуска. Это, конечно, событие. Да не просто публикация, а острая, смелая статья вполноту газетной полосы.

Преподаватели нашей кафедры с утра почувствовали себя именьниками. А я решила слегка поджечь своей радостью и деканат — тут тоже существовали свои сложные взаимосвязи: мы были первой и пока что единственной кафедрой молодежной журналистики в стране, создали за каких-то полгода новую систему обучения, и жили ею, и гордились ею, и втягивали в дело студентов на равных с собой. Приучали осознавать себя соавторами, сотворцами, соучастниками. Ведь журналист, изучающий теорию, но хоть на день свободный от необходимости профессионально участвовать в жизни, — то есть вершить социальный и нравственный анализ и пытаться выразить это словом, — не только не развивается, но просто теряет гражданскую

остроту мышления и ответственности.

С деканатом у нас возникло (и, видимо, надолго) поле напряжения, которое выматывало кафедру и повергло в растерянность студентов: деканату казалось, что профессиональная работа (командировки, творческие мастерские в центральных изданиях, обязательность публикаций) отвлекает от учебного процесса. Настоящей учебой считалось изучение дисциплин марксистско-ленинского цикла. Слово можно выучить марксизм и спастись цитатами великих от многосложности века, собственного десятилетия... Да просто вот от сегодняшнего дня. Сегодняшний-то день открывается на улице, в магазине, на заводе. И в диком хоре дискотеки, и в тайном шепоте подвальчика, куда вход открыт не всем. Как понять сегодняшнюю пестроту жизни, за что стоять насмерть? И можно ли найти себя, свое место в бою, если укрыться в тиши библиотек? Временно отстраниться от участия в жизни не люблю, а именно профессионального? Спор этот нештучный и небескровный...

Итак, я зашла в деканат с газетой в руках. «Читали нашу Ирину?» — «Да», — решительно сказал декан. — «Что-то не очень мне понравилось. Что-то очень уж резко. Что-то очень неуважительно о старших».

Жаль. Значит, все остается на том же уровне. Наш студент на лекции декана о новой экономической политике шепнул соседу: «Вот не боялся же тогда правительство так смело искать новые пути», — и тут же был поднят с места. В оглушительной тишине нешуточно прозвучало: «На что вы намекаете? Мне достаточно сейчас пойти в партком, и вас в 24 часа здесь не будет!» (Дело произошло до XXVII съезда партии.) В перерывы декан повторил это мне: «Ваш студент... Мне стоит сказать в парткоме...» — «Ну, а где же студент должен задавать свои вопросы? Ведь ему же приходится отвечать людям, когда он приезжает на стройку или в село, его же спрашивают: что творится с нашей экономикой? И он не может ответить, как вы: мне достаточно сказать в парткоме, и вас в 24 часа не будет в селе...» — «Ну, знаете!» — негодовал декан теперь уже на меня. «Вы просто не можете представить положения журналиста: как бы он ни был молод и субъективно маломощен, ведь в нем видят глаза и ум партии. Он обязан принять любой разговор и ответить на него в меру своего знания и с позиций своих убеждений — и вовсе не только на газетной полосе. Если он неискренен и труслив или невежествен и труслив — на него и времени тратить не будут. Люди все видят, все знают, в жизни-то от них ничего не скрыто. Так что же мы-то марафет перед студентами наводим сегодня, зная, что завтра с него потребуют правду и только правду?»

Ну, а как Ирины однокурсники? Они восприняли статью с искренней радостью — была в ее удаче и открывающая надежда: если работать всерьез, с Ириной упрямой неподатливостью мелочам, отвлекающим от дела, с доверием к собственному разуму, способному разобраться в сложных общественных конфликтах, так ведь и их перо может помогать людям не меньше...

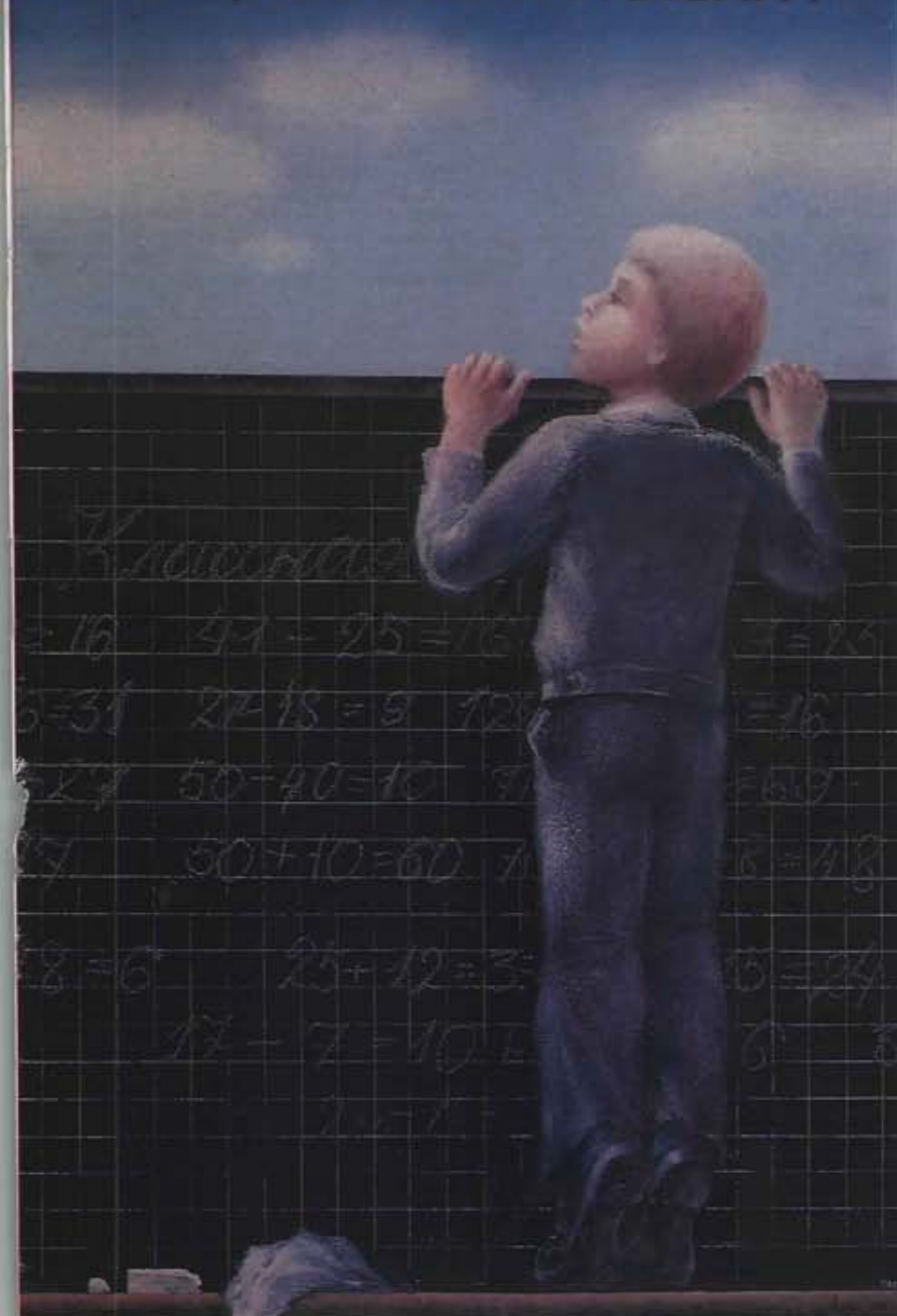
Нашего небудничного настроения

хватило часа на два. Днем позвонила на кафедру заместитель ответственного секретаря редакции и поделилась новостью: «Только что звонили из обкома партии. Заведующий отделом науки». Она назвала фамилию. Фамилия была широко известна томами книжек и многолетней, очень крупной партийной работой. «Случайно, не родственники?» — «Да, да, совершенно верно. Племянник». — «Ну, и?» — «Возмущен, считает, что в материале оговорены авторитетные заслуженные люди. Автор по молодости не разобралась. И вообще вела себя несерьезно — появлялась в общественных местах в джинсиках каких-то. Как-то наскоком все, если бы не девица, можно бы сказать, по-гусарски этак... Так что же будем делать? Студентка-то ваша». — «Наша, верно. Но журналист-то она уже опытный, голова трезвая, — что из того, что в джинсиках появлялась, — может, есть аргументы посерьезней?» — «Посерьезней будут обязательно, но, пообещал, в ближайшее время...» — «Ну, так давайте подождем, чего горячку пороть. Чтобы критический материал да без «телеги» обошелся, когда это бывало, а? Или у вас иначе?.. А у меня синяков не перечать. Такое напишут, что читаешь и плачешь от бессилия: хамство, ложь, передергивание фактов — лишь бы отбиться. А ты тратишь сердце... В общем, подождем, а тогда и решим. Держите в курсе...»

Статья вышла в конце февраля, время подходило горячее: Ирина дописывала дипломное сочинение, а кафедра уже готовилась к распределению. В каждом студенте надо разглядеть его будущее: кому быть журналистом, а кому еще и подумать. Для меня самой словно вершился тайный эксперимент: может ли на самом деле осуществиться та настоящая социальная справедливость, которая исходит из гениально простого принципа: от каждого по способности, каждому по труду. Это не значит, что я изуверилась, я, прожившая в журналистике больше тридцати лет и видевшая-перевидевшая сотни, а то и тысячи судеб, я верю в победность правды, несмотря ни на что; а вот они изуверились, я это чувствовала. У них был другой социальный опыт — другого поколения. Слова «блат», «связи», «протекция» находились в будничном обиходе, часто даже без всякой эмоциональной окраски. Как реальность жизни. Я понимала, что у них, наверно, есть к этому основания — вполне конкретные впечатления бытия. Но нельзя быть журналистом, если реальность такого рода ты не воспринимаешь как нечто чудовищное, как извращение смысла всей нашей жизни. Если притерпелся, ты уже не боец.

Но едва ли я все-таки отдавала отчет в том, насколько разнится социальный опыт их и моей юности: ведь моя-то пришла на качественно иное время. Когда и мысленно невозможно было допустить, что министр — вор, преступник, мафиози. А вот сейчас мы сидели рядом с ребятами на партийном собрании и слушали информацию о преступлениях в нескольких министерствах, еще не догадываясь о глубине и обширности порока, проползшего во все эшелоны. Об этом мы тоже скоро узнаем, но, не представляя всей картины, ребята и так к своим двадцати шести —

ШКОЛА, БЛИЖЕ К ЖИЗНИ!

Плакат С. Уварова

двадцати восьми годам достаточно горько осведомлены из первых рук — из рук реальной жизни.

Их угнетает и странная несправедливость к ним, молодым: еще не нажив собственных грехов, они постоянно слышат: «И что пошла за молодежь!» С позиций возрастного раздражения судят их жизнь, взгляды, вкусы. С позиций догадок, интуиции, возрастного неприятия другого образа жизни, собственного другому возрасту (не хуже и не лучше собственного, а просто другому). Ничем не отличается и наш вуз от других сфер: те же огульные, категоричные обвинения «вообще молодежи» в нелюбви к труду, в безнравственности, безвкусице. Хотя давно уже на виду миры и мирки, группы и кланы, непохожие друг на друга; чрезвычайно обидно для каждого человека, когда его впиливают в какой-то один массив, монолит. При таком подходе «Уж эта молодежь!» — в одной куче оказываются «Националя», и девушка с БАМа, совершившая свой человеческий подвиг и до сих пор живущая в завалухе, где потолок провисает и бороды снега нарастают по углам комнаты. Все это видят и знают мои студенты.

«Что вы знаете о трудностях?» — часто выговаривают моим ребятам. А они то как раз и знают. Трудности, конечно, разные — у крестьянина, рабочего, интеллигента. В Старом Осколе или Крас-

ноярске они иные, чем в Москве. Но есть и общие, если посмотреть в неприглядном для нас ракурсе. Мы усвоили формулу: общественное бытие определяет общественное сознание. Не уточняя, что общественное бытие включает условия труда и быта. Конкретные условия. В силу же свершившегося расщепления общества каждой группе трудно по-разному (еще недавно об этом говорили лишь «изустно», а сегодня о бедных и богатых, о тысячах советских миллионеров говорят и печатать, и экономисты, и юристы...). Детям, выросшим в домах, где камин, сауна и фонтан в гостиной (оказалось, что и таких немало!), трудно всерьез принять нравственное достоинство и особую сладость рубля, который лично заработан, — рубля малого, на который живут от зарплаты до зарплаты большинство людей. Первое же серьезное испытание (изменение положения родителя, например) сбьет их с ног.

А кого-то уже сбilo. Какие получились люди там, где глава семейства уже не знал, куда и складывать неправедные купюры: кто-то держал их в таре из-под коньяка, кто-то складывал в наволочки и по наволочкам считал, как подушки... Сегодня мы понимаем, что все общество выходит на порог нового знания о самом себе. Нас уже ударило по сердцу открытие страшной фигуры: взяточника в высокой должности. Взяточника и спекулянта, выдававшего себя за Советскую власть. Это ударило нас, взрослых, закаленных.

А их, наших детей, уже видевших вблизи себя начальника, которому к юбилейной дате, скинувшись, заводы перевели на счет тридцать тысяч в подарок? Нет! — говорили старшие. — Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда.

А, оказывается, было. И дети наши становятся уже более зрячими, чем мы. У кого-то это выбивало почву из-под ног. Когда, с одной стороны, они слышали — мы лучшее общество в мире. Но, с другой, видели, как это лучшее общество почему-то терпит подонков на большущих должностях. Общество, поклявшееся всем фронтовикам и их семьям к 30-летию Победы дать достойное их подвигу жилье, не сделало этого и к 40-летию, — зато девицы больших начальников запросто обзаводились квартирами и многим другим... А большие начальники в райских уголках, в засекреченных зонах, строили роскошные дворцы, о которых ходили глухие слухи. А некоторые большие начальники строили дома обкомов, крайкомов и т. д. и вселялись туда под охрану милиционера, рассчитывая оставаться в завоеванном ранге долго-долго.

Журналистские блокноты за тридцать с лишним лет накопили много исторических реалий. Вот, например, запись, сделанная на пленуме Красноярского крайкома партии после снятия Н. С. Хрущева (из речи секретаря крайкома): «Вы, товарищи, можете спросить: а где был ЦК, когда Хрущев совершал ошибки? Но вы должны понимать, что развенчать культ Сталина после его смерти много легче, чем стоящего у власти Хрущева». Случайно наткнувшись на эту запись, я перечитала ее еще не однажды... Скольким раз это повторится на глазах одного поколения, — спрашивают меня ребята...

Мы с моими студентами не боялись заглядывать в причуды времени — в угар рок-музыки, экстрасенсов, нервный интерес к гадалкам, мистике, религиям, сектам, знахарям, чертовщине. Мы хотели вместе, помогая друг другу, понять, почему в некоем душевном хуторянстве ищут выхода из духовного поражения — и где же его искать вот им, молодым призванникам фронтовой профессии? Как сделать, чтобы не изувечила их двойная мораль и двойная бухгалтерия, живая и несдающаяся?

Разные, очень разные мои студенты, но ни один из них не знает той жизни, в которой «могущие» родители прокладывали виадуки над грешной, задымленной землей, по висячим садам Семирамиды прямо в рай: в элитарные вузы, к диссертациям, заграничной работе, должностям... Мои студенты знают о сверстниках не только по замолчанному роману «Игорь Саввич» Виля Липатова, они и здесь, в нашем вузе, умеют отодвинуть кожаным плечом. У них другая трудность, чем у моих ребят: легкое вхождение в жизнь вообще и отсутствие истинного любопытства к собственной личности: а что я могу сам, без моих «двигателей»; что зашифровала во мне природа? Зачем я рожден? Вседостигаемость, вседозволенность, идеал жизни — «дача, тачка и собачка», да все высших марок, даже осуществившись, не могут на всю жизнь заглушить тоску по несбывшемуся самому себе. Но они этого пока не знают, они пока упоены жизненным успехом, высокой стипендией, большими гарантированными перспективами. Может быть, их и обойдет беда Игоря Саввича — аморфность души, утрата страстных желаний, мечты — тяжелая расплата за легкость исполнения хотений. Может быть, их ударит другая беда — ненасытность желаний? Больше, больше, больше — и как можно выше. С маленькой должности, когда спрашивают с тебя, на большую, когда спрашиваешь уже ты. Когда к подъезду приличного дома по утрам за тобой будет подъезжать государственная «тачка». Ладно бы еще, если б только сверстники возжелели — с ними можно поспорить на равных. Но вот и молодой начинающий преподаватель делится планами: «Я буду иметь все! Может быть, только не

все сразу». Это все — шикарная квартира, престижная работа с машиной, спецзаказы и т. д. (и они, мои студенты, скоро убедятся, что так и будет, хотя и сменяются вроде бы времена). Не стесняясь оппонентов, молодой мудрец будет учить стратегии жизни: «Когда придешь на работу, иди на прием к секретарю обкома партии. Обязательно поблагодари за то, что направляли на учебу; похвали вуз — все, что вы говорите, сюда доносится, а кто знает, ведь возможна еще и аспирантура. Попроси совета в работе, — старшие это любят; а уходя, попроси разрешения и впредь обращаться за советом, — таким образом, ты на будущее гарантируешь себе возможность бывать в этом кабинете, а там, под разговоры, и выложишь просьбы — о квартире, о более интересной работе...» Девушка, которую напутствуют, собирается в Казахстан...

Другой преподаватель тоже учит мудрости: «Знай, за кого держаться. Будешь меня слушаться, я тебе сделаю шикарное распределение — в партийный аппарат»...

Что еще шепчет им современная действительность устами разных людей на ушко, один на один, — если такие советы подаются открыто и в них никто не видит проявления безнравственности? Безнравственность выдает себя за мудрость. И уже бесхребетный герой Виля Липатова, утративший вкус к жизни, не кажется самой опасной фигурой будущего. Холодные растиньки современности — в «поре», в расцвете — вот с кем страшно жить рядом и молодым, и старым: одних отравят и растлят, других обманут и используют. Что породило их? Прославляемый идеал звездных, увенчанных жизней? «Коронавание» людей из верхнего эшелона, провоцирующее массовое вождение? Смещение ценностей из категории качества в категории количества? Не каким быть, а кем быть?

Вот где самая большая трудность, выпавшая им на долю! Утрата веры в гражданскую порядочность, в отвагу, способность быть смелыми вовремя, а не «опосля», не вслед, не задним умом. Как ее вернуть — веру в нашу общую надежность и ответственность? В реальность справедливых принципов?

И вот тут снова вернусь к той шумной Ириной публикации, вызвавшей у одних читателей полное одобрение, у других — гнев, возмущение, несогласие — чувства разного накала, но с одним знаком: «Газета допустила ошибку. Подняла руку на достойнейшего работника нивы просвещения. Факты искажены, слова вырваны из контекста, акценты смещены... Авторы? Большая группа учителей-ветеранов. Работники облоно. Уверяют, что наша Ира работала «не теми методами»; опять «джинсики» фигурируют; в письме ветеранов какие-то странные намеки чуть ли не на подкуп.

Главный редактор просит: «Съездите в командировку сами. Ведь ваша студентка-то! Вот и разберись, всему ли научили. Хочу одного: объективности. Для этого нужна полная ясность».

Да, ясность нужна всем.

Не буду пересказывать суть конфликта, изложенного в той статье. Коротко только скажу, что схлестнулись в нем две школьные учительницы, два человеческих характера, два взгляда на педагогику. Два равно сильных человека. Два равно яркие, богатые, интересные личности. Даже совпадение биографий словно нарочно выстроилось перед нами, чтобы мы споткнулись об него, остановились в недоумении, в задумчивости: что же им делить-то, таким похожим? Одна — убежденный педагог, из учительской семьи, с династической гордостью, и другая тоже! И предмет избрали, словно предвидя роковую соревновательную встречу, один. Неподкупную математику.

Все одинаковое — и все разное! Одна одержима делом до угрюмости, до систематических нервных истощений и признает в учениках только способных к ответной одержимости. Другая — веря в свою способность научить, сердится и негодует, когда не хотят учиться

ся, и снова берется учить — всех подряд, забывая о простом: разбудить от интеллектуальной спячки, побудить к работе. Может быть, она и не философствует на эту тему, но убеждена: как бы ни был одарен ребенок в чем-то одном, ни один учитель не имеет права отбирать его от всего другого (или своим предметом оттеснять все иное) — школа лишь первое знакомство человека с собой! Он не знает себя совершенно, и даже если засыпает с учебником математики, это не значит, что он не захочет рисовать, или в нем не пробудится поэт, или руки не заволнуются от прикосновения к куску дерева. Потому, веря в себя, она все же старается не упустить и чужих методов, может быть, пригодятся и в ее классе.

Все одинаковое — и такое разное. Кто из них лучше? Кто из них прав? Вот уж не нам судить. Наверное, хорошо, что такие разные люди входят в класс, — и перед детьми через них, учителей, впервые и открываются многообразие и пестрота человеческого мира. Через неприглаженное учительское разнообразие совершается важнейшее: адаптация человека к человечеству! От ручного (прирученного и приручившего) мира семьи, от такого же обжитого и привычного — детского садика, — во все усложняющийся мир людского разнообразия... Вот ведь что такое школа!

Можно ли подогнать школу под достойнейшую и прекраснейшую Таисию Михайловну (одну из «героинь» той статьи. — К. С.)? Да упаси боже, ни в коем случае! Только представить, что на каждый из шести уроков входит натянутая, как струна, сжавшая кулаки, приказавшая себе вскинуть голову, надеть маску бодрости, решимости, воли, — и только тогда открыть двери в класс... От такого поля напряжения можно заболеть. Нужен роздых, расторможение, расслабление — на другом уроке, с другим человеком. Нужны лукавство, кокетство, легкость, молодость, игривость, мудрость, спокойствие, старость — весь спектр мира людского, и ни один учитель не может монополизировать право быть целым миром. Можно ли представить школу из одних Штатовых, Щетининых, Ильиных, Сухомлинских? Думаю, праздный вопрос, хотя и ставлю его. Школа должна быть открытым и реальным миром — и через эту реальность маленький по физическим (но не интеллектуальным и эмоциональным!) параметрам человек осваивает главную большую науку: сосуществование людей! Сотрудничество людей — разных, не подгоняемых друг под друга.

Мысль, вызванная противоборством двоих учителей, обрела совсем уж крамольные очертания.

В чем же главный конфликт, главная беда (хотя конфликт еще не обязательно беда), случившаяся в школе? Ну, в характерах — это так, ясно.

Но главной ошибкой в той истории, как я поняла, было глубочайшее пренебрежение к интересам детей. За которых все так страстно боролись. Бедные шестиклассники, на которых сорокалетние люди обрушили свои страсти. И это — мир учителей?

И это — нива просвещения?

И всплывает в памяти интересная, даже поразительная мысль Макаренко — комментарий к ней не встречала, опровержений ее ценности — тоже. Если б меня спросили, что я предпочту: коллектив ярких индивидуальностей, которые каждый тянет в свою сторону, или коллектив единомышленников, состоящий из средних учителей, — я предпочту второй. Я думаю, что упор здесь не на средних, а на единомыслии. Глубочайший реализм педагогики Макаренко — педагогики здравого смысла — заключался в ощущении резерва детской души. Его могло хватить на восстановление, возрождение собственной личности через труд и справедливость, но его бы не хватило на преодоление учительских амбициозных распрей. Рассудочный выбор правого не по силам детству. Детство выбирает душу, чувством.

● **Нужна ли помощь молодым?**

● **Страшнее зверя нет, чем телекамера.**

● **Когда нет друзей...**

● **Спасение наших детей — в наших руках.**

● **Два мнения об одной статье.**

Во многих телепередачах для молодежи во весь рост ставятся проблемы: что мы должны молодым? Чего мы для них еще не сделали? Как организовать их досуг? Как обеспечить их жильем, обходя в очереди не молодых, которые, впрочем, были молодыми, но не успели воспользоваться преимуществами возраста? Как обижают их старшие товарищи? И т. д.

Никто не спорит, что молодежь надо заниматься серьезно. Но как? В кино последние два десятка лет расплодилось фильмов о старшеклассниках, во всех бедах которых виноваты дуры-учительницы или отсталые родители, которые почему-то не хотят, чтобы их ребенок дружил с хулиганом (а он, оказывается, хулиган с изюминкой, хороший, положительный хулиган). Или очень родители несознательные не хотят, чтобы их сын отдавал купленный ему костюм другому мальчику из класса (интересно, какая зарплата у режиссера? Покупает ли он одноклассникам своего сына дорогие джинсовые костюмы?). Из этих фильмов и телепередач ребята выносят главное — взрослые виноваты во всех их бедах, они отсталые, они виноваты в том, что их не понимают, они забыли, как сами были молодыми. Не прививается детям уважение к опыту взрослых, к их годам, тема заботы о старых людях отсутствует вообще, в том числе и о своих родных стариках.

Этим мы очень невыгодно отличаемся от народов Востока, где общий уровень жизни не выше нашего, но старость не так обездолена, как у нас. Появился даже такой фильм — «Легко ли быть молодым?». Да уж действительно, старому человеку жить легче. Наверное, поэтому ленинградское общество милосердия на одной из улиц повесило стенд «Легко ли быть пожилым?». Телевидение и кинематограф оказывают зачастую плохую услугу молодежи, которая и без этого знает, кто и что им должен.

Необходимо больше рассказывать о том, как молодежь своими руками изменяет свою жизнь, преобразует ее, не обвиняет старших в неумении организовывать их досуг, развлечения, а сама не только строит и организует клубы и кафе для себя, но и созидает, готовит себя к взрослой жизни, учится ремеслу, занимается делом. Да, такие передачи бывают. Но только бывают. А они должны быть так же регулярны, как «Утренняя почта». И с обратной связью.

Когда мы смотрим передачи, где ребята, сидящие вечерами у подъезда, развязным тоном дают интервью взрослым, когда слышим, как ночные мотоциклисты или заведущая танцплощадок не могут связать двух слов, чтобы выразить свои мысли, то чувство глубокой досады появляется не только у взрослых, но и у тех сверстников,

которым нет времени сидеть на лестницах. И возникают вопросы: а почему только этих показывают? Сколько у нас прекрасных, толковых ребят, дайте им на телевидении слово.

Не потому ли у нас появилось столько юношей, придающих своему облику признаки женственности — красят щеки, брови, носят украшения на шее, в ушах и все это при узких плечах, с впалой грудью, с тоненькими ножками, лишенными мускулов. А ведь от молодых зависит, каким будет наше общество в ближайшее время.

Галина КОНОВАЛОВА,
г. Николаев

«Смену» я читаю давно, журнал уважаю за актуальные статьи и очерки по наиболее важным вопросам, но хотелось бы знать конкретнее, какие меры принимаются по разным публикациям. Вот, к примеру, проблемы экологии. Дошло до того, что ребяташки в детском саду ходят в противогазах, а что же виновные? Продолжают и дальше загрязнять атмосферу? У них в оправдание «план», но я хочу задать им вопрос: если так дальше пойдет, с кем они будут его выполнять? Так человечество просто вымрет и останутся эти «планы» сами по себе.

Я мать двоих детей. Мой старший сын 12 лет постоянно болеет простудными заболеваниями, второй год у него периодически начинается нервный тик. Самому маленькому еще нет и года, а я не знаю, чем его кормить: у него почти на все продукты диатез, кормлю крупками да водой. Кто за это ответит, с кем нам конкретно бороться? Я очень сильно переживаю за болезни своих и чужих детей, а тут чуть ли не каждый день узнаешь что-нибудь новенькое: то в молоке много химии, то в картошке, то у малышек волосы выпадают, и становится жутко за судьбу своих детей.

Как же помочь нашим детям, как заставить прекратить засорять Азовское море и донецкий воздух? Может, и правда нужна демонстрация, как на Западе, но, мне кажется, она нашим «отцам» города не поможет. Им на многое наплевать, ведь они едят чистые продукты, только забывают, что у них тоже есть дети и дышат они одним с нами воздухом. Когда подъезжаешь к Донецку, видно, какой стоит смог над городом, и все это считается предельно допустимым. Наше здоровье прежде всего зависит от окружающей среды, а если больны родители, больны и их дети, и их внуки. Страшно жить с такими мыслями, но где выход?

Г. П., Донецк

Сейчас много и правильно говорят и пишут о спасении природы, о необходимости сохранения Черного, Аральско-

го, Каспийского морей. Все это, конечно, верно. Но в Каспийское море впадает Волга, в Волгу — Кама, в Каму — Вятка. Как же можно спасти море, если не спасать, например, Вятку? Приезжайте летом в г. Киров и посмотрите, что остается от некогда широкой, чистой реки. А остается грязный, с множеством палок, тряпок, бутылок ручей.

Е. ИВАНОВ,
г. Киров

Мне 32 года, я инвалид, и жизнь моя сложилась так, что нет у меня настоящего друга. Но так хочется, чтобы и радостью, и горем было с кем поделиться, поговорить по душам. А в моем положении особенно дорога моральная поддержка, доброе, сочувственное слово. Так хочется общения с человеком, который тебя понимает. Люблю поэзию, музыку, книги, но разве все это может заменить общение с людьми? Пусть даже только общение в письмах, но ведь письма — это уже живые люди. И вот после долгих колебаний я все же решил написать в «Смену». Помогите мне, пожалуйста, прорвать эту «блокаду» одиночества. Со своими болезнями и болями я справляюсь сам, к этому я уже привык. Но когда нет друзей, это убивает... Вот мой адрес: 692808, Приморский край, г. Артем, пос. Заводской, ул. Черноморская, д. 12-а, кв. 31

Александр ЧЕРНОВ

Тайна для двоих зачастую является тайной и для самих двоих. В моей школе на уроках этики дело ограничивается тем, что учительница из раза в раз зачитывает цитаты из произведений великих людей. Вопрос о собственно сексуальных отношениях не вставал у нас ни под каким видом. А чаще всего урок этики превращался в классный час, поскольку этот предмет ведет наша классная руководительница.

Многие считают, что, когда настанет миг близости, все получится само собой, что поможет какой-то природный инстинкт, который укажет, что и как надо делать. Но момент настает, и люди понимают, что почти ничего не умеют и не могут. Отсюда и неуверенность в своих силах, психические и половые расстройства.

Сколько можно повторять, что у нас отсутствует сексуальная культура? Надо что-то делать: выпускать книги, создавать центры, консультации, готовить врачей-сексологов. И не надо говорить, что общих рецептов в интимной жизни нет. А то получается, что книги, конечно, надо выпускать, но отношения каждой пары неповторимы, и потому, милые, доходите своим умом.

Диана, Москва

Я обращаюсь к автору статьи «Это мы не проходили» Игорю Кононову. Очень хотелось бы посмотреть, кто этот человек и какого возраста. Боже мой! Как он только посмел писать такую похабщину, до чего мы дожили, чтобы такую мерзость выпустить на всеобщее обозрение! Вы уже всему научили нашу молодежь, только этого еще не хватало. Это ведь только благодаря печати, кино и телевидению у нас развилась такая проституция, а ваш журнал вообще, кроме разврата, ничего не печатает. Нет, чтобы учить нашу молодежь честности, порядочности, настоящей любви, так вы пропагандируете позиции — уже, наверно, Запад перещеголял. Мне стыдно от чтения, а вам не стыдно подписываться под такой по-

шлостью? Когда это было, чтобы 13—14-летние девушки занимались проституцией, это все ваша работа. Теперь порядочным девушкам житья нет, проститутки им все дороги перекрыли с вашей помощью.

Я этот журнал спрятала, а детям сказала, что его не было. Стыдно, что они будут такую мерзость читать, я даже мужу его не показала.

**И. Н. ГАВРИЛОВА,
Бобруйск**

За недолгое время работы на телевидении я хорошо усвоила одно: что бы ты ни снимал — ты враг. Человеку с камерой нет места в своем отечестве. Куда бы я ни направилась: в зоопарк, на выставку, в детский сад, школу, ЦПКиО, стадион — всюду меня встречает бесконечно дремучий «ответственный работник» (в лучшем случае без метлы и спецовки) и требует письменного разрешения на съемку.

Рубрика, которую я веду («Экспресс-камера»), предполагает от 10 до 20 съемочных площадок в день. Если в четырех случаях из десяти мне удается уговорить, пригрозить, убедить, нахамить, послать к... и снять — я считаю день удавшимся.

Подходит милиционер на Арбате, хватает за рукав и как оглашенный: «Документы!» А потом ни изменения, ни руки под козырек. Только одно: «В следующий раз имей при себе разрешение!»

Иногда хочется просто смеяться. Приехали в парикмахерскую на Герцена взять консультацию у мастера для телезрительниц. Заведующая требует письменного разрешения от генерального директора.

ОПЕРАТОР (близок к истерике): Да что у вас, режимное предприятие?

ЗАВЕДУЮЩАЯ: Конечно, у нас же французское оборудование...

У психотерапевтов есть тест: нужно своими словами пояснить ту или иную поговорку. Я теперь знаю, что нужно рассказывать про поговорку «Хоть кол на голове теши».

Приехали однажды на Рижский рынок. Решили скрытой камерой снять цыганский «бизнес» — губно-помадный промысел. Снимали ровно двадцать секунд. Подошел один из милиционеров и стал «выяснять». Один из, потому что на «цыганском пятачке» их человек пять ходит. В чем же их работа? Теперь знаю — разгонять телевидение.

Комиссионку на Шаболовке знают все любители видео. Толкучка сплеянтвов. Расскажу, как снимали там.

Только остановился «рафик», подошел милиционер и предупредил шофера: из машины не выходи — колеса проколот. И обронил: вы тут недолго, а то всю клиентуру разгоните (???)! Едва мы вышли из машины, нас окружили плотным кольцом, да с такими физиономиями, заставили меня пожалеть о выезде. Они не разбежались, они нам очень конкретно объяснили, что могут не только забрать камеру (которая стоит сорок тысяч долларов), но и с нами поступить, как решит «ИХ ТОВАРИЩЕСКИЙ СУД». Лично у меня колени подкосились. Естественно, я стала искать глазами милиционеров, которые дежурят у магазина вдвоем. Трудно объяснить ощущение, когда я увидела две удаляющиеся со своего поста фигуры в форме.

А недавно меня не пустили в музей Маяковского. Нужно было ответить на вопрос телезрителя по поводу одной строки из поэмы «В. И. Ленин». Литературный музей направил меня на площадку Дзержинского, где во дворе всем известного дома и находится мемориал. Долго искала «брешь» в стене серого здания. Нашла арку с полуоткрытыми

железными воротами и солдатом на часах. «Где, — говорю, — музей?»

— Временно закрыт на реставрацию, — отвечает солдат и сопровождает свой ответ железным скрипом засова.

Снова еду в Литературный музей. — Как быть, — спрашиваю. — Нужен знаток Маяковского...

— Они все на Дзержинке, — отвечают.

— А позвонить бы им... — Телефон у них отрезан.

И тут я решила на поступок и пошла прямо в двери всем известного дома, где меня встречает строгий, но любезный прапорщик.

— Мне бы к вам во двор, к поэту Маяковскому...

— Никак нельзя.

— А сотрудники музея как же ходят?

— По списку.

— Мне бы хоть одного сотрудника сюда, на улицу... Телефон у них отрезан...

— Отправляйтесь в приемную на Кузнецком мосту... Только там... Только они... Только...

«Бедный Маяковский!» — подумала я и закончила свой рабочий день.

**Наталья ТЮРИНА,
корреспондент ЦТ, Москва**

Прочитали письмо жителей селения Халимбакаул из Дагестанской АССР, опубликованное в журнале № 15 за 1988 год, и тоже решили написать. Наш старый дом расположен не в Дагестане, а во Владивостоке, однако проблемы у нас общие. Асфальтовый завод, банно-прачечный комбинат, КПП Приморремонтстроя, бензоколонка, две дороги с интенсивным движением в пяти метрах от дома — вот так мы живем.

Несколько раз в году у нас закрывают водопроводную колонку, даже не объясняя, какие «бациллы» в очередной раз нашла санэпидемстанция, хотя сами мы видим, как сточные воды банно-прачечного хозяйства заливают наш двор. Закрыта колонка и сейчас, а вокруг дома вырыты канавы.

Единственное, чего мы добились за десять лет, так это то, что дом включен в список сноса в 1989 году! Наши дети ежедневно задыхаются от смрада. А сами мы чувствуем себя людьми, у которых есть только обязанности, но нет прав. Разве это дело? Почему, зная, что район небезопасен для здоровья, наше переселение все откладывают?

Жители дома № 105 по улице Снеговой

**РУЛЕВ, ТОЛСТОШЕВА,
КАРАУЛЬНЫХ,
МАТВЕЕВА,
СОКОЛОВ, БОГОМАЗ,
ЕРМАК,
Владивосток**

На статью «Дом Дениса Давыдова под контору?», опубликованную в журнале № 15, сообщаем, что решением Московского городского Совета народных депутатов от 15 октября 1986 года за № 2503 помещение по ул. Кропоткинская, дом 17, строение № 2, исключено из жилищного фонда г. Москвы постоянно, передано на баланс Управления Госконтроля охраны и использования памятников истории и культуры г. Москвы, после чего передано в аренду региональному объединению «АвтоВАЗ-техобслуживание» по Москве и Московской области.

Региональное объединение за счет собственных средств выполнило ремонтно-реставрационные работы согласно плановому заданию Управления Госконтроля охраны и использования памятников истории и культуры г. Москвы.

К вопросам, касающимся Зачатьевского монастыря и строительства гаражей по ул. Остоженка, дом 20, «АвтоВАЗтехобслуживание» отношения не имеет.

**Е. П. ФРОЛОВ,
директор объединения,
В. А. ИЛЬЯШЕНКО,
секретарь партбюро,
А. Л. ПИМЕНОВ,
председатель ОПК**

Материал С. Каленикина «Кому не по нраву погода» (№ 13) объективно отражает ситуацию в области медицинской климатологии, сложившуюся в нашей стране.

К сожалению, успешно развивавшиеся ранее климатопатология и медицинская климатология в 70-е годы стали затухать. Поддерживались они лишь в Сибирском отделении АМН СССР, где была создана программа «Солнце — климат — человек» под руководством члена-корреспондента АМН СССР Н. Р. Деряпы. В Москве и других крупных научных центрах исследования по медицинской климатологии ведутся лишь отдельными энтузиастами. «Древо» медицинской климатологии, лишенной притока молодых ученых — медиков, географов и биологов, — было подрублено...

Сейчас глубокое изучение механизмов воздействия погоды на организм человека, по существу, не налажено. Редкие физиологи занимаются этими проблемами, еще реже медики пытаются раскрыть их патофизиологическую сущность. Поэтому так удручающе выглядят новые предложения по фармакологической коррекции метеотропных реакций. Сталкиваясь с ухудшением деятельности дыхательной, сердечно-сосудистой и нервной систем при резких перепадах метеорологических факторов, клиницисты в лучшем случае оказывают симптоматическую помощь больным. Как часто такая помощь опаздывает, и ухудшение метеобстановки приводит к тяжелым и даже смертельным исходам! Особенно сильно влияние погоды на течение гипертонической болезни, ишемической болезни сердца и их грозного осложнения — инфаркта миокарда. Необходимо разработать комплекс профилактических мероприятий для преодоления тяжелых метеотропных реакций, особенно у больных сердечно-сосудистыми заболеваниями.

К сожалению, была отстранена от этой работы В. Ф. Овчарова, которая разработала стройную систему медико-метеорологического прогноза и много лет вела соответствующую рубрику в газете «Вечерняя Москва». Ей принадлежит заслуга выделения метеотропных ангиоспастического и гипоксического синдромов, а также разумные предложения по их профилактике.

С момента предложения о создании Государственной медико-метеорологической службы информации и прогноза прошло 11 лет, но организовать ее так и не удалось. Инициатива журнала «Смена», привлечшего внимание к этой проблеме, должна побудить заинтересованные ведомства к действию.

**А. П. АВЦЫН,
академик АМН СССР, лауреат
Государственной премии СССР;
А. П. МИЛОВАНОВ,
доктор медицинских наук**

Дорогие друзья!

В январе 1989 года «Смена» исполняется 65 лет. Еще совсем недавно, в канун Нового года, нам представлялось, что и редакция, и вы, наши читатели, имеем некоторые основания для радости. Шутка ли, только за один год число наших постоянных читателей увеличилось на 870 тысяч! Да, именно столько новых подписчиков теперь будут получать журнал два раза в месяц прямо домой. Большое вам спасибо, дорогие друзья, за тот интерес, который вы проявили к нам, — думаем, что это является и свидетельством вашей неизменной поддержки позиции журнала. Конечно, мы бесконечно благодарны вам за ваши письма. Письма, в которых вы подсказываете нам новые темы, справедливо критикуете, письма-исповеди, в которых просите помощи. Многие из ваших обращений в редакцию мы стремимся поместить на наших полосах. Именно благодаря вашим письмам журнал, на наш взгляд, стал в последнее время более острым и злободневным.

Да, «Смена» 65! За эти десятилетия журнал изменился. Вначале это были книжечки на плохой бумаге, с небольшими черно-белыми иллюстрациями, потом бумага стала лучше, журнал более красочным. В годы войны он стал военным журналом ЦК ВЛКСМ. В то суровое время «Смена» вынуждена была уменьшить, сократить объем, но и тогда наши читатели регулярно получали свой любимый журнал.

Листая сегодня старые подшивки, в первую очередь думаешь о Времени и о тех людях, кто делал «Смену». И прежде всего хочется сказать «спасибо» нашим коллегам, всем, кто имел счастье так же, как и мы нынче, прикасаться к производству журнала.

Уважаемые читатели, перед вами первый номер «Смены» за 1989 год. Как видите, журнал стал чуточку иным. К сожалению. Вот почему и радость наша по поводу значительного увеличения числа подписчиков несколько отдают горечью. Ведь журнал потерял свою плотную обложку. Дело в том, что журнал — это не только творчество, но еще и огромное, сложнейшее производство. Журнал делают и люди, и машины. И если человек может все, то машина делает только то, что она может делать. Не больше. Машина, которая делает наш журнал, единственная в Советском Союзе. Она так и называется — «Смена». Второй такой пока нет.

Многолетние читатели, очевидно, заметили, что до 1987 года журнал приходил к ним регулярно, без задержек, и мы гордились тем, что всегда в срок подписывали сигнальные экземпляры. В 1988 году, когда тираж «Смены» достиг двух миллионов, в редакцию стали поступать многочисленные жалобы на задержку доставки. Практически весь год редакция подписывала сигнальные экземпляры с опозданием.

С новым тиражом в 2 миллиона 600 тысяч при сохранении прежней обложки типография справиться попросту не может. Вот почему, уважаемые читатели, вы сегодня держите в руках «похудевшую» «Смену».

Мы обращаемся к вам, дорогие друзья, со словами глубочайшего извинения за то, что «Смена» стала тоньше. Поверьте, другого выхода у нас, к сожалению, нет. Надеемся, что это не изменит вашего отношения к журналу. Мы же будем более требовательными к тому, что выносить на наши страницы, будем стремиться делать журнал интересным и нужным вам, уважаемые читатели.

многолетней социальной стратегии отцов города, особнячки с заколоченными фанерой окнами (между прочим, первая проба архитектурного пера гениального Растрелли), стали для горожан не только знаком пренебрежения к их житейским нуждам, но и символом душевной глухоты местных властей к вековой памяти предков.

Недуг беспамятства оказался тесно связанным с другой тяжелой болезнью: разрастающийся промышленный комплекс сильно потеснил крестьянское хозяйство, и земля, когда-то хлебосольно кормившая верхневолжских обитателей, сегодня не в силах прокормить мощный рабочий класс. Даже то, что производят местные перерабатывающие

нии к людям. Неудивительно, что доверие к аппарату, руководящему городом, тает на глазах...

— А существует ли альтернатива взаимоотношений, есть ли в городе, в области силы, способные противостоять социальной апатии аппарата, если она есть? — этот вопрос я задаю Андрею не без умысла.

Из газет известно, что в Ярославле активно действует неформальная демократическая организация Народный фронт. Многие знают, что именно на митинге Народного фронта ярославцы непримиримо выступили против бывшего первого секретаря обкома партии Лощенкова, вычеркнув его кандидатуру из списков делегатов XIX партийной конференции. Но способен ли Народный фронт

что слово «фракция» он употребил, просто не найдя другого термина, выражающего смысл объединения молодых депутатов. Дело не в названии... В Пролетарском районе молодые депутаты, объединившись при райкоме комсомола, создали неуставную комсомольскую организацию. Тоже фракция?

Этот разговор в горьком комсомола заставил меня по-иному взглянуть на проблемы депутатской деятельности: почему бы и впрямь многочисленной по представительству в Советах молодежи — а в Андропове молодых депутатов почти половина — не объединиться для проведения своей принципиальной линии, отстаивая на сессиях не только конкретные проблемы избирателей

Людмила МОДИНА

На праздничной демонстрации в городе Андропове ребята из ПТУ развернули перед трибуной самодельный плакат: «Хотим жить в Рыбинске! Хотим кушать конфеты нашей кондитерской фабрики! Хотим ходить в ночное кафе!»

— Думаешь, мальчишество? — горячится секретарь горкома комсомола Андрей Зубов. — А я считаю, что ребята сформулировали то, что волнует горожан. За этими наивными лозунгами такой комплекс проблем, столько наших застарелых городских болезней!

Небольшой приволжский городок представляет сегодня некую модель того социально-экономического явления, которое столь характерно для небольших промышленных городов Рязанщины, Смоленщины, Подмосковья и других российских областей. Звучное имя никак не могло возрождению старинных, купеческой застройки, кварталов. Плод

предприятия — мясокомбинат, кондитерская фабрика, — рыбинцы видят на прилавках едва ли не два-три раза в год. Не лучше обстоят дела и с пищей духовной. И хоть лозунг «Не хлебом единым» был в минувшие годы застоя чуть ли не самым популярным, об этой стороне жизни рыбинцев никто не позаботился. Мальчишки, категорично требующие открыть ночное кафе, на самом деле не имеют возможности и обычное посетить. В огромном микрорайоне на Скомороховой горе проектировщики не нашли места для клуба, кинотеатра, дворовой детской площадки...

— Даже подростки понимают, что город, если он не может обеспечить своим жителям нормальный житейский уровень, обречен, — говорит Андрей Зубов. — Но мы-то хотим, чтобы старинный Рыбинск обрел свою былую славу. Понимаем и другое: сегодняшний стиль руководства, отношение городских властей к своим землякам никакой критики не выдерживают. Ведь то, что в праздничный ветеранский набор включили два куска хозяйственного мыла, нельзя расценивать как унылое недомыслие чиновников. Это говорит о многом, в том числе и о неуваже-

и его сторонники сломать бюрократическую систему управления областью, повернуть ее к людям?

— Народный фронт... — Андрей на мгновение задумывается. — Мне нравится его идея — утверждение социального равенства. Она привлекает многих. Но я и о другом скажу: среди противников Народного фронта не только чиновники, опасующиеся, как бы чего не вышло. Многих честных, достойных людей отталкивают экстремизм, кликушество, критиканство, ставшие как бы накилью нового движения... Мне кажется, сегодня люди поверят и пойдут за теми, кто поможет им конкретно улучшить жизнь — получить жилье, решить проблему очередей, досуга...

— Но ты сам говоришь, что те, кто обязан заниматься всеми этими вопросами, потеряли доверие горожан. Где же выход?

— В нашей молодежной газете развернулась полемика по поводу выступления одного парня из ЯРГУ, Алексея Бушуева. Он депутат областного Совета и считает необходимым создать в нем молодежную фракцию, которая отстаивала бы интересы молодежи. Ему тут же навесили ярлык: фракционер. Но думаю,

ДЕ

округа, но и программные вопросы молодежной жизни? А уж как назвать такое объединение — фракция, ассоциация или еще как-то, дело десятое. Но что же мешает молодым энергичным людям воплощать идею в жизнь?

— Мы проиграли еще на первом этапе, на предыдущих выборах в Советы, — считает секретарь Пролетарского райкома ВЛКСМ Александр Завьялов. — Те, кого выдвигали в депутаты по разнарядке, по анкете, оказались запланированным балластом. Вообще-то так было всегда, но раньше, в застойной тиши, этого не замечали. А нынче, когда люди действия стали объединять усилия, сразу стало ясно, кто есть кто...

Это точно. Перестройка сразу же установила водораздел между теми, кто главным в своем депутатском

статусе считает значок и право бесплатного проезда в транспорте, и теми, кто пытается выразить своими действиями волю избирателей. Пока еще легче и проще жить первым. Они, как рассказывает депутат Пролетарского райсовета, молодой рабочий «Полиграфмаша» Виктор Никулин, дремлют на сессиях, листают журнальчики и газеты, не опасаясь, что избиратели их отзовут, хоть закон и позволяет это сделать. Но в том-то вся и штука, что изверившиеся избиратели даже не вносят депутатов в свои жизненные расчеты, уверенные, что с этой стороны помощи ждать нечего.

Труднее другим. Тот же Никулин болезненно переживает недоверие к депутатам. Нервничает, когда слы-

шит за спиной у себя в цехе насмешливое: «Депутат наш шагает». Но даже такие люди, как он, мне кажется, не до конца понимают свое депутатское предназначение, всю ту ответственность за людей, за их заботы, нужды, чаяния, которую берет на себя народный избранник. Почему?

Я спрашиваю об этом самих ребят. Одни считают, что виной всему инерция безразличия к депутатским просьбам, сложившаяся годами и поставившая депутатов в какое-то двусмысленное положение: вроде бы и есть права, а воспользоваться ими ты не можешь. Другие говорили о том, что, в сущности, с вновь избранными депутатами никто всерьез не работает, не вводит в суть проб-

лем, которые предстоит решать, не подсказывает пути их решения. И все сходились в одном: важен не только статус депутата, но и его права, влияние на хозяйственников, аппаратных работников — депутаты нового созыва окажутся столь же беспомощны, как и нынешние.

Неудивительно, что первое же учредительное собрание молодежной депутатской группы обнаружило, как разнородны молодые люди с депутатскими значками.

Ради чего решили они объединиться? Прежде всего чтобы, пользуясь авторитетом депутата, помочь молодежи. Жилье, профессиональный рост, организация свободного времени — казалось бы, комсомол и раньше не стоял в стороне от этих

вопросов. Но зачастую комсомольские вожаки и молодые депутаты решали их порознь — бились, как говорится, головой об стенку с нулевым результатом. На учредительном собрании была высказана мысль, что именно депутаты, пользуясь своим статусом, сумеют воплотить в жизнь принципиальные решения, ведь от депутатского запроса руководителю запросто не отмахнуться. Тогда же попытались разработать и конкретную программу действий: организовать шефство над кружками детского технического творчества, заняться трудоустройством школьников на время каникул, открыть клуб атлетической гимнастики...

Дела, может, и не такие уж громкие, да насущные, необходимые. Но

ПУТАТ ПО РАЗНАРЯДКЕ

ЭТО ЕЩЕ ПРИВЫЧНО
СЕГОДНЯ.
А ЗАВТРА?

*Депутат Алексей Белистов: надо, надо помочь...
Общие заботы требуют общего решения.
Кто следующий?
«Блага» депутата: семья Виктора Никулина живет в коммуналке.*

Фото Евгения АЛЕКСАНДРОВА

сразу же раздался голос: «Нам этого не надо!». Даже эта не ставящая перед депутатами глобальных задач программа испугала многих. Пришлось членам молодежной депутатской группы столкнуться и с, мягко говоря, недоумением партийных работников.

И все же основной костяк неформальной депутатской группы приступил к работе. Но в первый приемный день, несмотря на объявления, что были вывешены на предприятиях, в райком, к депутатам почти никто не пришел. Заглянула какая-то бабуся по пенсионным делам, и все...

— А вообще-то избирателей понять можно, — сказала мне депутат Ирина Клепичева. — Мы и в житейской текучке мало кому можем помочь, тем более в делах принципиальных. Нам и бабульки-то не верят. А уж чтобы доказать молодежи, надо поработать много...

Сидеть и ждать — это не в их характере. Решили так: по-прежнему вести приемы, помогать тем, кто придет, но и самим отправиться в молодежные коллективы рассказать о своей программе, поинтересовать-

ся проблемами предприятия, вместе разработать линию действий...

Объединение молодых депутатов действует чуть больше полугодия. Что же в активе? Пожалуй, удачнее всего группа проявляет себя в организации отдыха молодежи. С помощью депутатов переоборудован и преобразован спортивный клуб «Факел» — подвал общежития завода «Призма». Отстояли они вместе с комсомолом молодежное кафе «Кристалл» в рабочем поселке Слип. (На это кафе зарился городской трест столовых и ресторанов — хотели переоборудовать его в пивбар.) Помогли Елене Бокаревой устроить детей в садик, молодому специалисту масло-сырбазы получить жилье... Но ребята знают: пока они перешагнули лишь первый рубеж — почувствовали, что авторитет депутата, если депутат действует, кое-что стоит.

Поняли они и то, что время перестройки, процесс демократических преобразований существенно повлияли на избирателей. Пора бездумного участия в выборах миновала. Люди говорят об этом открыто, с симпатией к депутатам, поднимающим пусть еще негромкий голос в их защиту. Не скрывают избиратели и наболевшее. На дворовых сходах, на производственных собраниях, на диспутах в политклубах города называются имена «избранников по разнарядке», за которых на предстоящих выборах просто не станут голосовать.

Горожане не желают видеть своих депутатов в жалкой роли: раздающими талоны на сахар (было и такое!), просителями в присутственных местах.

Виктору Никулину надолго запомнились резкие слова одной избирательницы, матери-героини, ветерана «Полиграфмаша», бросившей ему: «Беззубые вы, смотреть на вас жалко, как унижаетесь перед чиновниками. Не попрашайничать депутат должен, а к ответственности призывать тех, кто не умеет или не хочет работать!»

Да, депутат ближе к народу, чем работники исполкома. Ему задают вопросы, его ответы воспринимают как ответы представителя Советской власти. А он зачастую не располагает необходимой информацией или получает ее от работников аппарата заведомо искаженной. Никулин все не может забыть случай, когда оказался перед своими избирателями в весьма неприглядной роли. Исполком задумал переоборудовать молочный магазин в фирменный мясокombината. Виктору поручили собрать у избирателей подписи, что они против такого переоборудования не возражают. Депутата настойчиво спрашивали: по каким ценам будет торговаться магазин — по государственными или кооперативным? Никулин отвечал, как рекомендовали в исполкоме, что цены будут государственные. Каково же ему теперь смотреть в глаза избирателям: ведь торгует-то магазин по завышенным ценам! А исполкомовцы прокомментировать этот факт отказались...

Как же после этого люди будут относиться к депутатскому слову? Неужели не подумали об этом аппаратчики? Скорее всего попросту отмахнулись, мол, депутат выкрутится. Не потому ли многие из молодых депутатов с горечью говорят, что не хотели бы быть избранными на новый срок... Стыдно обманывать!

Но уж если депутат проявляет активность и принципиальность — его авторитет среди избирателей растет на глазах. Скромную, милостивую лаборантку Зинаиду Виноградову, заместителя председателя депутатской группы, в городе мало кто знал, пока не прочитали в газете «Северный рабочий» ее небольшую, но едкую заметку о спецбуфете исполкома. Депутат райсовета откровенно писала, что стыдно аппаратчикам покупать разносолы, если город десятилетиями не видит самых обычных продуктов. Спецбуфет закрыли. Но Зинаиду запомнили. И уж на ее избирательном участке люди уверены: ей можно верить.

Работа объединения молодых депутатов подняла в городе их авторитет. В приемную стали обращаться охотнее.

— Я просто не знаю, чем бы кончились все наши мытарства, — горько говорит Андрей Казаковский, рабочий ПО «Моторостроения», — если бы жена не обратилась к депутату...

Лена Казаковская пришла в приемную, когда жить стало совсем невозможно. У нее трое малолетних детишек, а в квартире провалился пол, потолок вот-вот рухнет, полувековые рамы перекосились... А начальник ЖКО будто в насмешку говорит: «Сами захламили (выражение было покруче, посоленее!), сами и приводите в порядок».

Ссылались в ЖКО на отсутствие материала, рабочих, а когда Казаковские в знак протеста перестали платить за квартиру, на завод тут же отправили исполнительный лист. Узнав обо всем этом, Алексей Белитов пригласил на заседание депутатской группы представителей ЖКО и поставил вопрос ребром — потребовал немедленно начать ремонт и снизить плату за ветхое жилье...

В Пролетарском районе процент ветхого жилья самый высокий по городу. Депутаты понимают — проблема требует кардинального решения. Здесь мог бы помочь созданный недавно (не без участия депутатов!) молодежный жилищкооператив. Ребята берутся восстановить и оборудовать на современном уровне дома на Волжской Набережной, представляющие архитектурную и историческую ценность. Идея эта в принципе одобрена и руководителями города. Но, как всегда, от одобрения до воплощения годы пройти могут. Где-то застопорилось проектирование, не решен вопрос с капвложениями, под вопросом нитка тепломагистрали... Как бы здесь могло веское депутатское слово!

Но станут ли их слушать? Услышат ли? У Никулина по этой части горький опыт. По депутатским делам частенько приходится ему обращаться к заместителю директора «Полиграфмаша» по кадрам и социальному развитию Кучину. Товарищ Кучин для депутата времени не жалеет. Выслушает, поддержит, пообещает помочь. И... забудет. А уж если депутат настойчивость проявит (как в истории с детской площадкой во дворе заводских домов на Луговой улице), то даст ему понять через мудрых людей, что настойчивость эта может обернуться удлинением очереди на квартиру, которую восемь лет ждет депутат.

— Я вам честно скажу, — волнуется Виктор, — боюсь без квартиры остаться. Ведь сколько можно четвером — с двумя ребятами — ютиться в двенадцати метрах? Я считаю, что на весь срок созыва депутат должен быть освобожден от работы на производстве. Чтобы быть независимым!

Думаю, прав Никулин. Независимость депутата на сегодняшний день понятие чисто номинальное. Как бы ни был смел, принципиален человек, если ему приходится отстаивать права избирателей в кабинете собственного начальника, он чувствует себя неуверенно. Ведь из этого кабинета диктуется в какой-то мере и его судьба: продвижение по службе, зарплата, квартира...

Какой быть нашей обновленной Конституции? Об этом сегодня спорят в каждом доме, в рабочем и студенческом коллективах. А уж для тех, кто входит в народный Совет, все дополнения в Основной Закон нашего государства становятся жизненной необходимостью.

Действуя почти на ощупь, молодые депутаты в Андропове приходят к мысли, что их объединение должно обрести в Совете свой правовой статус. Только тогда можно будет отстаивать интересы молодой части нашего общества, и не от случая к случаю, не по частностям, а последовательно, принципиально, действительно.

И тогда истинно народным фронтом станут они, депутаты. Выбранные не по разнарядке — по совести, по закону.

СМЕНА '89

ЛЮБОМИР ЛЕВЧЕВ

“ОДНАЖДЫ БЫТЬ”

ЧИСТАЯ СТРАНИЦА

*Освободясь от дел,
встречаю звездный вечер.
Неведомые призываю голоса
налиться вволю
безмятежным откровеньем.*

*— Бог мой,—
вздыхает девушка одна,
почти невидимая в зыбком
полумраке,—
по пальцам можно перечест людей,
читающих в романах все страницы!..*

*Действительно!
Наперечет такие люди!..
...которые не пропускают
текст
без диалогов
без обрисовки драк,
без секса...*

*Догадываюсь,
эта девушка и есть
живое воплощение страниц,
которых мы в романах не читаем.*

*Но только ли страницы?
Их называем незначительными,
ибо*

*не отражают прямо,
дескать,
нас.*

*От скуки
томик листанув,
мы засыпаем
на переплета
девственном
плече...*

*О страница моя, страничка,
пропущенная всеми,
ты сказочно прекрасна!
Избавленная от следов
тупоподвижных пальцев.*

*Тебя не запятали
расплывы,
кратерообразные
от слез.*

*Не испещрял пометками тебя
какой-либо маньяк.
Края твои не загибал невежа...*

*Милая страничка!
Зачем я тратил время
на поклоненье
новомодным шлягерам?!*

*Содержишь ты лишь описание
поры вечерней в первых звездах
на склоне трудового дня
и голоса,*

*исполненные вволю
беспечным откровеньем...
Издали тебя читаю.
Недостойн
тебя коснуться...*

Но я твой.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ СНЕГ

Однажды быть с тобой,
когда начнется снегопад.
Быть только здесь.
Чтоб свет глаза не резал.

Окно расшторено бесстрашно.
И ты,
приподымаясь на постели,
воскликнешь:
— Снег идет! Смотри!..
На белой улице увижу
автомобильный свежий след.
Как две твоих отрезанных косицы.
Висят воздушными шарами,
упущенными,
фонари.

Графически черны снежинки.
Как и царица снега.
И ты покажешься мне вдруг
сентиментально маленькой,
такой...

щемяще беззащитной.
Как дитя.
Какой ни разу я тебя не видел...

И для того-то, вероятно,
ложится первозданный снег.
И нам присущ банальный дар
воображенья....
В конце концов оцепенеем
в необычайно долгом поцелуе,
а приоткрыв глаза,
заметим —

прибавилось на пядь, не меньше,
снега.

ПОСЛЕЛЮБОВЬ

Встретил однажды
одну молодую ведунью.
В мире второй не найдется
такой же прекрасной!
Ты была ею...
Ты чем-то меня опоила,
чтоб беззаветно
остался я верен тебе.

Помнишь ли, как играючи
льнули губами друг к другу?
Помнишь ли, как восторженно
длилась игра в любовь?
И пока не пойдем откровенности
губ,
горящих от поцелуев,
и пока не пойдем, что действительно
непритворной была любовь,
игривость — в былом,
дорогая!
Играм — конец,
милая!

Вновь станет рукою рука у меня.
Рукой,
а не легким крылом.
И просто постелью
будет постель.
А небо —
небытием...

Но что же тогда сегодня
нас полнит,
стремительно нас сближает,
и сладко преображает,
и страстно испепеляет?
Как это назвать?
Скажи!
Может,
последлюбовь?..

Слушаю гул сердец.
В бешеном, слитном биенье.
Мы вместе, мы неразделимы,
и нас не волнует, чье сердце
отважней звучит,
родная.

ПЛОДЫ

Ну вот, мы и вдвоем.
Одни.
В большом имении
с историей туманной.
В гостиной
перед зевами каминов.

Стеклоглазые
оленьи морды —
вроде намеков о хозяевах былых.
О нежности царя к чужим супругам...
Чужие стены...
Чуждая жестокость...
Тут все нас к одиночеству ведет.
Снаружи, кажется, дождит.
А может, снег идет...
Пусть вход парадный
снегом заметет.

Здесь так мне радостно,
как мальчику,
влюбленному впервые,
в сердцебиенье вслушаться твое!..
Но — за горами наш медовый месяц.
Восемь лет!..
Действительно ль они промчались?

...В романтическом на вид
затворничестве
ты делила со мною все —
среди фонтанов метана,
пылающих,
как у входа в крошечный ад.
Ты спала
на моем плече
в электричках ночных, последних.
Ты на стройках
от стужи плакала,
в телогрейку мою уткнувшись...

Да и мне изголовьем колени твои
становились,
я лежал,
как корабль, извлеченный со дна.
Губы
потрескались от лихорадки.
Во взгляде —
водоросли бессонницы.

Так!
Сквозь беды мы продирались.
И сквозь ссоры мы продирались.
Даже детство свое
в наших детях мы распознавали...

...И сейчас мы одни у камина.
Вдвоем.
Между нами — бесплотность,
светла синевато...
И лишь чувства извечная власть.

Вне раздумий,
в подсчете весомых.
Без загадок,
толкающих в бездну,
где пылливость агонизирует...

Мы наподобье двух
слиянных истин,
невозможных без взаимной тяги.
И в диапазоне том «Я — Ты»:
— Люблю тебя! Хочу тебя! —
взамен приветствия
мне шепчешь...

Ни слов случайных,
ни банальных жестов
не допускаешь —
при расцвете бытия.
Постепенно
и весьма торжественно
свет заливают
двери на балкон.

Не идет.
Ни дождь.
Ни снег.
Вижу путь.
Под синевой без края.
На деревьях листьев не найти.
Только два-три яблока
в саду висят, сияя.

О ЧЕМ-ТО НЕЖНОМ

Случится в белоснежном сквере
нам вдруг прогуливать
воображаемых собак.
И под деревьями в сосульках
задержит нас чистосердечный
разговор.

О чем-то нежном.
Но станут рваться с поводков
собаки
и в стороны нас быстро разведут.
Друг друга потеряем мы из виду,
и вместе с нами скроется любовь.

Это потом понимается,
гораздо позднее.
И поскольку уже я начал
исподволь в том разбираться,
значит, действительно поздно.
Значит, упущено время мое.

ТОГДА

Одной тебе
сюда входить разрешаю.
Видимо
или невидимо.
Выбрасывать окурки.
Окна настезь распахивать.
Постель перезастилать...
И, наконец,
вершить непоправимое —
разбираться в хаосе черновиков,
недописанных
и всюду поразбросанных.

Напоминать не стану нервно:
здесь весь я
и что вот в этом жизнь моя,
что каждый миг
тут кинут на положенное место.
Что все перемешается,
к несчастью...
Конечно, исходить не буду.
Наоборот, мне хорошо в момент
прикосновенья милых рук твоих,
что, упорядочивая,
микромир мой губят...

Самим собой останусь с виду и тогда.
Но внутренне подобным
абсурдно
скучному
стихотворенью.
Впаду в беспомощность,
забуду, где истоки детства,
как возмужанье начиналось,
когда впервые я тебя заметил
и кто ты...
Только почувствую нежность
ладоней твоих.
И любви своеволье.

МЕЖДУ ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ

О Лиссабон!
Приветствую тебя!
Пристанище несбывшихся
мечтаний.
Город — песенный пароль восстаний.
Вот и достиг
в отчаянном порыве
твоей земли
корабль мой,
пусть и с разорванными парусами,
с расквашенным форштевнем,
с потерянными якорями сердца...
Но почему я
вижу
голый берег
с новейшим частоколом
столбов электропередачи,
и лампы освещают пустыри —
краснеющие, мнимую пустынную
строительной площадки?..
Как призрак,
вдаль уходит
древнеримский акведук.
Под ним — лачуги
в тусклых точках света,

как угольки под пеплом полутьмы.
И воды Тежо
текут,
но не туда, где я рожден.
А может, искажается пейзаж
из моего окна в отеле
в этот вечер,
плывущий меж двух революций...

Нелепо перемешаны блокноты
с рубашками под крышкой чемодана.
У телефона
на стеклянном столике
на всякий случай
«Священное писание» мерцает.
«Ветхий завет»
все утончается в сравнении с двух-
томным, пухлым
«Новым телефонным справочником».

Местечко малогодно для раздумий.
Извне — простор для наблюдений.
Шоссе отслаивается от пустырей...
Когда
при вспышке
пара фар
автомобильных:
глаза,
сбежавшие с какого-то лица,
спасаясь от потока тревожений, —
они выискивают что-то.

Ощупываю машинально веки.
Напоследок
высвечивают острые лучи
преграду времени с одной,
мне сызмала известной фразой:
«Продолжается борьба!»
О Лиссабон!
Неусмиримый город.
Мой жребий —
в продолжении борьбы!

Перевел с болгарского
Сергей БОБКОВ

Зенон ПОЗНЯК,

археолог, старший научный
сотрудник
Института истории АН БССР

Фото Евгения СТЕЦКО

Издавна это место называлось Брод или Куропаты. До войны тут шумел мрачный сосново-еловый лес, весной расцветали белые подснежники. Из окрестных деревень сюда редко кто заглядывал. Но вот стали слышны по ночам выстрелы и гул машин; в лесу заметили вскопанную землю, засыпанные ямы. Нашлись любопытные, откопали и увидели, что наполнены эти ямы телами убитых людей.

Вскоре участок леса в 10—15 гектаров оградил глухим дощатым забором, сколоченным внахлест — доска на доску, и протянули поверху колючую проволоку. За забором охрана, собаки.

Я с Евгением Шмыгалевым, моим коллегой, опросил десятки свидетелей. «Каждый день стреляли, — рассказывает жительница Цны Катерина Николаевна Богачук. — Бывало, к вечеру мужчины выйдут из хат, соберутся во дворе и слушают, как стреляют. Побеседуют негромко, поскокрешаются и разойдутся».

«Сразу по нескольку машин заезжали в загородку, возили беспрерывно, — продолжает Дарья Игнатовна Толстик. — А дорога в лесу была выкатана, как асфальт...»

«Вся деревня жила в страхе. Бывало, сядешь вечерять, а они стреляют — хлеб в горло не лезет. Пять лет ночью спать не могли из-за стрельбы», — говорит старожил Цны Роман Николаевич Бацян. То же подтверждает Николай Петрович Нехаичик: «Ребята постарше, которые посмелее, даже перелезали через забор, делали дырки в ограде и многое видели». Спрашиваю: жив ли кто из них?

— Есть. Карпович Микола.

Николай Васильевич Карпович — рассудительный, еще довольно крепкий человек. В 1939 году пошел в армию. Судьба побросала его по свету, по фронтам. В 1937—1938 годах он не раз видел, как убивали людей в лесной «душебойке»: «Расстреливали группами. Ставили в ряд, затыкали каждому рот пробкой и завязывали тряпкой (чтобы не выплюнул кляп)».

— А кто-нибудь спасся?

— Куда там, этакий забор. Правда, однажды вечером, уже в сумерки, шел я через лес из Зеленого Луга в Цну с одним нашим. Не по себе было. Как раз стрелять перестали. Вдруг видим: сидит человек под деревом в окровавленном белье, едва живой. Мы подошли — что делать? В это время загудела машина. Мы отскочили, идем. Навстречу два энкавэдиста: «Кто такие?» — «Цнянские». — «Никого не видели?» Забо-

МЕРТВЫЕ

И ЖИВЫЕ

ялся дядька, спутник мой: «Не-ет... не знаю, сидел там какой-то». Потом мы оглянулись, а они того за ноги тащут. Бросили в кузов и поехали. И как он тогда оттуда вылез, я и теперь не могу понять...

И все же в 1938 году один человек убежал из-под расстрела. «Через забор — и не нашли», — сказала Мария Григорьевна Патершук, тоже из Цны. Один человек... Возможно, он еще где-нибудь живет. Может, прочтет эти строки и отзовется?..

Надея Опанасовна Микулич, учительница из Цны, не в силах забыть, как в 30-е годы в ее родной деревне Малышевичи, под Слуцком, забирали крестьян: «...Схватили шестидесятилетнюю Марылю Шмак. Она была совершенно глухая и неграмотная, жила в ужасной бедности, в погребе, даже хаты своей не имела. Ей сыпали в горло песок, добивались каких-то признаний. Потом, наиздевавшись, ударили по голове — она тут же и умерла...»

Вера Федоровна Толстик из Дроздова, когда ей было семь лет, вместе со старшей детворой бегала смотреть на расстрелы. Детская память сохранила: засыпанные свежим желтым песком ямы и кровь на траве...

— ...И песок над ямами еще шевелился, будто дышал.

— Забрали кого-нибудь из Дроздова?

— Старшие рассказывали, что забирали. Ездил машина. Ночью заходили и говорили: собирайся. Куда, не объясняли. Вот человек и собрался, клал в мешочек хлебушка, сала...

Матрена Николаевна Мантасова из Зеленого Луга рассказывает: в 37-м взяли двух мужчин из Подболотья (деревня соседняя с Зеленым Лугом).

— Кто они были?

— Да простые люди, рабочие.

— За что взяли?

— Никто не знает. Тогда не объясняли и не спрашивали. Ночью по деревням машина крытая такая ходила, «черный ворон» звалась, люди в нее сажали... И по сегодняшний день никто не знает, где они. Может, там и лежат. (Показывает в сторону бывшей «душебойки») Схватили еще мужа Тани Матусевич и учителя Костика, что рядом жил.

— Приезжали по ночам, — говорит уроженка Цны Галина Степановна Жуковская. — Все прислушивались, не заурчит ли машина, были наготове.

И вот заурчала. Перевернули весь дом, без понятий, без предъявления обвинения и каких-либо документов, ничего не объясняя. Забрали паспорта, все фотографии и приказали собираться. Галине Степановне было тогда 13 лет. В ту ночь она осиротела.

Утром девочка побежала в управ-

ление НКВД. Длинные очереди к следователям, стояли по нескольку суток. Ночевала в коридорах, чтобы потом услышать дежурный ответ: «Высланы на 10 лет без права переписки». Потом Галина Степановна узнала, что убили ее родителей в Куропатах. Похвастался в Цне один энкавдист, дескать, Жуковских он «сам стрелял». В 60-х годах она решила отыскать убицу, но нашла только его могилу — умер в 1954 году.

...И вновь разговариваем с Марией Григорьевной Патершук:

— Слышали ли вы о требованиях выдать «врагов народа»?

— С 1937 года председателем Папернянского сельсовета, а потом колхоза работал Тимофей Бацян. Так с него требовали.

Тимофей Васильевич был человеком мужественным. Когда забрали Арсения Грушу, учителя из Цны, перед женой его Вольгой Ивановой некоторые налуганные цянцы закрывали двери. Тимофей Бацян помог несчастной, убитой горем женщи-

не. Тогда схватили ночью Тимофея Васильевича и повезли «за забор». Поставили на край ямы — и наган к горлу: «Будешь давать врагов народа али нет? — У меня нет врагов». — «Давай врагов или уьем!» — «Нет у меня врагов!» — закричал на них Тимофей Васильевич. И... чудеса — они не застрелили его...

— Еще где-нибудь в окрестности расстреливали людей?

— На станции Ждановичи, около деревни Боровая. Да и в Минске за парком Челюскинцев, там, где сейчас завод Вавилова.

— Зимой в 1937-м ворвались ночью в дом, — вспоминает Надежда Федоровна Горбачевич из снесенной теперь деревни Зеленовка, что была рядом с Зеленым Лугом, — и говорят мужу: идем, покажи дорогу к совхозу. Как ушел, так и не вернулся. А утром узнала — 25 мужиков забрали из Зеленовки в ту ночь...

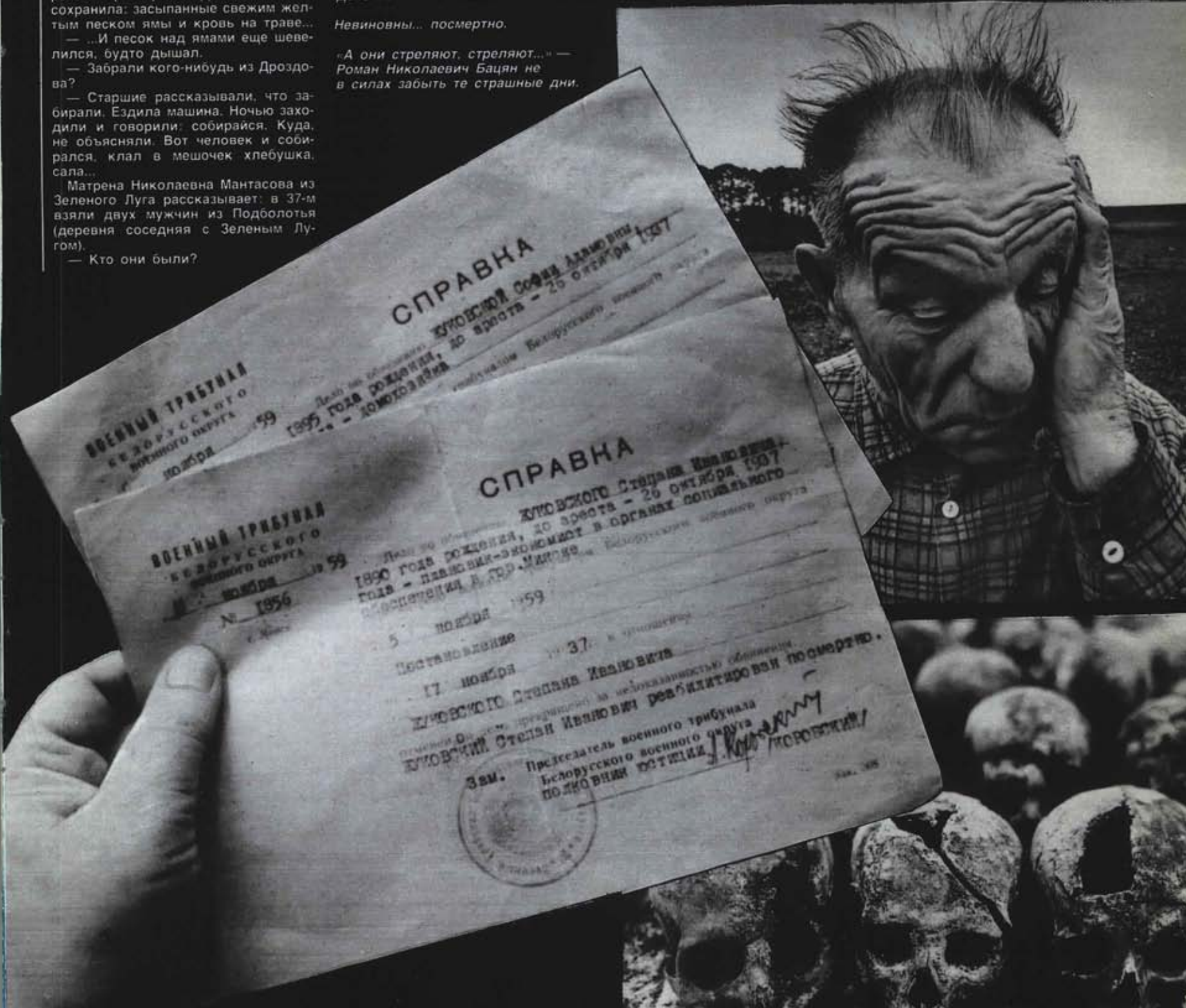
— Что вы думали обо всем этом?

— А что было думать, если весь мир возили около наших ворот?

День поминовения...

Невиновны... посмертно.

«А они стреляют, стреляют...» — Роман Николаевич Бацян не в силах забыть те страшные дни.

Митинг-реквием все же состоялся!

Возили и стреляли. Что тут думать — звери, нелюди!

Мы подробно опросили всех, кто слышал выстрелы, и тех, кто видел, как убивали, или узнал от тех, кто это видел. Отвечали, мучительно вспоминая подробности, долго, обстоятельно. Люди хотели выговориться. (Встречались, однако, и те, кто рассказывал обо всем почти шепотом. И зрачки глаз белели от ужаса. Просили нигде не называть их фамилий.)

— А сильно звучали выстрелы? — спрашиваем у Валентины Михайловны Шехановой.

— Нет, как-то сухо: «хлоп-хлоп-хлоп», но все время; постреляют, потом помолчат и снова: «хлоп-хлоп-хлоп».

Некоторые жители рассказывали нам, как они жали жито или сажали картошку под это «хлопанье» и пытались считать убитых из расчета: выстрел — человек. «Сердце обрывалось» — вздыхали рассказчики.

Расстрелы продолжались с 1937 года до самого начала войны. В Минске последние аресты были 23 июня. Фашистские самолеты уже бомбили город.

Во время войны жители окольных

деревень разобрали забор «душебойки» на хозяйственные нужды.

— Как выглядело то место?

— Все вскопано; песок и высокая трава. И очень много грибов, таких алых, на тоненьких ножках. Будто кровь людская проросла.

Тяжело слушать воспоминания стариков...

Куропаты... Цветы и сейчас растут здесь, только не сплошь, а местами — будто яркие проплешины среди могил. С южной стороны территорию обрезала Кольцевая дорога, проложенная здесь в конце 50-х годов.

Поднимаемся по склону, ступаем в лес и сразу — бесчисленное множество заросших кустами и деревьями ям. В центре большой холм-гряда. Вершина его ровная, будто дорога там была когда-то. Может, по ней подъезжали машины, чтобы освещать фарами обреченных?..

В начале мая 1988 года археологическая группа Института истории АН БССР произвела раскопки в Куропатах. Открытие, сделанное в первый же день исследований, ошеломило нас. Могилы оказались пустыми. Мы переживали чувство, похожее на отчаяние. Неужели замели следы?! Неужели кровь человеческая ушла в землю, как вода?! Нет, на дне могильных ям (а некоторые из них

в глубину достигают без малого три метра!) остались нижние штабеля расстрелянных.

В июле нынешнего года по инициативе Прокуратуры БССР, которая начала уголовное следствие по Куропатам, археологи произвели повторные раскопки и выборочную эксгумацию останков. Анализ вещей, одежды, обуви, останков и их размещения в могилах показал, что расстреляно здесь в основном местное гражданское население — крестьяне, рабочие, сельская интеллигенция, служащие.

Почти во всех откопанных черепах обнаружены пулевые прострелы, как правило, на затылке: часто по два и даже по три отверстия. Есть также боковые прострелы и «под череп». Найдено около двух сотен гильз от револьвера системы «наган» и одна от пистолета «ТТ». Обнаружены десятки пуль, некоторые в черепах. Диаметры гильз, пуль и пулевых отверстий в черепах совпадают.

Подтвердился показания свидетелей, очевидцев убийств в Куропатах.

В одном из захоронений найдено аккуратно сложенное кожаное пальто, а в нем завернутые туфли. Вещи находили и в других могилах, в том числе женские сапожки и перчатки. Кошельки и портмоне с советскими монетами выпуска 30-х годов, муж-

ские расчески и женские гребешки, вставные челюсти, католические нагельные медальоны, самодельные бахилы из автомобильных камер и покрышек (обувь крестьян-бедняков), эмалированная мисочка, стеклянная ампула с лекарством (таблетки), пластмассовая баночка изпод зубного порошка, обручальное кольцо с выгравированной датой «1935», бритва — все, что осталось от тысяч жизней.

Изучение найденных предметов и вещей, размещение их в могилах позволяет говорить, что люди, убитые в Куропатах, оставили родной дом незадолго до смерти, не содержались длительное время в заключении. Скорее всего они были расстреляны без суда, «ликвидированы». Подсчитано, что убито в Куропатах более 200 тысяч...

Мы никуда не уйдем от нашей истории. И живые, и мертвые — мы одно. Народ. И если мертвым мы уже ничем не поможем, то мертвые могут осветить нам путь, озарить его своими страданиями, всколыхнуть мысли, сердце и дух, если только того захотим.

В Дни Поминовения свершается единство...

* По официальным данным погибло не менее 30 тыс. человек. (Ред.)

ИЗ ДОКЛАДНОЙ
ЗАПИСКИ
НАШЕГО
ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТА

«...Для завершения фотоочерка о Куропатах я выехал в Минск, чтобы снять митинг-реквием, посвященный памяти жертв сталинизма и приуроченный к традиционному Дню поминовения — «Дзяды». Митинг должен был состояться 30 октября в 14 часов у кладбища на Московском проспекте.

Приехав, в газете «Вечерний Минск» я прочел краткое сообщение. Цитирую, чтобы не исказить стиля:

«...В связи с отсутствием в городе традиции проведения дня памяти и изучением в настоящее время исполкомом горсовета общественного мнения по вопросу установления

«Спокойно, товарищи, спокойно!»

даты ежегодного дня памяти погибших в годы Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской и Великой Отечественной войн, жертв сталинских репрессий, воинов-интернационалистов и всех тех, кто боролся за свободу Белоруссии в предшествующее время, а также в связи с проведением... торжеств, посвященных 70-летию образования ВЛКСМ... в проведении митинга-реквиема отказано». И все же я отправился на Московский проспект.

...Половина второго. По проспекту идут и идут люди. С цветами. Но вход на кладбище перекрыт сотрудниками милиции. Тем временем замечаю, что некоторых, идущих к кладбищу, милиционеры буквально выхватывают, выдирают из толпы и ведут к специально подогнанному автобусам. Позже узнал, задерживали именно тех, кто подавал заявку в горисполком на разрешение митинга. Это литераторы, представители республиканского отделения Советского фонда культуры, различных неформальных объединений.

Люди возмущались, пытались выяснить причины задержания. Заместитель начальника минского УВД сказал следующее: «Кладбище закрыто... У нас правовое государство... Граждане, разоидитесь, а то будут применены спецсредства...»

Я стал снимать. Ко мне тут же по-

дошел мужчина в кожаном пальто и потребовал документы, добавив: «Не бойтесь, не отберу». Этого я не боялся, опасаться стоило иного: я видел, как милиционеры энергично вырывали пленки из аппаратов фотолюбителей...

— Будешь снимать, отберу камеру! — крикнул милицкий сержант, недовольный тем, что попал в кадр.

— Разве вы делаете что-либо противозаконное? — спросил я. В ответ — выразительный взгляд.

А людское море бурлило. Милицмейские подразделения рассекали толпу и стали теснить ее от ворот... Не буду описывать, как меня сгоняли с забора (неплохая точка съемки!), снова и снова проверяли документы, ударили по аппарату...

И вот над толпой взлетело: «Идем в Куропаты!» И все двинулись к Куропатским холмам. В окружении милиции и наших отечественных водометов — перекрашенных пожарных машин с решетками на окнах.

...Тысячная толпа разместилась на поляне, неподалеку от тех самых могил. Выступали, читали стихи, говорили о жизни — о прошлом, настоящем, будущем.

Е. СТЕЦКО».

2 ноября, 1988 г.

ОТ РЕДАКЦИИ. Куропаты... Название этого местечка, подле Минска, сегодня известно всей стране. Жертвы, убитые там, воскресают в душах и памяти людской.

И народ по праву совести решил поклониться могилам безвинно погибших земляков, сказать правду и услышать правду.

Что же крамольного в этом?!

Мы не станем обсуждать правомерность действий милиции. Конечно же, она получила приказ. Другое дело, как, с каким «рвением» исполнила его...

Но вот что тревожит: отчего слабоубедительные доводы запрета митинга-реквиема возобладали над здравым смыслом? Почему руководители города в этой острой, чрезвычайной ситуации остались как бы в стороне, переложив ответственность на милицмейские плечи?

На Московское кладбище шла не «кучка экстремистов», «антисоветчиков», не толпа, жаждущая скандала, а народ. «Дзяды» — традиционный День поминовения близких — не мог и не должен был стать жертвой амбиций, скоростных запретительных мер.

Повторится ли завтра такое? Или все же руководители города Минска смогут поговорить с народом на равных, не выставляя между ними и собой милицмейские заслоны?

Очень надеемся, что сможет...

НОСТАЛЬГ

Юлиан СЕМЕНОВ

что я оказался на Западе не по своей воле, говорили ему, что, мол, учись там... Мне сорок, папы нет уже, он не дожил до того дня, когда я стал доктором искусства, когда в Америке и во Франции открылись мои галереи-музеи... Но в этот светлый праздник победы над гитлеризмом, в великий День Победы над теми, кто нес миру бескультурье и гнет, я хочу предложить всем почтить память наших отцов, солдат и офицеров Советской Армии, спасших цивилизацию от гибели, — пусть земля им будет пухом...

...Ресторан «Кавказский» находится не в Москве, а в Нью-Йорке; День Победы мы праздновали в Манхэттене; музыканты играли отменно, со слезой, — наши эмигранты, люди с расколотыми душами.

...В задачу этой заметки не входит исследование вопроса, отчего годы творческого расцвета Михаила Шемякина пришлись на парижский и нью-йоркский пе-

риоды; поразил он меня тем, что и здесь, на Западе, продолжает быть истинно русским мастером; к процессам, происходящим ныне в социалистическом обществе, к тому, как ныне окрылено наше искусство, относится вдумчиво, без той пропагандистской «заморенности», которая, увы, и поньше столь свойственна иным западным пропагандистам его живописи, графика, гуаши поразительно русские, они рождены фантазиями Гоголя и высверком ларионовского авангарда... Первым это понял Владимир Высоцкий, посвятивший Шемякину песню: «Как засмотрится мне нынче, как задышится? Воздух крут перед грозой, крут да вязок, что споется мне сегодня, что услышится, птицы вещице поют, да все из сказок... Словно семь заветных струн зазвенели в свой черед, — это птица Гамаюн надежду подает...»

Шемякин передал мне прощальное письмо Высоцкого:

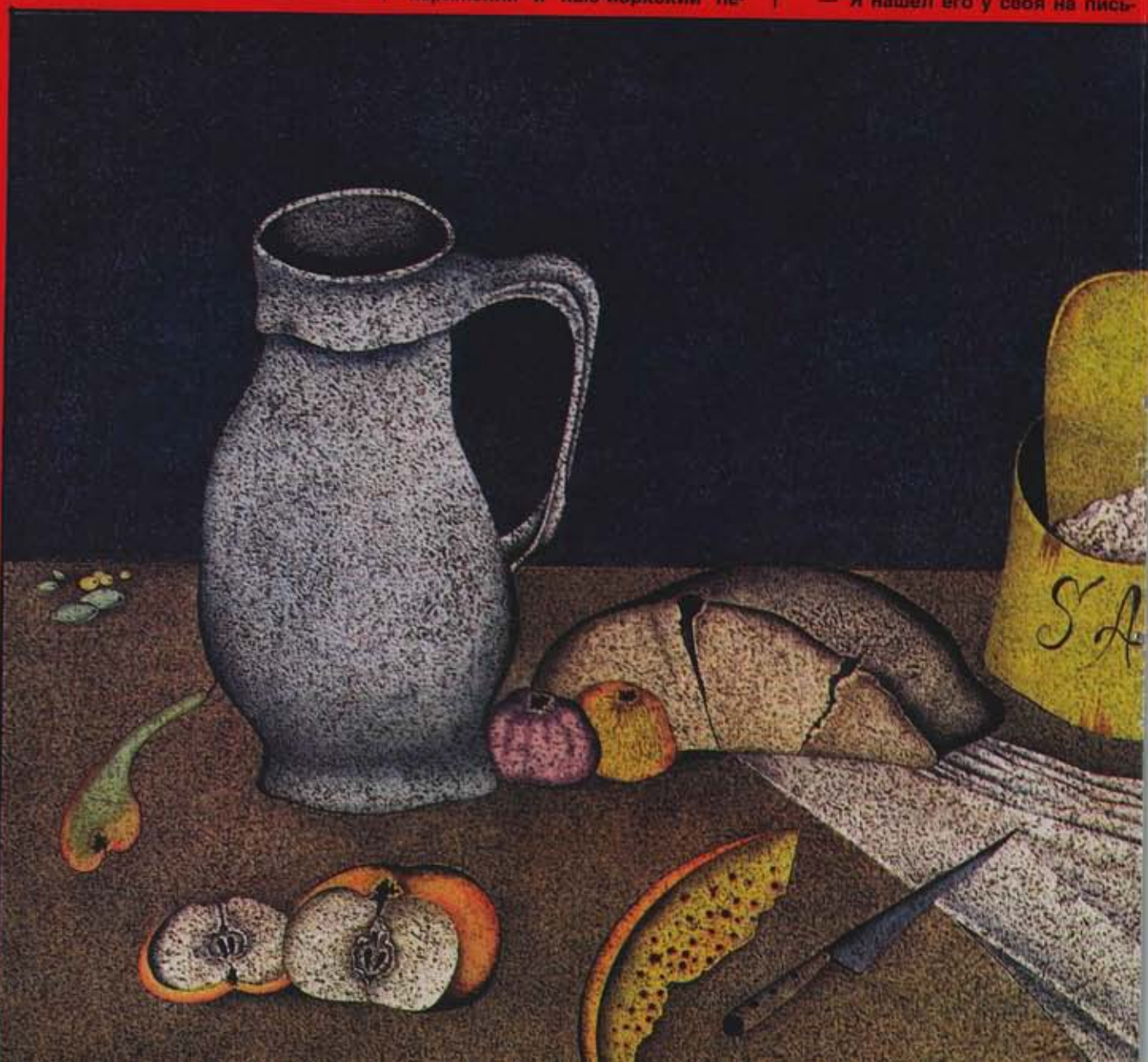
— Я нашел его у себя на пись-

— Ну что, — спросил он меня, — выступим по полной программе?

— Согласен, — ответил я, — день того стоит.

И мы встретились в ресторанчике «Кавказский»; хозяин накрыл стол так, как это принято в Кутаиси, Бакуриани или Сухуми; оркестр исполнял только те песни, которые были посвящены Великой Отечественной, а потом он, художник Михаил Шемякин, — высокий, хлысткий, в сапогах-бутылочках, ни дать ни взять наездник, поднялся, попросив тишины:

— В гражданскую Георгий Константинович Жуков вручил моему отцу орден боевого Красного Знамени... Ему сравнялось тринадцать... Спустя двадцать с лишним лет именно Жуков, начальник Генерального штаба Красной Армии, назначил моего отца командиром отдельного кавалерийского полка — в самые крутые месяцы войны... Кстати, накануне отправки на передовую батя пошел в цирк, там выступали наездники Туганова, донские казаки, а батя был неравнодушен к коням с младенчества... После представления отец отправился за кулисы, и наутро Туганов со всей своей труппой отправился на фронт вместе с полком отца... От бати — спасибо добрым людям — скрывали,

ИЯ

менном столе, когда Володи уже не было.

Четким почерком, видимо, тяжело преодолевая себя, Высоцкий написал:

«Михаилу Шемякину, чьим другом посчастливилось быть мне.

— Как зайдешь в бистро-столовку, по пивку ударишь,— вспоминая всегда про Вовку: «Где, мол, друг-товарищ?»... Вспоминать! Быть может, Вовчик: «Поминать, как звали»... А посему французский не учи! Как хороши, как свежи были маки, из коих смерть схимичили врачи...

Мишка! Милый! Брат мой Мишка!

Разрази нас гром!

Поживем еще, братишка,

По живьем!»

Лицо Шемякина стало серым,

Из серии «Натюрморт».

Из серии «Карнавал в Санкт-Петербурге».

Портрет Вацлава Нижинского.

трагичным, словно античная маска:

— Трагедию Володи я понял только тогда, когда он ушел от нас, «маки» — это опиум, наркотик...

... Путь Шемякина непрост, однако же то интервью, что Шемякин дал советской прессе по поводу злобствования некоторых журналистов против процессов, происходящих у нас на Родине, говорит само за себя: воистину, Россия может обойтись без нас, но ни один из нас не может жить без России...

Мне радостно познакомить советского читателя с некоторыми работами Михаила Шемякина, они того заслуживают; давать им оценки не мое дело; оценочность критики — штука рискованная; Белинский размышлял, а не выставлял баллы. Одно очевидно: без Пушкина и Рабле, Салтыкова-Щедрина и Бодлера, Булгакова и Пастернака, Рублева, японской, античной живописи Шемякина бы как явления не существовало.

В заключение хочу привести выдержку из одного его ко мне письма: «Был бы счастлив, если бы «Художественная литература» переиздала «Классическую испанскую эпиграмму», проиллюстрированную мною давным-давно. Весь гонорар за эту работу прошу перечислить в Советский фонд культуры».

ДОМ ОДИНОКОГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

Патрик БЕССОН

Патрик БЕССОН (1956 года рождения) — один из ведущих писателей молодого поколения Франции.

Французские литературные критики недаром отзываются о нем, как о «надежде» и «звезде» французской литературы.

В свои 32 года он — автор девяти романов, ряда пьес, киносценариев, рассказов.

Лауреат шести литературных премий Франции, среди которых — Гран при Французской академии 1985 года.

Произведения П. Бессона переведены на основные европейские языки, они издаются практически во всех странах Западной Европы и в США, но еще не переводились на русский язык.

Данная публикация — литературный дебют французского писателя в СССР.

Повесть «Дом одинокого молодого человека» знакомит читателя с внутренним миром семнадцатилетнего французского юноши. Это повесть о любви, одиночестве, поисках друзей, своего места в жизни.

I. ДНЕВНИК ЭРИКА. ВИЛЛЕР-СЮР-МЕР, 31 ИЮЛЯ.

Сегодня мне исполнилось семнадцать. Я вышел из дома вместе с Венерой, страшенной шотландской овчаркой, которую я обожаю, купил бутылку кока-колы, пачку хрустящей картошки и газету. Затем прошелся немного по берегу моря, блестящего на солнце.

Был отлив, дети играли в индейцев на полосе мокрого песка. Этой ночью они вернутся в Париж, но завтра приедут другие. Остается лишь заткнуть уши и ждать, когда конец сезона прогонит их на целый год и пляж опять станет тихим.

Я действительно не люблю шума.

Подойдя к дверям Винтерхауза, я спросил у Венеры, останется она в саду или вместе со мной будет праздновать перед телевизором мое семнадцатилетие. Собака глупо махала хвостом, не отвечая; я устал ждать и оставил ее снаружи. Поставив кока-колу в холодильник и закрыв все ставни на первом этаже, я погрузился в размышления.

Семнадцать лет... Наконец я достиг возраста взрослого мужчины. Меня это совершенно не волновало, так как повзрослел я рано: отец с матерью никогда не командовали мною и не давали никаких советов; я сам выбирал свою дорогу. В этом году я сдал выпускные экзамены с оценкой «отлично», но совершенно не горжусь этим: я ненавижу дипломы. Прибавьте к независимости длинные ресницы, черные жгучие глаза латинянина, красивую внешность, осанку принца, ум и спортивность, и вы получите Эрика Корона, повзрослевшего в тринадцать-четырнадцать лет и окончательно возмужавшего после смерти своей сестры Инес.

Я зажег свет, взял газету и включил телевизор, чувствуя, что сегодня ничто не сможет рассеять моих тоскливых мыслей.

Писать в этой тетради — значит, хоть как-то огрadyть себя от них...

Я прервал занятие, чтобы ответить на телефонный звонок. Из Парижа звонила Катрин Гольдберг. Она предупредила меня, что прибудет не 1-го, как было договорено, а 3 августа. Голос ее был охрипшим и монотонным, глуловатое кудахтанье.

Я повесил трубку и развернул длинный лист бумаги, на котором отец пометил имена всех постояльцев, приезжающих завтра: Дениз и Одиль Теллье, Паскаль Март, Мишель и Франсуаза Грасс, Катрин Гольдберг... Рядом с именем Катрин я поставил цифру три и свернул бумагу.

В саду залаяла собака. Я открыл дверь, чтобы покормить ее. И вот Венера лежит у моих ног, свернувшись калачиком, и смотрит на меня...

* Печатается с сокращениями

II. ДНЕВНИК ОДИЛЬ. ВИЛЛЕМОМБЛЬ, 31 ИЮЛЯ.

Шестнадцать лет. Это прекрасный возраст, чтобы начать личный дневник: ты встречаешься уже не с мальчиками или сатирами, а с настоящими мужчинами. Это означает, что жизнь началась!

Жизнь — вот что может прекраснейшим образом заполнить личный дневник.

Я пишу в моей кровати-кораблике. На ночном столе — транзистор, пачка «Голуаз» и стакан апельсинного сока, который принесла мама, зайдя поздравить меня с днем рождения. Она подарила мне юбку в цветочек, очень легкую, в цыганском стиле, и, спускаясь в лавку, добавила:

— Там, внизу, так много работы...

Мама все делает сама, отказавшись от услуг уборщицы и наемной декораторши. Она считает, что у нас мало денег. Но Мишель говорит, что мама с ее парфюмерией зарабатывает больше, чем он в двух своих гаражах.

За завтраком я буду очень послушной девочкой, а после обеда устрою в доме праздник по поводу моего дня рождения. Придут только самые близкие друзья: Лоранс, Жан-Луи, Жюльен, Лаура, Анник, Кристиан, Николая, Патриций, Фредерик, Бруно, Элен, Эбер и Мартен. Для близких друзей этот список длиноват, но что поделаешь, если их у меня так много. Большинство мальчиков пытаются или уже попытались ухаживать за мной, а девочки просто умирают от зависти, желая сами пройтись с этими мальчиками.

Но мне хорошо среди друзей. Я спорю о французской политике с Бруно, говорю об итальянском кино с Жан-Луи, об американской литературе — с Эбером, об английском боксе — с Патрицием. Все эти мальчики считают меня умницей, хотя я глупа как пробка и только кажусь умной. Это несложно: достаточно помалкивать или повторять, что говорит другой, лишь немного изменяя фразы. Подобная уловка действует безотказно и годится на все случаи жизни.

Уже десять часов! Надо вставать, но желание писать сильнее. Надо бы поговорить с Паскалем, но он уехал в Реймс просить денег у отца и вернется поздно вечером. Мама предложила ему поехать вместе с нами в Нормандию, думая, что мне это будет приятно...

III. ДНЕВНИК ЭРИКА. ВИЛЛЕР-СЮР-МЕР, 1 АВГУСТА.

Сегодня просто карикатура на 1 августа. Удушающая жара, бельгийцы, пристраивающие свои толстые белые тела на пляже, огромное стадо автомобилей растекается по улицам Виллера, гудки, гарь, запах

бензина вперемешку с запахами жареной картошки.

Около двух часов пять силуэтов появились перед розовым порталом Винтерхауза, и я понял, что это — мои постояльцы. Двое мужчин шагали впереди, навьюченные громаднейшими чемоданами. Один из них был толстым усатым брюнетом, другой — маленьким блондином с гладким лицом, вокруг которого прыгала как сумасшедшая Венера. Блондин, оказавшийся Паскалем Мартом, поставил чемоданы, отступил на несколько шагов назад, как-то странно побледнел. Блондинка в очках, в цветастой юбке и вышитой блузке, протянула руки к Венере и обняла ее.

Блондинку звали Одиль.

Я поздоровался со всеми за руку, начиная с женщин и кончая Мишелем Гроссом — толстым брюнетом, мужем Франсуазы, крупногабаритной брюнетки.

Я немного поболтал с этими дамами-господами, прежде чем отвести их по комнатам, где они сейчас спят. Посмотрим, Корона, что будет дальше.

В первую очередь я займусь Франсуазой — женой Мишеля, владельца гаража, и сестрой очкастой блондинки. Ей около двадцати пяти, и она принадлежит к той категории женщин, которые кажутся красивыми. Влюбившись в Винтерхауз, она находит весьма шикарным и романтичным большой дом на берегу моря. Франсуаза презирает Мишеля именно за то, что он женился на ней, принадлежа к породе людей, любящих лишь тех, кто ими не интересуется, презирает или обходится с ними жестоко. Мать Франсуазы и очкастой блондинки — Дениз Теллье — красивая вдова пятидесяти лет с ямочками на щеках и очками в оправе «Фантазия». В ее голосе непрекращающийся натянутый смех малолетней девочки, которую дергают за косы...

Последнего зовут Паскаль Март. Ростом он не более 1 м 60 см, но считается женихом очкастой блондинки, бросившейся обнимать Венеру. У него короткие, острые щенячьи зубы и светлые глаза.

Я показал гостям их комнаты. Венера крутилась у меня под ногами, заскулила, когда я открыл дверь помещения, бывшего четырнадцать лет комнатой Инес, и залапала при виде очкастой блондинки, вошедшей в комнату и поставившей чемодан перед кроватью.

— Что с ней?

— Ей плохо.

Я спустился с Венерой вниз и присел на корточки, шепча на ухо моей собаке, что случайная очкастая блондинка недолго будет оставаться в этой комнате и вообще все эти люди задержатся в Винтерхаузе ненадолго. Поднявшись, я увидел очкастую блондинку, остановившуюся на середине лестницы. Вряд ли она что-нибудь услышала...

Остаток дня я провел в клубе, играя в теннис с Анри.

IV. ДНЕВНИК ОДИЛЬ. ВИЛЛЕР-СЮР-МЕР, 1 АВГУСТА.

Дом называется «Винтерхауз», что в переводе на французский означает «зимний дом». Стены комнаты, которую я занимаю, выкрашены в белый цвет и украшены фотографиями исключительно горных пейзажей. Обоев нет, книг нет, под кроватью несколько «Мадемуазель нежного возраста»* и все. Я забыла сказать о шкафе светлого дерева и колченогом стуле. Кровать — какой-то кошмар. И вообще денек выдался не из самых приятных.

Тип, который нас встретил, приходится хозяевам дома сыном. Как бы его описать? Пожалуй, хватит трех слов: не в моем вкусе. Он вдвое выше меня, короткие волосы и правильные черты лица делают его похожим на картинку из журнала мод. Зубы сжаты, взгляд глубокий. Отнюдь не мальчик. Прекрасные манеры — такие типы околпачивают женщин, и длится это уже двадцать веков: прекрасный дом, точеный профиль, крепкие плечи, и вот они уже трепещут, не задумываясь ни на секунду, что дом может быть заложен, профиль — результат пластической операции, а здоровенные плечи — компенсация за скудный умишко.

К счастью, есть еще на свете такие девушки, как я, умеющие вовремя разоблачить этих надутых павлинов.

Около четырех часов пошли на пляж. Паскаль куда-то запропастился. Вечером он поведал мне, что начал писать роман и совсем забыл о времени. Мишель провел остаток дня, копясь в моторе своей машины. А я осталась на пляже с мамой и Франсуазой. Это было так здорово! Можно бегать по песку, держать в мокрых пальцах сигарету, чувствовать, как под дуновением свежего бриза высыхает кожа, потом снова становится влажной — от испарины.

Разговор, разумеется, вертелся вокруг Эрика, чеканного профиля Эрика, изысканных манер Эрика! Каждые пять минут мама нашептывала:

— Он, должно быть, твоего возраста, Одиль. Или немножко постарше...

Что касается Франсуазы, она сосредоточилась на креме для загара, втирая его куда только можно...

V. ДНЕВНИК ЭРИКА. ВИЛЛЕР-СЮР-МЕР, 2 АВГУСТА.

В полдень в книжном магазине я увидел Эльзу. Она была в красной спортивной майке и в белой шапочке с горизонтальными черными полосами. Ее темно-русые волосы спадали на щеки и лоб.

Уже шесть лет Паула Хагеман, мать Эльзы, снимает виллу в Виллере. В первое лето она облюбовала пляжный тент напротив Винтерхауза, и я влюбился в нее. Это было еще в то время, когда она приезжала сюда с крепким мужчиной спортивного типа, а мои родители оставались в Виллере на август. Потом случилось несчастье с моей сестрой, мужчина-крепыш перестал сопровождать Паулу и Эльзу в их поездках к морю, я стал любовником Паулы, а мои родители решили проводить каждый август, путешествуя по новым местам, и сдавать пустые комнаты Винтерхауза постояльцам, порекомендовав мне заботу о них. Не знаю, что сказали бы родители о моей манере принимать гостей.

Мы с Эльзой вышли из магазина.

— Ну, как они в этом сезоне?

— Кто?

— Твои постояльцы.

— Такие же, как и в прошлом году.

Эльза повернулась ко мне и вытаращила глаза.

— После всего, что произошло, они все-таки вернуться?

Я отрицательно покачал головой и, улыбаясь, ответил:

— Такие же, как в прошлом году, означает: такие же ублюдки.

Обычно я избегаю словечек из аргоса и даже старуюсь не пользоваться просторечием, но я искал, долго искал, но так и не нашел более подходящего слова.

Эльза тронула меня за руку, поднялась на цыпочки и шепнула на ухо, что стоящая на тротуаре напротив нас очкастая блондинка в длинной цветастой юбке, давно вышедшей из моды, не спускает с меня глаз. Я посмотрел на тротуар и узнал Одиль Теллье. Она повернулась спиной и торопливо пошла к пляжу. Признаюсь, легкость этого движения и изящество силуэта на какой-то миг мне понравились, но я вспомнил, кому они принадлежат, и отвернулся.

— Твоя подружка? — спросила Эльза несколько резко.

Я поправил:

— Скорее, наоборот.

— Почему?

— Отгадай.

— А вот и мама.

Действительно, из булочной выходила Паула. Она была такой же рыжей, как в прошлом году, с той же грациозной красотой, со своей кожей, исключительная белизна которой свидетельствовала о ее необыкновенной нежности.

Повернувшись ко мне, Паула быстро улыбнулась и поздоровалась. Ничего более. Я любил эту сдержанность так же, как любил вспохоли зеленых глаз, изящество движений, быстроту улыбки. Паула сказала, что будет рада видеть меня на своей вилле.

Я позавтракал в Винтерхаузе салатом и сыром. Было жарко, из открытого окна я видел свернувшуюся калачиком Венеру, которая отбивала востом такт музыки, рождавшейся в ее голове. Весь ее облик нес печать моральной опустошенности, казалось, она искала кого-то для любви и не могла найти.

Я услышал шум в коридоре и вздрогнул: совсем забыл, что ненавидящие незнакомцы заплатили весьма дорого за право шуметь в Винтерхаузе.

Вспомнив о свидании с Паулой, я бросился на улицу, вскочил на велосипед и крутил педали, как сумасшедший, до самой виллы. Никого. Я нашел Паулу на пляже. Она лежала под красным зонтом, уткнувшись носом в песок.

— Садись, Эрик.

Паула произнесла это в полотенце, не сделав ни одного движения. Я сел и сказал ей, что в волосах ее застряли песчинки.

— Страхни их.

Я протянул руку и страхнул песок с волос. Мне показалось, что передо мной лицо очень молодой девочки с выпуклым и гладким лбом, украшенным веснушками.

Паула улыбнулась и спросила, нет ли у меня сигареты. Я ответил, что нет.

— Ты все еще не куришь?

— Не курю.

— Это очень хорошо.

— Потому и не курю.

Паула пригласила меня на виллу вечером после одиннадцати, так как в одиннадцать Эльза обычно ложится спать. Я ответил, что буду у нее в это время, поднялся и пошел в клуб играть с Анри, как и вчера.

VI. ДНЕВНИК ОДИЛЬ. ВИЛЛЕР-СЮР-МЕР, 2 АВГУСТА.

Одиннадцать вечера. Я только что на лестнице столкнулась с Эриком. Он так классно поклонился —

воплощенное мещанство — и спросил, все ли хорошо, не нужно ли мне чего.

Я ответила: нет. Совсем как идиотка. Эрик снял с вешалки серый свитер, набросил на плечи и, прежде чем выйти, пожелал мне спокойной ночи. Я поблагодарила. Снова как идиотка. Потом пошла к себе. Выглянув из окна, я увидела, как он приласкал собаку, сел на велосипед и быстро исчез. Я почувствовала, как в горле сжался комок. Почему?

Трудно объяснить. Все началось около полудня, когда, не имея желания идти к своим, сидевшим под пляжным тентом, я решила немного прогуляться по городу. На улицах толпилось много народа, и я почувствовала себя совсем маленькой и беспомощной. Мимо проходили девушки, красивые, стройные, пританцовывающие, желанные. А на очкастую блондинку в вышедшей из моды цветастой юбке никто не обращал внимания.

Дойдя до книжного магазина, я увидела Эрика в компании очаровательной стройной шатенки среднего роста. Он держал ее под руку. Они были прекрасны, эти двое. Эрик воплощает довольно распространенный тип красоты, который нравится большинству женщин, а девушка была очень хороша в своей красной спортивной майке и в красивой шапочке.

Должно быть, это к ней отправился Эрик сегодня вечером.

С полудня до пяти часов я бродила в одиночестве по окрестностям города, подходила к коровам в загоне, трепала их по загривку, была обругана сволочными автомобилистами и, когда вернулась домой, получила хорошую взбучку.

На терраске пили аперитив. У Мишеля и Франсуазы назревал скандал, но мне было безразлично из-за чего. Паскаль рассматривал проходивших девиц, вертя головой, как умышленно отсталый или как маленькая хищная птичка. Мама вдруг сильно заволновалась: она никак не могла вспомнить, хорошо ли заперла решетку, охраняющую парфюмерную лавку от воров.

VII. ДНЕВНИК ЭРИКА. ВИЛЛЕР-СЮР-МЕР, 3 АВГУСТА (ЧАС НОЧИ).

Я приласкал Венеру, сел на велосипед и отправился к Пауле. Доехав до виллы, я прислонил велосипед к ограде и толкнул калитку. Посмотрел на часы: без одной минуты одиннадцать. Подождал минуту, так как обожаю точность, и позвонил. Открыв дверь, Паула покачала головой, мягко улыбнулась, как бы говоря: все такой же... Я тоже улыбнулся и вошел.

На Пауле было длинное зеленое платье, открывавшее плечи и руки. Она надушилась своими обычными духами — легкими и свежими, как туалетная вода. Ее рыжие волосы великолепно обрамляли лицо, в красоте которого, по обыкновению, присутствовали сосредоточенность и покой.

Мы молчали.

— Что-нибудь не так? — спросила Паула.

Ее вопрос удивил меня. Все было прекрасно: ночь за окнами, оранжевый свет в гостиной, тишина на вилле, зеленое платье...

— Возможно, все это потеряло для тебя вкус новизны: каждый год та же вилла, та же гостиная, та же женщина. Сколько же можно! Разве не так?

— Не так.

— Мой маленький Эрик, ты говоришь так, чтобы не расстраивать меня.

— Не понимаю, что происходит?

— Сколько тебе? Семнадцать лет? Ты выглядишь на все двадцать и очень, очень хороша собой...

Меня не обрадовали эти слова, прежде всего потому, что Паула никогда не говорила «маленький Эрик». Это прилагательное создавало дистанцию между нами, ту самую идиотскую дистанцию, которая разделяет взрослого и ребенка. Но я уже не ребенок и не считаю Паулу взрослой. Я — мужчина, она — женщина. И это — выше любых хронологий и предрассудков, парализующих посредственные существа.

Я сказал:

— Не вижу связи.

— Сколько это может продолжаться?

— Что именно?

— Ну, ты и я.

— Но... всю жизнь.

Сказав «всю жизнь», я вдруг понял, что это не так, мы с Паулой не сможем быть вместе всю жизнь. По правде говоря, я никогда не задумывался над этим вопросом. Оказывается, я не могу представить свою жизнь без колледжа осенью, зимой и весной, без Винтерхауза на каникулах и без Паулы летом. В этом чередовании трудов, наслаждений и радости я нахожу приятный эквилибризм и совершенно не желаю с ним расставаться.

Паула покачала головой с какой-то грустной жесткостью.

— Нет, тебе нужно другое.

Я сухо ответил:

— Спасибо, что предупредила.

Она снова отрицательно качнула головой:

— Тебе нужна любовь.

*Французский журнал для молодежи. — Здесь и далее примечания переводчика.

Евгений БИЛЬКИС
Фото Юрия СОКОЛОВА

Во всем строе жизни, подчиненной хоккею, проступает обособленность вратаря.

Июль. Начало тренировочного цикла. Баскетбольная площадка. Этот устрашающий баскетбол хоккеистов, смаивающий на регби. Вратарь Владимир Мышкин не принимает никакого, даже символического участия в силовых единоборствах. Он одиноко дежурит у чужого щита, и никто не мешает ему забрасывать мяч в корзину. Он вратарь.

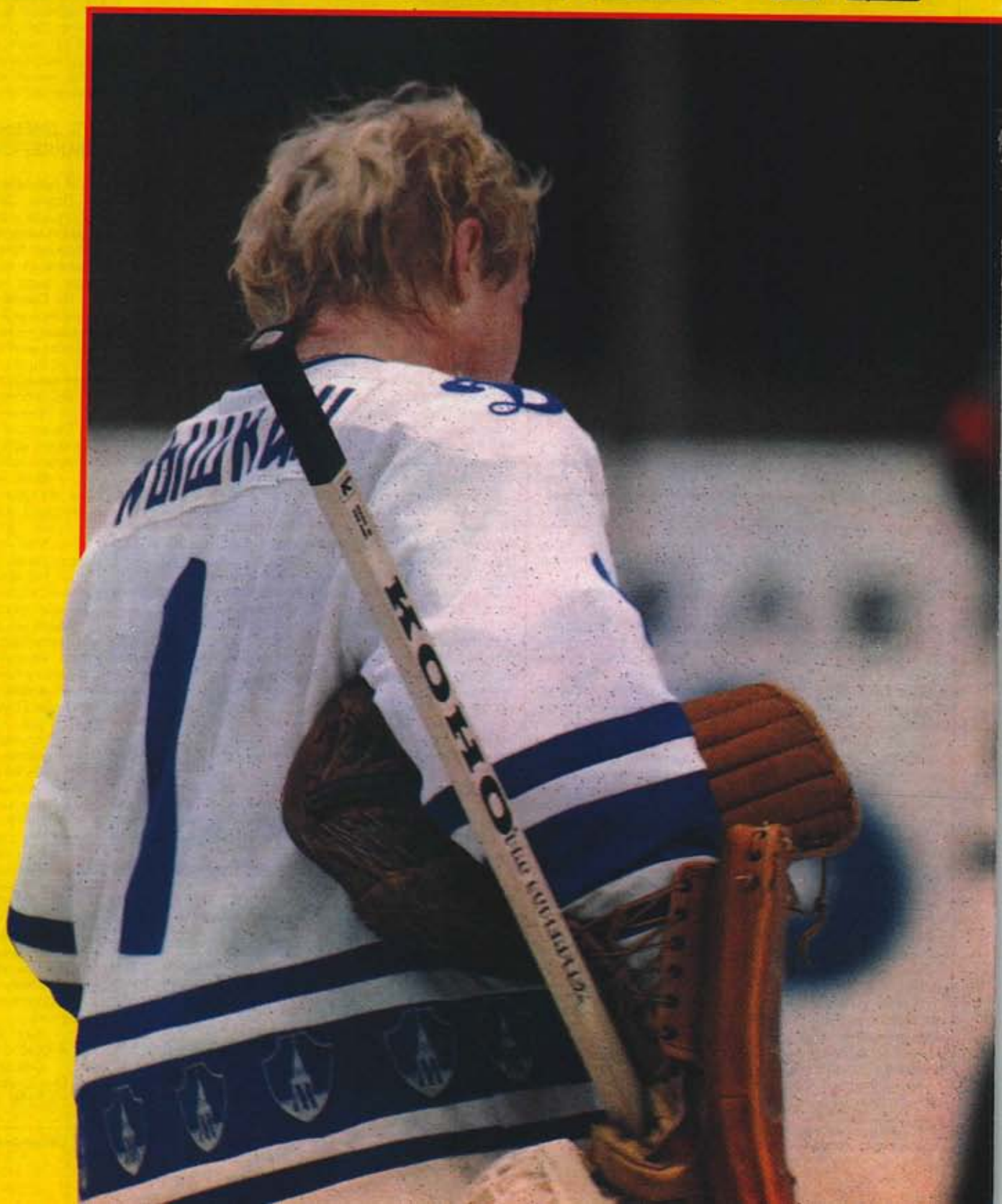
Сентябрь. Тренировка на льду. По ее

окончании Владимир Мышкин поднимается в зал атлетизма вместе со своим, «вратарским», тренером. Серия упражнений с теннисными мячами напоминает разминку жонглера-любителя, а упражнения на гибкость — разминку акробата.

Октябрь. 30 минут до выезда на матч с лидером первенства — ЦСКА. В холле динамовской базы сложены гигантские сумки со снаряжением. Игроки — их «штатские» костюмы делают узнавание радостным, как на маскараде. — со-

бираются группками на лестнице, возле автобуса. Мышкин в полном одиночестве сидит в углу, у столика с подшивками газет. Позже, в автобусе, он снова один и снова с газетами, которыми запаса на дорогу. Ни по пути из Новогорска в Лужники, ни потом, за кулисами Дворца спорта, он не произносит ни слова и сразу же скрывается в раздевалке, в то время как остальные подкрепляются кофе в буфете или разговаривают со знакомыми. Так он настраивается на игру. Наверное, это де-

ОДИНОЧЕСТВО ВРАТАРЯ

лают все участники матча, но ни в ком не проявлена столь выразительно отрешенность.

Когда начинается игра, одиночество вратаря еще более усугубляется. Цель игры для него та же, что и для всех, но уж больно специфичны его вратарские проблемы. К тому же в большинстве случаев ему приходится решать их в одиночку. У полевых игроков довольно поводов и времени для эмоциональной разрядки. Хотя бы на скамейке запасных, в ожидании смены. А победная пляска по случаю забитого гола? Если игра напряженная, вся команда выезжает на лед, приветствуя виновника торжества. Только вратарь остается в стороне, неуклюжий на вид в своем огромном толстом панцире, вроде бы ко всему равнодушный.

«...Эмоции приходится экономить, — говорит Владимир Мышкин. — Я себя флегматиком не считаю, но поневоле им становишься. Для вратаря нет смены. С первой до последней минуты

надо быть в игре, на весь матч не хватит, если не сбрасывать напряжение. Делаешь паузы: включаешься-выключаешься. Это приходит с возрастом. В детстве страшно переживал: что там происходит, у чужих ворот? Сейчас иначе. Чужая зона — дело наладения. Я отвечаю за свои ворота. Если мы забил, я это «спускаю на тормозах». Если сам пропустил, за голову хвататься не стану. Для пользы дела об этом лучше забыть сразу же или хотя бы вид сделать, не показав сопернику, что расстроен. Пока шайбу достанут из сетки, пока в центр привезут — вот и все время на эмоции. В игре ведь все мгновенно меняется. Только там что-то серьезное, и тут же шайба здесь, у тебя. За 3—4 секунды я должен успеть сконцентрироваться полностью, тут не до эмоций. По углам сейчас не играют, шайба все время на «пяточке». Бросают чаще, сильнее, неожиданной — хоккей очень изменился».

Изменился он прежде всего в сторону

жесткости, быстроты, насыщенности, и эта перемена не могла не коснуться игры вратаря. Чисто внешне он сморщится по-другому. Вратарь-виртуоз уже не артиста напоминает, а скорее робота, хитроумное электронное устройство, преграждающее путь шайбе. Такая ассоциация неизменно возникает во время бури на «пяточке». Вихрем вылетает нападающий из-за ворот, но в ближнем углу — щиток вратаря. Тут же пас на дальний угол, бросок — вратарь уже там. Теперь бросок в упор, полета шайбы не видно, но в воздухе движется «механическая рука» — шайба в ловушке. Бьют, щелкают, добивают, «расстреливают», проталкивают злосчастную шайбу и самого голкипера заталкивают в ворота. Груда тел, куча мала — апофеоз яростной стычки. Последним тяжело, грузно поднимается вратарь — «ванька-встанька», гуттаперчевая игрушка; его «скафандр» весит 22 (!) килограмма. Медленно — это мгновения его торжества — подъезжа-

ет он к судье и вручает ему шайбу под скорее недоумевающий, чем восторженный гул трибун. Как это случилось, что не прошла шайба в ворота, вроде и деваться ей было некуда?

«Нужна очень высокая техника. На одной реакции, резкости сейчас сыграть невозможно. С трибуны технику вратаря не разглядишь: отбил, вот и молодец. А специалистом видно, как отбил, технично или нетехнично. Вратарь должен быть очень быстрым, чтобы успеть перекрыть направление полета шайбы. Теперь вратари закрывают углы, успевают переместиться. Красиво то, что рационально. Лишнее движение тоже нагрузка, а силы надо беречь».

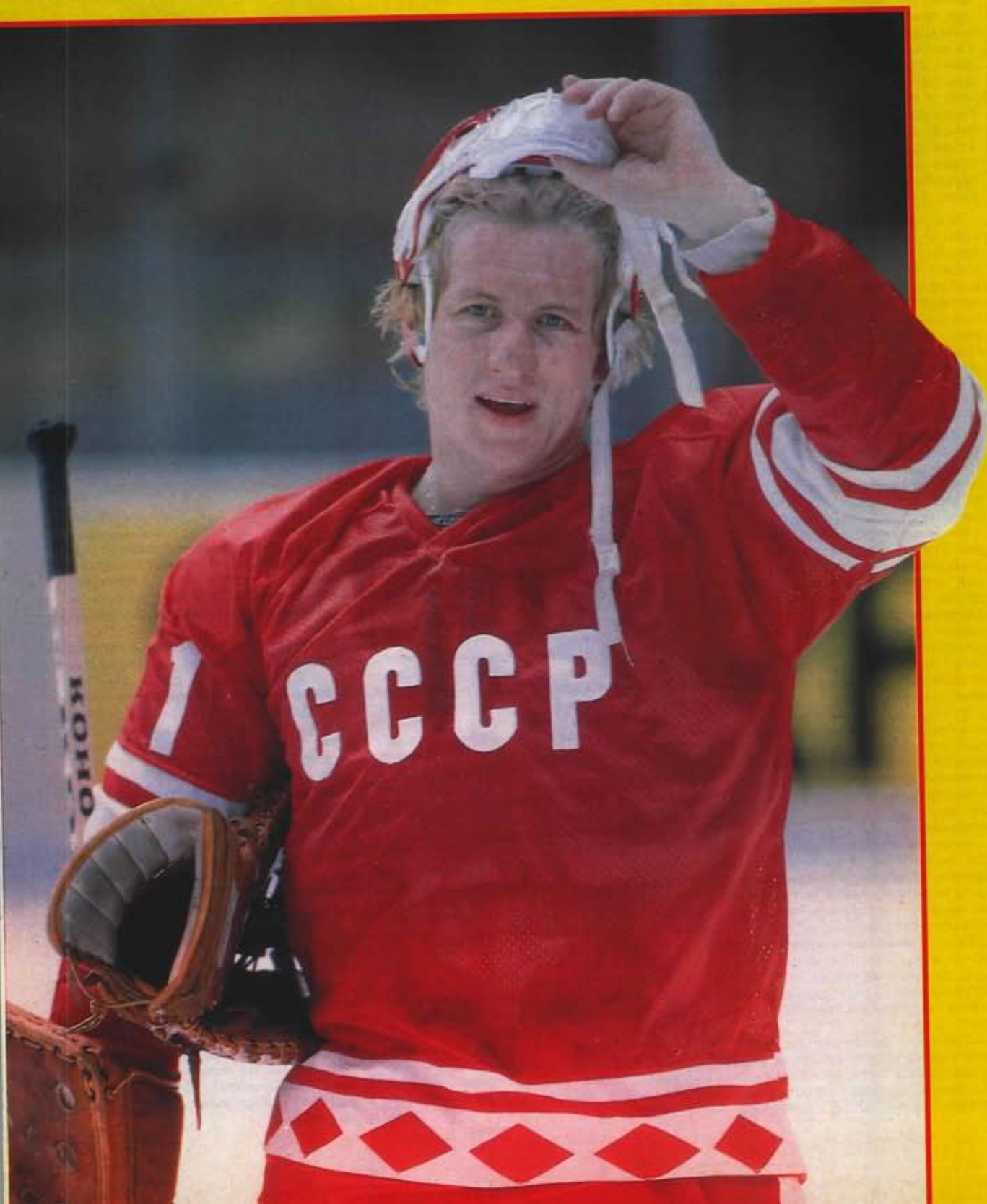
Что такое школа, выучка вратаря? Правильно кататься и правильно двигаться. Со стороны кажется; это просто. На самом деле это не так. Коньки у нас особенные, амплитуда движения маленькая, а все надо делать сверхбыстро... Переместиться, поставить конек под углом, выкатиться под бросок, вкатиться обратно в ворота. В игре все это делается автоматически, но этот автоматизм вырабатывается годами... Над всем надо работать. У меня, например, по тестам самая обыкновенная реакция, средняя. Но ее можно развить. Стараясь видеть каждый бросок, даже такой, который идет заведомо в сторону от ворот. Раньше, наверно, больше полагались на природный талант. Виктор Коноваленко, мой кумир в детстве, казался малоподвижным. Но он всюду успевал, потому что при своей массе был очень хорошо координирован. Я над координацией, над гибкостью работаю специально. Сколько себя помню в спорте — работа, работа, работа...»

На протяжении всей своей спортивной карьеры Мышкин, помимо участия в командных тренировках, занимается еще и отдельно со «своим» тренером В. Г. Ерфиловым. Виталию Георгиевичу советский хоккей обязан тем, что он воспитал двух самых ярких вратарей последнего десятилетия. Именно он из пригласил в свое время Мышкина из «Олимпиа» (Кирово-Чепецк) в Москву, в «Крылья Советов», однако честь открытия он себе не приписывает.

В. Г. Ерфилов: «...Третьяк я взял «младенцем». А Мышкин, когда я принял «Олимпиа», был уже замечен. Ему было 17 лет. Маленький, зато с хорошей реакцией. И очень работоспособный, спортсмен по духу. С Третьяком они по характеру очень разные. Третьяк — нацеленный, фундаментальный, с очень мощной, жесткой нервной системой. Мышкин более мнительный, мягкий. Третьяк — типичный лидер: твердый, собранный, всегда имел свое мнение. Что мне импонирует в Мышкине? Педагогу нравятся ученики, которые ему доверяют. У Мышкина, уже взрослого, сложившегося человека, с солидной вратарской репутацией, сохранилось почти детское, безграничное доверие к тренеру».

С точки зрения надежности можно сказать, что Третьяк недосыпаем в умении собраться. Выполнение технических приемов было у него более четким, у Мышкина они как бы размыты, сглажены. Но техника у Мышкина выше, чем у Третьяка, «растянутость» чисто вратарская выше, выше быстрота реакции...»

У них несхожие судьбы. Третьяк всю жизнь играл за ЦСКА — суперклуб с мощной, прекрасно организованной обороной. Третьяк — это все помнят — имел привычку проделывать в воротах разминочные упражнения в процессе игры из-за вынужденного бездействия. Мышкину в таком искусственном разогревании не было надобности. Ему все-

гда горячо. За исключением самых первых сезонов в высшей лиге он играет практически без замен. Московское «Динамо», его теперешний клуб, последние сезоны ставит перед собой высокие цели и играет на пределе своих возможностей. В таких условиях трудно избежать спада, хотя бы временного, игроков и команды в целом. Были у Мышкина относительные неудачи, но вот что характерно: все они приходится на матчи, которые складывались для команды благополучно. Случаев, когда бы он подвел команду, вряд ли кто припомнит. За свою многолетнюю карьеру в высшей лиге он лишь дважды побывал в «хоккейном нокауте» — явный провал, когда тренер вынужден сажать вратаря на скамейку запасных. Скорее всего благодаря своей поразительной стабильности он обязан долгому пребыванию в сборной. Впрочем, полагаю руку на сердце, уровень игры Третьяка таков, что вторым номером при нем мог играть любой приличный вратарь. Ведь надежность проверяется в самых ответственных матчах, и тут кто решится поставить запасного вместо самого Третьяка? Решился это сделать Виктор Тихонов без очевидных на то причин в третьем, решающем матче на «Кубок вызова» 11 февраля 1979 года в Нью-Йорке. И этот матч, наверное, следует считать настоящим дебютом Мышкина в сборной. В тот вечер второго вратаря советской команды открыли для себя «все звезды» НХЛ. Мы не помним деталей, но из впечатлений о подобных матчах мало-помалу складывается авторитет вратаря. А что помнит он сам? Что остается у вратаря от бесконечной вереницы игр, таких похожих и таких разных? «Драматические моменты почему-то помнишь лучше», — признается Владимир Мышкин.

«...Я никогда не был так счастлив, как тогда, когда мы победили в «Золотой шайбе». Детские впечатления, конечно, самые стойкие. А из большого спорта глубже оседают обиды. Хорошо помню поражение в Лейк-Плэсиде, на Олимпиаде. Команда тогда отличная была, мы выиграли чемпионат мира в Москве. Готовились тщательно, но проиграли один матч, и будто ничего хорошего не было. Только этот проигрыш нам все и вспоминали. Конечно, это был самый важный матч, но ведь на то и спорт. На таких турнирах очень много нервных сил расходуется, не успели восстановиться.

Я играл в том матче два периода. Голы помню очень хорошо. Голы, которые решили исход матча не в твою пользу, вообще запоминаются.

А еще очень хорошо помнятся шайбы, про которые говорят, что они «на совесть вратаря». У нас не всегда правильно об этом судят, в том числе и в прессе. Это «пенка», а эта «неберущаяся». А на самом деле все наоборот: «неберущуюся» можно взять, а вот «пенку» нельзя. Иногда не видят, как тонко сыграл нападающий. Если вратарь переместился, перенес центр тяжести на одну ногу, и в этот момент бросок мимо опорной ноги, то такую шайбу задержать невозможно, хоть и рядом пройдет. Уж такая доля вратаря. Пропустил — это твой промах, помни, казнь. Когда спас ворота — это твоя работа, это естественно. Кто будет помнить, как именно не забил Мышкину, тем более по прошествии времени? Эти выходы один на один, два на одного. Это все за кадром остается...»

Да, специальный подсчет пединков вратаря и нападающего не ведется. Считают шайбы забитые, а не отбитые. Забитый гол — событие. Взрыв восторга сопровождается успехом нападающего, следуют пауза в игре, объятия, поздравления, красный огонь за воротами, торжественный голос диктора. Но поглядите на другую половину площадки. Вратарь стоит одинокий, как всегда, одинокий в общей беде, постигшей команду. Именно он на виду, даже если большая доля вины лежит на защитниках. Зато, если блеснет вратарь, радость и благодарность игроков и трибун

скоротечны — шайба-то чаще всего остается в игре. Легкий дымок подобных эмоций мгновенно и без труда рассеивается в грозовой атмосфере хоккея, в лучшем случае кое-что дойдет до газетного отчета. Но у пединков вратаря с нападающими есть и теоретический подтекст. Это игра в игре. Вот катят нападающие, кто лихим кавалерийским наскоком, кто изящно пританцовывая, непрестанно меняя позицию клюшки и шайбы, кто грозно оскалясь, кто с вкрадчивой ухмылкой, кто с деланным безразличием, словно механически, будто скучая. Сближение. Фехтовальный выпад клюшкой. Бросок, щелчок. Неуловимо мгновение ответного выпада вратаря. Вперед-назад, заводная игрушка. Клюшка торчком, в буфторской, огромной перчатке, как метла у снежной бабы. А вот выражения его лица благодаря маске нападающий не видит.

В. Мышкин: «...Здесь очень много тонкостей. Когда нападающий приближается, смотришь на крюк, смотришь, где находится шайба. Если клюшка на вытянутых руках, то верхом шайбу бросить трудно. А если шайба ушла вперед, то, наоборот, низом уже сильно не бросить. Самое главное для вратаря — не сделать движение первым. Нападающий, когда приближается к воротам, тоже выжидает. Если у меня не выдержали нервы, я сделал движение на его финт, он уже в другую сторону обводит. Если он первым сделал движение, я его намерение успею понять. Рассказать об этом трудно. Принцип такой: кто не дрогнет. Ну и техника, конечно, должна быть высокой. Нападающие все время что-то новое придумывают, а вратари в ответ свое. Кто кого перехитрит...»

Противоборство вратаря и нападающего — это игра нервов. В данном случае мы говорим о выдержке, хладнокровии вратаря применительно к конкретному игровому эпизоду. Но его нервы подвергаются испытанию еще и другого характера — проверке на страх перед летящей шайбой. Прежние деревянные бортики были рьяными от амятин, оставленных шайбой. Это бортики, но по воротам бьют с куда большей силой. На весь дворец звон стоит, если шайба угодила в штангу. От доспехов вратаря резиновый диск отскакивает с тугим, не лишенным приятности звуком. Вратарь в своем толстом защитном панцире, заполнивший собой крохотные воротки, порой напоминает мишень на хоккейных «стрельбах».

Виталий Георгиевич Ерфилов, который связал с вратарями свою тренерскую судьбу, хорошо изучил этот странный типаж: «У вратарей все другое: другие коньки, другая форма, другие движения, другая техника... Психология другая. Если нормальный человек уворачивается от камня, который в него летит, то вратарь, наоборот, подставляет себя. Если он уворачивается, то ему нечего делать в хоккее».

Это и зрителю понятно, но зритель еще не видит тренировки. В игре у вратаря примерно 50 включений, или 60, если он защищает ворота более слабой команды, то есть тогда он 60 раз дотрагивается до шайбы. Так вот столько же раз он вступает в игру за 3 минуты разминки.

Если вы смотрите хоккей, сколько раз за игру вы увидите сверхмощный щелчок, от которого трибуны ухнут? От силы несколько раз. А вот когда никто не мешая раскатиться, размахнуться и бросить что есть мочи, с 10—12 метров, то таких устрашающих бросков может и до 100 набраться, причем следуют они без перерыва, сериями. Под воздействием такой сильной, мощной работы вратари постепенно выпрямляются.

Шайба, как бы сильно она ни летела, если она на уровне щитка, не страшна. Пугает шайба, летящая на уровне головы. Сейчас вратари играют в хороших шлемах, значительно усилились на-

плечники, травм меньше. Но зато и мощь бросков возросла».

От прежних лет, когда защитный шлем был несовершенен, у Мышкина остались шрамы на голове — следы травм. Сейчас только синяки после игр и тренировок — это, разумеется, за травмы не считают. Значит ли это, что привычка к ушибам свела на нет предощущение боли?

В. Мышкин: «Я по натуре не такой уж бесстрашный. Страх или не страх, но неприятное чувство вызывает у меня хоккей, если согласишься из-за бортика. Видишь вблизи силовой прием, как-то не по себе становишься. И вратари... Удивляешься, как ее вообще ловить-то, шайбу эту: бегут, бросают, какая-то свистопляска. Иногда на тренировке выйдешь побросать, но замахнуться, щелкнуть сильнее не могу: жалко вратаря...»

Этот замечательный пример солидарности — еще один штрих к психологической характеристике вратаря. Выбор ими своего амплуа отнюдь не случайность. «Мне в детстве никогда не хотелось забивать, — вспоминает Мышкин. — Только отбивать, ловить». Это — врожденное.

...Мысль об одиночестве вратаря возникает всякий раз, когда наблюдаешь традиционный ритуал перед началом матча и перед началом каждого периода. Игроки, подъехав к своим воротам, застывают на минуту, сгрудившись вокруг вратаря, — то ли молятся, то ли клянутся, то ли погружаются в медитацию. Потом, когда красочный хоккейный цветок распадается, остается один вратарь, застывший в боевой стойке. На прощание каждый постучит слегка клюшкой о его щитки. Жест почти обезличенный, скорее акт заклинания или суеверия, ибо остается невозмутим и неподвижен вратарь — лицо скрыто шлемом, взгляд обращен вперед и внутрь, к событиям, которые еще предстоят. Он один, он останется один до самой финальной сирены, с первым звуком которой он сорвет с себя маску и, покинув опостылевшие ворота, стремительно заскользит к центру на своих невидимых под щитками коньках. И только тогда мы увидим — опытный режиссер телевидения обязательно покажет это крупным планом — лицо вратаря в градинах пота, утомленное, опустошенное усталостью. Улыбаются Мышкин крайне редко. Во время игры, в перерывах между периодами, во время тренировки ему больше свойственно выражение крайней сосредоточенности, неудовольствия, досады. А в жизни?

В. Мышкин: «Моя жизнь — это хоккей. И воспринимают меня вне хоккея как хоккеиста. В этом есть свои хорошие стороны и плохие. Я к этому привык».

Большую часть времени я провожу вместе с командой. Это 30 человек. У каждого свой характер, у каждого свои проблемы, спортивные и личные. Одни из этих ребят мне симпатичны, другие — нет. В игре это все исчезает — мое личное отношение. Хотя, если честно сказать, когда есть в человеке что-то не то, в игре это нет-нет да и скажется. Такой иногда струсит, иногда чужую ошибку не исправит. Обычно мы выясняем такие дела накоротке. Но для команды лучше, когда отношения нормальные. А это бывает, когда все идет хорошо. Тогда все углы сглаживаются, все становится мягче...

Жизнь непростая. Кое-что мне не по душе. Хочется, чтобы меньше опекали. С годами сам ведь уже знаешь, как тебе готовится, что можно, чего нельзя. Бывает, «переешь» хоккея. В такие минуты не хочется играть. Матч неудачно закончился, тебя ругают. Думаешь: «Надоело! Брошу все!» Это послематчевые эмоции. Потом все уравнивается. В конце концов это мое любимое дело...»

Владислав ВЕЛИБЕКОВ

Я увидел этот фильм так: наступают мгновения — а они обязательно должны наступать, — когда стоит сойти с дистанции общего стремительного бега, перевести дыхание и... оглянуться.

И вспомнить тех, кого мы потеряли в нашем безжалостном марафоне. Тех, кто сломался, испугавшись дистанции. Тех, кого мы вытолкнули на обочину и растоптали, увлеченные и опьяненные терпким, как вино, ощущением вольной, долгожданной гонки.

Надо собраться с мыслями и силами для новых мыслей и новых сил. Надо подумать. Надо осознать. И даже стать печальными и торжественными, как на поминках хорошего друга. И надо попрощаться с каждым сантиметром земли, с каждым временным сколом, что остались лежать за плечами.

Без таких остановок теряет ясность горизонт. Теряет смысл и само движение.

Именно таким в его философском смысле увидел я «Зеркало для героя» — фильм, который снял Владимир Хотиненко по одноименной повести Святослава Рыбаса. Увидел уже через некоторое время после просмотра, уже имея возможность оглянуться после споров — о картине говорили много, после опубликованных рецензий, — их тоже было достаточно, и даже после того, как посмотрел этот фильм еще раз.

Меня, например, взволновал последний аккорд фильма, когда звучит, как бы не имея неба, «Всенощная» Рахманинова. Собственно, отсюда, с «Всенощной», и начался наш разговор...

Фото Сергея ВЕТРОВА

необходимо еще и что-то светлое, созидательное. Мне кажется, именно таких посылов нам не хватает и во взглядах на историю, и во взглядах на современность. И потому — а дайте-ка я еще раз подсчитаю, сколько миллионов людей извел Сталин. Возможно, я скажу несколько парадоксальную вещь, но про Сталина говорят все. Он популярен. С каким знаком популярен, это другой вопрос...

С. Р.: Я согласен с Хотиненко. Если Сталин сейчас становится самым часто вспоминаемым деятелем, он невольно популяризируется. Мне кажется, что в стихийной критике «вождя» заложена и его пропаганда. И не вызовет ли это в молодых людях, пусть даже на уровне подсознания, некоторой тяги к этому образу? Как бы от обратного — чем сильнее ругаем, тем больше тянет.

В. Х.: Тем более что в нашей стране уже прижилось — самый сладкий плод тот, который запретный...

С. Р.: Так я об этом и говорю! Я считаю, что необходимо снимать с фигуры

С. Р.: Но у молодежи интерес к фильму несколько иной природы, нежели, например, к фильму «Асса». Молодежь хочет исторической полноты — это совершенно ясно. А проблемы, которыми мы сейчас живем, — им все возрастают покорны...

В. Х.: Мне очень хотелось показать течение жизни в ее генетическом развитии. Например, может герой картины повздорить с отцом? Повздорить «наотмашь», принципиально? Да, может. Но он должен знать, что это чревато. Только тогда течение жизни будет неразрывным. Таков древний принцип, идущий из веков.

С. Р.: Мы же часто действуем вопреки природным законам. Мы нарушили связи, огрубели их. Наши дети не знают, кем были их бабушки, не говоря уж о прабабушках. Революция нарушила огромные пласты связей. Наверное, это разрушение было вынужденным, и общество оплатило этот разрыв, это стремление к прогрессу большой кровью. Но сегодня мы осознаем и потери, свя-

можно было слушать разве что под одеялом. И, связавшись с ними, я мог рассчитывать только на трудности, но не на рекламу.

С. Р.: На что опираются принципы любого человека? И молодого в том числе? На какие-то вечные принципы. Помните, в свое время в молодежной среде было очень модно говорить: «Нет проблем, старик». Груз отцов их тяготит, и конфликт — извечный конфликт «отцов и детей» — неминуем. С другой стороны, этому конфликту столько лет, что его можно считать нормальным явлением нашей эволюции. Но нынче этот конфликт, по-моему, особенно острый. У него иной характер. Потому что на разочарование в собственных родителях накладывается еще и разочарование в идеалах как таковых. Одно дело, когда ты можешь упрекнуть в чем-то своего отца, даже поколение «отцов», и совсем другое, когда ты «упрекаешь» целый период времени длиною в семьдесят лет. А ведь молодежь прохладно относится к некоторым

ПАНОРАМНОЕ ЗЕРКАЛО ВЕРКАНО ЗЕБЬКАМО

СВЯТОСЛАВ РЫБАС: Да, тема веры проходит через весь фильм. Надо сказать, что вера не разрушает человека, а, напротив, созидает его. Созидает его душу и нравственность. Если мы будем препятствовать тяге человека к храму, к христианской морали, мы только навредим себе. Да, пусть существует атеизм, но пусть он доказывает преимущества того или иного мировоззрения, а не оголтело, «административно» борется с религией, с мифами, искажая и упрощая саму суть христианской культуры. Церковь не может разрушить государство, она не восстанавливает отца против сына, не разъединяет поколения...

ВЛАДИМИР ХОТИНЕНКО: К тому же наше государство уже настолько отлаженный и мощный механизм, что его разрушить крайне сложно. Его может развалить экономика, а вот церковь — навряд ли...

Корр.: Когда я смотрел картину, то невольно вспомнил высказывание одного театрального режиссера о романе Достоевского «Идиот». Он говорил о том, что с Петром Трофимовичем Верховенским нужно не столько бороться, сколько изучать его. Мне кажется, ваш авторский взгляд на послевоенную эпоху в чем-то совпадает с этой мыслью?

В. Х.: Удивительно точное высказывание и... совпадение. Совпадение потому, что Борис Петров, композитор нашей картины, еще когда мы затевались с фильмом, сказал: «Сейчас уже порочно бороться только «против», нужно бороться «за». И когда я уже запустился с картиной, то для себя сформулировал так: бороться «за», изучая прошлое... Человек способен забыть горе — тут срабатывает чисто биологическое. Но

Сталина налет сенсационности. Ведь есть и другой момент: нам как бы дано право критиковать только его, а, например, многие «вожди» и «вожачки» остаются за кадром. По отношению к будущему это не продуктивно.

Корр.: Я понимаю, почему фильм вызвал значительный интерес у людей, которые прошли по послевоенной «полосе» времени собственными ногами. Но фильм пытается неторопливо, как мне показалось, разобраться и в другом: он как бы вглядывается в глаза тех, кто родился много позже, он пытается на примере одного из главных героев осознать: а что же молодое поколение вынесет и вынесло на психологическом, если хотите, на генетическом уровне из той непростой эпохи. Ведь не случайно «сегодняшний» герой Колтакова вместе со своим напарником (артист Иван Бортник) переносится из дня нынешнего в экстремальные ситуации того периода, того «послесловия» к войне. Так что вы хотели сказать глазам и чувствам нынешних молодых людей своей картиной?

В. Х.: Честно говоря, я не думал о каком-то конкретном возрастном адресате, если так можно сказать. Мне кажется, вообще не может быть такого деления: этот фильм для жителей Москвы, например, а этот — для жителей Подмоскovie. Этот — для тридцатилетних, этот — для пятидесятилетних. Важно то, что говорю я от себя, иду от своего понимания проблем и истории. А вот зацепит ли мое понимание людей самого разнообразного возраста — тут, как говорится, зависит от способности чувствовать... Вроде бы — и сейчас уже я имею право об этом сказать — зацепило. Интерес к картине был...

знанные с теми процессами, и выясняется, что те раны совсем не зарубцевались, напротив, они сильно кровоточат. Быть может, никакой прогресс не оправдывает ситуации, когда отец идет на сына, когда высыхают целые ветви генеалогических деревьев. Нам было бесконечно важно «поселить» тревогу по этим проблемам в фильме, нам было бесконечно важно сделать эту тревогу ощутимой, громкой, «колокольной». Потому что это тревога за нашу молодежь, за ее будущее.

В. Х.: С другой стороны, я понимаю, что все мы перепуганы генетически. Мне даже кажется, что у нас из поколения в поколение передается некий беспредметный страх, страх как таковой, страх за то, что мы... живем. Мне в фильме было важно найти способы преодоления этого страха. Потому, например, лично я симпатизирую герою Ивана Бортника, который не пасует перед обстоятельствами, а предпочитает действие, поступок, несмотря ни на что, но поступок. Легче всего сказать о нашей молодежи, что они — «порождение нашего времени и поэтому...». А что — «позтому»? Мне было безумно интересно это «позтому». Да, они порождение нашей тотальной лжи, но они должны быть глубже, умнее нас, они должны действовать. Такими мне хотелось бы их видеть. Между прочим, я слышал упреки: мол, Хотиненко, заискивая перед молодежью, снял в фильме группу «Наутилус Помпилиус» — лидеров отечественного рока. Но никто не знает, что, когда я затевался с фильмом, группы «НП» еще не существовало как таковой, то есть легальной. Были только кассеты с их записями, подпольно распространяемые молодыми людьми. А песню «Скованные одной цепью»

так называемым завоеванием социализма. И как бы громко мы ни убеждали себя в обратном, мы убеждаем только себя, а они молча слушают и иногда кивают, сохраняя при этом собственное ироническое мнение. Острота конфликта еще и в том, что семьдесят лет с исторической точки зрения — срок мизерный, ну, а если этот срок — вся моя жизнь? И мне объясняют, что она была неправильно скроена, а значит — ведь это же так! — она прошла впустую. Даже если это так, понять и принять эту правду очень трудно и больно. На такое не каждый способен. По-моему, сегодня несколько нарушен этот «поколенческий» баланс.

Корр.: А вы думаете, что он будет восстановлен?

С. Р.: Уверен.

В. Х.: Сам собой?

С. Р.: Нет, путем потрясений, даже трагедий...

В. Х.: Если, конечно, нам хватит терпения перетерпеть все социальные катаклизмы и не кинуться в обратную сторону: зажимать и не пущать.

Корр.: И последнее: почему такое название — «Зеркало для героя»?

В. Х.: Так называется повесть Рыбаса. Пока картина не сложилась, я, честно говоря, думал, что название будет другим. Но когда были сняты последние кадры, понял — более точного не придумаешь. Почему?.. Не хочется говорить мудро и в то же время как бы ни о чем. Сформулирую так: зеркало для человека — его жизнь, время. Зеркало — это трагедия предыдущего поколения. Мы по отношению к нашим детям тоже будем зеркалом со своими радостями, но... возможно, и со своей трагедией.

STATUS QUO

смена 89 «МУЗЫКА С ТОБОЙ»

Владимир ФРАДКИН

Если не считать двух певцов-солистов — Элтона Джона и Билли Джоэла (причем первый, как известно, приезжал к нам на гастроли «в урезанном варианте» — с одним ударником, без своего постоянного аккомпанирующего состава), то «Статус Кво» — единственная пока рок-знаменитость (среди ансамблей), посетившая Советский Союз не на закате своей карьеры.

Более того, как раз сейчас группа переживает второе рождение, новый пик популярности. Приезду ансамбля в Москву предшествовал выход удачного диска «Не жалуясь» («Ain't complaining»), а за год до этого лидером хит-парадов во многих странах стала композиция «Ты теперь в армии» («In The Army Now») из одноименного альбома. Благодаря радио и телевидению песня получила огромную популярность и у нас в стране. Это, конечно же, подогрело интерес публики к концертам британцев.

В рекламной афишке, продававшейся перед концертами в фойе «Олимпийского», значилось, что группа «Статус Кво» образована в 1968 году — это ошибка! На самом деле ансамбль возник весной 1962 года, когда его основатель и бессменный руководитель Френсис Росси (называвший себя в те далекие времена Майком Росси) собрал свою первую, поначалу безымянную группу, состоящую из трех музыкантов, — помимо Росси (во-

кал и гитара), в нее вошли бас-гитарист Алан Ланкастер и барабанщик Джон Коулэн. Осенью того же года коллектив отважился на первое публичное выступление. «Это было просто ужасно!» — так оценил дебют группы сам Росси — оценил, правда, уже сейчас, на пресс-конференции в Москве. Вскоре после первого выступления ансамбль расширил свой состав до четырех человек (к группе пригнул клавишник Рой Лайнс), записал на фирме «Пай» дебютный сингл, успеха, впрочем, не снискавший, и обрел название «Спектерс», которое затем было изменено дважды: сначала — на «Трэффик Джем», а потом — чтобы не путали с группой «Трэффик» Стиви Уинвуда — на «Статус Кво».

Первый успех пришел к ним после появления в группе еще одного гитариста и певца — Рика Парфитта: песня «Картинки спичечных человечков» («Pictures Of Matchstick Men»), записанная музыкантами впятером, весной 1968 года достигла седьмого места в британском хит-параде. Но судьба следующего сингла — «Лед на солнце» («Ice In The Sun») — оказалась несколько менее удачной, а первые альбомы — «Живописные спичечные послания» («Picturesque Matchstickable Messages»), «Запасные части» («Spare Parts») и «Статус Квотэйши» («Status Quotations»), — вышедшие уже после того, как группу покинул Лайнс, и вовсе потерпели провал. Впрочем, безликий стиль этих записей существенно отличался от того, что мы привыкли ассоциировать с именем «Статус Кво». Пытаясь добиться коммерческого успеха, группа послушно следовала всем веяниям моды, шарахалась из одной крайности в другую, а это привело к обратному результату: публика «ушла»...

Чтобы выжить, группе следовало обрести собственную неповторимую манеру, найти свое

индивидуальное, незаемное творческое лицо. Пластинки, вышедшие в начале 1970-х годов — «Жирная ложка мамы Келли» («Ma Kelly's Greasy Spoon») и «Собака о двух головах» («Dog of Two Head»), — отражают эти мучительные поиски. Перелом наступил в 1972 году, когда группа добилась беспрецедентного успеха на рок-фестивале в Рединге. Год спустя, сменив фирму грамзаписи «Пай» на «Вертиго», ансамбль выпустил диск «Копёр» («Piledriver»), который первым из альбомов «Статус Кво» попал в хит-парад. В том же году аналогичного успеха удостоились и три сингла ансамбля. С этого момента началась обычная жизнь преуспевающих рок-звезд: концерты, гастроли, участие в музыкальных фестивалях и, конечно, новые записи...

Музыкальная критика всегда была настроена в отношении «Статус Кво» весьма скептически. Однозначно положительных оценок их творчества мне, честно говоря, вообще разыскать не удалось. Зато желчи хватало в избытке. Американский авторитетный журнал «Роллинг стоун» назвал выступления ансамбля «жалким, убогим зрелищем». Из одной энциклопедии в другую кочует брошенная кем-то фраза: дескать, «Статус Кво» — это «Кэнд Хит» для бедных (имеется в виду американская рок-группа, работающая в сходном ключе). Серьезным критикам претит тот стиль, что стал основой исполнительской манеры, своего рода визитной карточкой группы, — сплав ярко выраженных элементов шлягера (простой текст, незатейливая, легко запоминающаяся мелодия) с буги и роком, порой довольно жестким. (Канадский профессор Алан Найстер сформулировал это так: «Сильно акцентированный ритм, примитивнейшие гитарные аккорды, несколько элементарных, но

истошно выкрикиваемых фраз».) Зато этот стиль — я бы условно назвал его «облегченным тяжелым роком» — снискал ансамблю популярность, не меркнущую вот уже третье десятилетие. Верность поклонников «Статус Кво» своим кумирам особо подчеркивается музыкальной критикой (хоть и не без иронии), а журнал «Мэлоди мейкер» даже назвал ансамбль — правда, опять же с некоторой долей иронии — «народной группой»...

Но, как говорится, хорошо смеется тот, кто смеется последним. Каковы бы ни были оценки критики, а начиная с 1973 года «Статус Кво» выпускает практически ежегодно по диску, и все они занимают высокие места в списках популярности: «Хэлло» («Hello»), «Кво» («Quo»), «На поверхности» («On The Level») — этот диск возглавил хит-парад альбомов в то же время, когда песня «Вниз, вниз» («Down, Down») возглавила хит-парад синглов, — «Грусть для вас» («Blue For You»), «Рок по всему миру» («Rockin' All Over The World»), «Если вы не переносите жару» («If You Can't Stand The Heat»), «Что бы вы ни пожелали» («Whatever You Want»), «Как и предполагалось» («Just Supposin'»), «Никогда не поздно» («Never Too Late»).

В 1982 году группа отметила свое двадцатилетие выпуском очередного альбома под названием «1+9+8+2» (обратите внимание — сумма цифр равна двадцати!). Ансамбль пришел к юбилею, имея в активе 15 только номерных альбомов, не считая концертных записей и бесчисленных сборников хитов.

Следующий диск — «Спина к спине» («Back To Back») — записывался уже без участия Ланкастера и Коулэна, покинувших ансамбль. Не сумев подыскать им равноценную замену, «Статус Кво» дали триумфальный про-

щальный концерт, который почти своим присутствием английская королева и наследный принц Чарльз, и объявили о своем роспуске.

А спустя два года произошло то, на что трудно было даже надеяться: под тем же названием, но в обновленном составе ансамбль собрался снова. К ветеранам Росси и Парфитту присоединились клавишник Энди Баун, время от времени сотрудничавший с группой и раньше, барабанщик Джефф Рич и бас-гитарист Джон Эдвардс. Именно этот состав мы и увидели во время московских гастролей.

«Не думайте, будто мы взяли ниоткуда. Мы опытные музыканты, работали во многих известных европейских ансамблях,— сказал один из новичков «Статус Кво», Джон Эдвардс, на той самой пресс-конференции,— Джефф раньше играл с Ричи Блэкмором, Клиффом Ричардом, в группах «Деф Леппард» и «Клаймэкс Блюз Бэнд», Энди — с Джоан Арматрэйдинг, Крисом де Бёргом, Майком Чэпменом, имеет сольные пластинки. Я тоже играл в «Клаймэкс Блюз Бэнд», а также с Тиней Тёр-

нер, Сэнди Шоу, в «Дэкси'с Миднайт Раннерс»,— всех и не упомянуть...»

«Наше нынешнее турне началось в декабре 1987 года, после гастролей в СССР мы планируем записать новую пластинку, а потом продолжим концерты,— сообщил Рик Парфитт.— В Москву мы привезли программу, состоящую из наиболее успешных хитов,— на сегодня это наша стандартная программа, с ней мы выступаем по всему миру, не только у вас».

Ну что ж, на мой взгляд, концерты удалась. Мы услышали и «Кэролайн» («Caroline»), и «Рок по всему миру», и «Вниз, вниз», и «Бумажный самолетик» («Paper Plane»), и несколько классических рок-н-роллов, и, конечно, «Ты теперь в армии». Напор и энергия, с которыми выступают «Статус Кво» на сцене, просто поражают. Публика узнавала любимые композиции по первым же тактам, демонстрируя отменное знакомство с репертуаром гостей, и дружно подпевала (причем делала это весьма слаженно и мелодично — или, может быть, мне просто повезло, и именно на «моих» концертах подобались

зрители с абсолютным слухом и изрядным знанием английского языка?). Нельзя не сказать и о том, что, если не считать прекрасной усилительной аппаратуры и освещения (вполне, впрочем, традиционного), группа не пользуется никакими специальными эффектами (вроде сногшибательных нарядов, пиротехники, лазеров, дымов и т. п.), достигая блестящего результата исключительно за счет молодого (даже у ветеранов) азарта и высочайшего профессионализма. «Живое» звучание ансамбля на сцене практически неотлично от студийных записей, а добиться этого невероятно трудно. Достояна восхищения исключительная слаженность — и это несмотря на присутствие в коллективе двух хоть и опытных музыкантов, но все же новобранцев.

«Мы работаем ежедневно и помногу,— говорили они на пресс-конференции,— ведь мы — профессионалы и считаем своим долгом дать зрителю за его деньги максимум того, что можем. Советский Союз — очень интересная страна, особенно сейчас, когда у вас происходят реальные

переманы. Мы даже привезли с собой жен и детей...»

Уместно отметить, что каждый из концертов имел свое лицо, группа и в ходе гастролей продолжала работать над программой, заменяла одни песни другими, совершенствовала оформленные сцены и освещение.

Конечно, музыка «Статус Кво» не самая сложная, утонченная и изысканная. Шлягерные интонации порой заставляют вспомнить прямо-таки деревенские частушки, и тогда ждешь, что артисты вот-вот пустятся вприсядку; простота мелодий и ритма иногда граничит с примитивностью; аранжировки некоторых песен, начинаясь каким-нибудь эффектным ходом, не имеют, как правило, достойного продолжения и потому кажутся несколько монотонными. Но в целом веселая, боевая, задорная, энергичная музыка ансамбля, энтузиазм и профессионализм его участников впечатляют. И, судя по реакции зала, не меня одного...

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ и Алексея ЛИДОВА

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Когда тебя безжалостный анализ
По полочкам разложит, разберет
И кто-то занесет тебя в анналы,
А кто-то в «неформалы» занесет;

Когда тебе от подлости и злобы
Не станет ни отбоя, ни жистья,
Когда, врагами ставшие до гроба,
Перестают здороваться друзья;

Когда ты сам не ведаешь, не знаешь,
Куда идти и с кем тебе идти,
Ты вспоминаешь детство,
вспоминаешь
Мелодию, забытую почти.

Но тонут звуки песни колыбельной
В борьбе бесчеловечной и
бесцельной.

СВОБОДНОЕ ПАДЕНИЕ

Луга под снегом, тучи, горы,
Дороги черной полоса —
И безвоздушные просторы,
И невесомые леса.

Ущелья, гулкив, как эхо,
Как пар, клубящийся туман...

Валерий КУЗЬМИН

О чем поют Эдита Пьеха
И Аранк Бабаджанян?

Четвертый час идет автобус.
Укачивает, клонит в сон.

Земля вращается, как глобус,
Мелькают битум и бетон.

И, отрываясь от скалы,
Парят над пропастью орлы.

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ

Баргузин или бриз, все равно
пошевеливай вал!
Омулевая бочка — автобус.
Глаза твои — омут.
Голосует улыбками сердце —
твой актёрский зал,
Твой отдал пропаганды крайкома ли,
крайисполкома ль?

Уступлю место старшим — и так уже
косо глядят —
Я всегда и во всем уступаю любимой
и старшим.
Двадцатисемилетний,
я бесперспективен, на взгляд
Комсомольского секретаря
и его секретарши.

Диском долгоиграющим крутится
наш разговор,
Вечер запрограммированный

распростерся над нами.
Почему о любви я тебе не сказал
до сих пор?
Есть, наверное, что-то,
о чем невозможно словами...

Мне недавно казалось:
рифмуется все, а теперь —
Выйдешь на «остановке» — надежды
захлопнется дверь.

УССУРИЙСК

Бродя по улицам широким,
Нащупывая пульс строки,
Я думал: «Как мы одиноки!
Как мы с тобою далеки...»

Рассвет и молодость прошлы мы,
И наконец-то понял я,
Что это город мой любимый,
Что это Родина моя.

Многоэтажные коробки
Размыли улиц берега...
Да, Уссурийск не только сопки,
Не только тигры и тайга.

Окраина,
Периферия,
Он далеко,
Но он Россия.

В нашем традиционном конкурсе одного стихотворения «Беспокойные сердца» жюри рассмотрело более 4 тысяч поэтических рукописей. Победителями 1988 года стали двадцатилетний филолог, аспирант Минского университета Радислав Лапушин и двадцатисемилетний учитель русского языка и литературы из Уссурийска Валерий Кузьмин.

Редакция поздравляет с победой и предлагает вниманию читателей подборку из стихов.

ПОБЕДИТЕЛИ конкурса одного стихотворения

Тумбу афишную ливень
Выкрасил. Сад овдовел.
Мокрые листья забил
Раковину во дворе.

Вглубь полосаю лиловой
Перемещается свет.
Стулья в безлюдной столовой
Сдвинуты ножками вверх.

Куст, по краям угасая,
Смотрит в пустой водоем.
В летнем сидеть кинозале
Холодно. Даже вдвоем.

Еще ни минут, ни часов
Не видно в окне циферблата.
И заперта дверь комбината
Полоской луны на засов.

И, падая из темноты,
Едва закачается ветка,
Бумагой, порезанной мелко,
Лежат возле яблонь цветы.

И радостно катится ранний
Трамвай, безмятежно-пустой.
И кажется, воздух поранишь
Протянутой рукой.

Я прожил день. И отшумели
Слова, и встречи, и дела.
Я никому не сделал зла.

Я жил, как мог. Я отвечаю
За каждый шаг своей судьбой.
И страшно встретиться глазами
С ребенком, деревом, звездой.

Оркестр гремит под облаками.
Торгуют пивом и цветами.
Идут ликующей толпой.
Одни поют, другие пляшут,
И все вокруг руками машут,
И говорят между собой.
И все друг друга понимают,
И все друг друга обнимают!
И я, забытый в уголке,
Стою, стою —

с бумажным флагом,
С помадой тетки на щеке.

Когда навстречу мне из темных
подворотен
Идет беда,
И светятся огни рекламные
напротив,
И фабрики коптят под знаменем
труда;

Когда по мостовой мотоциклисты
жарят
И, пряча страх,
Наследников своих бессильно
провожают
Нетрезвые отцы и матери в слезах;

Когда угрюмый лоб в костюме
темно-сером
И галстук торчком
Рассказывает мне, в чем жизнь

Радислав ЛАПУШИН

моя и вера,
Что должен я любить, заботиться
о чем.

Я лишние ему не задаю вопросы.
Я молча прохожу,

прохожих не виня,
И Лермонтова том, затрепанный
и грозный,
Весь в сердце у меня.

Родная улица и дом,
И в окнах месяц-невидимка.
Непоправимо за углом
О камень зякнула бутылка.

Идут. Они уже идут.
Роняют пепел сигареты.
По стенке с хохотом плывут
Сомкнувшиеся силуэты.

Ты долго будешь по ночам
Кричать: «Не трогайте! Не надо!»
Во сне еще страшней, чем там.
Еще немыслимой пощада.

И было утро большим и синим,
И пели птицы.

Так неужели я мог бы в мире
Не появиться!
И было б утро таким огромным,
А я бы не был!
И не узнал бы, что там, за домом,
Трава и небо.

Возле дома в окне
Тополя поредевшей гурьбою
Повернулись ко мне,
Будто ждут, что я двери открою.

Вот обдало их гарью опять
И до самых корней искривило.
Может, мне не дышать,
Чтобы больше им воздуха было.

Весенний цокот каблучков.
Асфальт, блестящий, как подарок!
И прогибается прилавок
От парниковых огурцов.
И кажется, деревьев ряд
Сейчас от солнца загорится!
Старухи в теплых рукавицах
С цветами первыми стоят.
Последний снег в грузовиках
Везут колоннами с окраин.
А он сквозь щели протекает,
Чтобы воскреснуть в облаках.

Сквозь арку в прозрачном проеме
Деревья отчетливы, кроме
Зеленых верхушек. Жилье
С пристройкою в виде сарая.
И, молнии рук простирая,
Развесила тетка белье.

Потрескивают провода.
Доносится гул магазина
Густой. На кустах паутина,
Как будто уже навсегда.

И что б ни случилось — без страха
Бегущие дети, собака,
Застывшая ровень с травой.
И странно, что хочешь заплакать.
О чем? Отчего?

ДОМ ОДИНОКОГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

Окончание. Начало на 18-й стр.

— Я люблю.
— Кого? Меня?
Я кивнул.
— Да нет же, я значила для тебя что-то совсем недолго. Ты был блистательным и очень одиноким мальчиком, когда жизнь нанесла тебе суровый удар, лишив сестры...
Я отвернулся. Ненавижу, когда имя сестры произносит чей-то чужой рот, пусть даже любимый.
— Эрик...
— Да,— ответил я, остановив взгляд на плохой репродукции Моне «Женщины в саду».
— Как прекрасно нам было вдвоем, Эрик. Но жить воспоминанием двухлетней давности только потому, что оно удобно, приятно, и потому, что тебе страшно...
— Мне никогда не бывает страшно.
Паула подошла ко мне, положила руки на мои плечи, но не так, как в прошлые годы, а скорее дружески.
— Ты все время боишься.
— Чего же,— спросил я, удивившись дрожащему тембру своего голоса.
— Любви, жизни, да всего. Теперь, правда, ты крепко стоишь на ногах: можешь учиться говорить с другими, смеяться и любить их.
— Нет никакого желания.
— Да ты просто умираешь от этого желания.
— Уверю, что нет.
— У тебя слишком большие задатки, чтобы сидеть в Винтерхаузе наедине со своей собакой, вдали от жизни, от сверстников... Живи так, как хочешь, и у тебя все будет.
— Я ничего не хочу.
— Почему?
— Это мое дело.
Она пожалала плечами и отвернулась. Я спросил:
— Значит, мы не будем больше встречаться?
— Не в этом дело.
— Нет. Именно в этом. И ни в чем другом.
— Почему ты так упрямо отказываешься решать проблемы, которые душат тебя, мешают тебе жить?
— Не понимаю, о чем ты говоришь.
Я почувствовал, что Паула устала от этого спора. За окнами послышался шум; воспользовавшись этим, я вышел, обещав быстро вернуться, оседлав велосипед и во весь опор помчался по тропинке. Меня одолело желание остаться одному в ночи, никого не слушать, ни с кем не говорить.
Паула обидела меня не столько своими словами, а тем, как она со мной разговаривала. Обидело несвойственное ей желание проникнуть в мои тайны, нездоровая жажда абсолютной открытости.
Эти размышления не помешали мне набрать приличную скорость, я мчался так, что не затормозил на красный свет, упустил момент для поворота и услышал отвратительный металлический скрежет. На меня обрушилась тысяча каменных рук; луна описала дугу в небе, и я почувствовал себя падающей куклой, лишеной опоры, безжизненной и смешной.
Сначала я не почувствовал боли, захотел встать и быстренько вернуться в Винтерхауз. Я поднялся и посмотрел на онемевшую руку — темная кровь стекла по ладони. Достав носовой платок, я обвязал ее с помощью зубов и подошел к велосипеду: безнадежно. Я крепко выругался, срываясь на крик, сел на ступеньки ресторана, опустил голову на колени и в сотый раз обозвал себя кретинком. Я бы и сейчас там сидел, если бы не тип, проезжавший мимо. Когда я вышел из машины, согнувшись пополам от боли, ко мне приблизился высокий белый силуэт. Это была Франсуаза.
— Что с вами случилось?
— Помогите мне.
Она помогла мне дойти до Винтерхауза. Я испачкал ее белое платье и извинился. Сел на кухне и вновь обозвал себя глупцом.
Франсуаза была очень напугана. Она принесла бинт, вату, спирт и ртуть, помогла забинтовать колено. Я очень боялся за руку, но кровь удалось остановить довольно быстро. Я встал и попросил Франсуазу проводить меня до комнаты. Мы с трудом преодолели два этажа. Открыв дверь, я рухнул на кровать, а Франсуаза наклонилась ко мне и сказала на ухо:

— Тебе нужно заснуть.
Я утвердительно кивнул головой.
— Сможешь сам раздеться? Нет? Сейчас я тебе помогу.
Она начала с того, что сняла с меня теннисные туфли и носки, потом расстегнула рубашку и постаралась снять ее так, чтобы я не менял положения. Наконец, она ловко отстегнула пряжку брючного ремня и спросила:
— Брюки тоже?
Я показал глазами, что да. С бесконечной осторожностью, почти не касаясь колена, Франсуаза стянула с меня брюки.
— Ты укроешься?
Очень тихо я ответил:
— Позже.
— Ладно. Спокойной ночи.
Я улыбнулся, и Франсуаза спросила:
— Тебе все еще больно?

У меня не было сил лгать. Она поцеловала меня в губы и вышла на цыпочках. Я мысленно вернулся к событиям этого вечера и ощутил необходимость изложить их на бумаге, чтобы разобраться во всем и подумать, что же будет дальше...
Два часа ночи. Нога почти не болит. Сейчас я усну, так как все уже обдумал, взвесил, укрепился в своих мыслях.

Сегодня утром приезжает Катрин Гольдберг. Она — недостающая карта в моей игре. Надеюсь, теперь все пойдет быстро. Мне страшно от того, что затея может растянуться во времени, тогда план станет уязвим с той или иной стороны.

VIII. ДНЕВНИК ОДИЛЬ. ВИЛЛЕР-СЮР-МЕР, 3 АВГУСТА.

Все началось в восемь часов утра. Я проснулась от жары, вскочила с кровати и услышала какой-то хруст. Я пригляделась, увидела что-то блестящее на полу, нагнулась и подумала: очки. Да, я разбила очки. У меня есть запасные, но в такой отвратительной черепаховой оправе, что я стараюсь их не носить, даже в исключительных случаях. Я встала, отправилась, окутанная туманом, в ванную, потом спустилась на кухню, где опрокинула кастрюлю и задела чашки. В конце концов мне удалось выпить черноватой жидкости, оставившей во рту вкус плохого кофе. На кухню вошла мама в домашнем халате, и, несмотря на отсутствие очков, я заметила ее озабоченный вид и скрытую усталость.

— Я так волнуюсь за лавочку. Сколько вокруг мерзавцев... Как представляю себе, что они могут открыть замок решетки, разбить витрину и перевернуть все внутри, просто заболеть.

Вошел Паскаль. Обычно он входит так: сначала улыбка, потом жест руки, уточняющий положение галстука, почти неуловимый вздох удовлетворения, за которым следует ритуальный поцелуй руки мамы, невинный поцелуй в щеку Одиль, потирание рук и последний этап казни — пересказ сна, виденного сегодняшней ночью. Я задаю вопросом, что мне делать с этим типом, и не замечаю, как разговор заходит о волосах, вернее, о прическах. Паскаль заявил, что терпеть не может женщин с короткими волосами, более того, никогда не позволит любимой женщине быть коротко подстриженной.

— Да,— сказала мама.— Это не очень женственно.
— Речь не о том,— уточнил Паскаль.— Это личное. Длинные волосы пробуждают во мне... волнение. Я люблю их легкий запах.

Я сказала:
— Легкий, легкий... А когда они грязные?
— Их надо мыть почаще,— ответил Паскаль.
— Длинные волосы очень трудно вымыть. Короткая прическа более практична.

— Практична! Какое отвратительное слово!
Я взбесилась, поднялась к себе, взяла из кошелька деньги и пошла в парикмахерскую. Полчаса в компании дряхлых старух я переживала свою ярость. Наконец, села в кресло, закрыла глаза и произнесла:
— Как можно короче.

Все произошло очень просто и заняло не более двадцати минут. То, что я увидела в зеркале, потрясло меня. Я расплатилась и вышла, чувствуя себя легкой и хрупкой. Взглянув на свое отражение в витрине спортивного магазина, я поняла, что к новой прическе совсем не идет цыганская юбка: я была похожа на мальчика, переодетого в девочку. У меня оставались деньги; я купила джинсы, белую спортивную майку и пошла на пляж. Под красным пляжным зонтом рядом с красивой рыжеволосой женщиной сидел тип, который мне очень нравился. Этот парень был красив и одинок, он разглядывал меня с жадным любопытством.

Я вышла на берег, так как вода показалась холодной. Красивая рыжеволосая женщина, которую я заметила раньше, неподвижно смотрела на море, скрестив руки на пышной груди. Я поздоровалась с ней, она мило ответила, ничуть не удивившись, и улыбнулась:

— Вы дрожите.
— Вода очень холодная.
— Вы простудитесь, если не возьмете полотенце.

Моя дочь никогда не вытирается после купания. Она считает, что морская вода помогает быстрее и лучше загореть. Вы тоже так думаете? Как вас зовут?

— Одиль.
— А меня — Паула.
— Очень приятно.
— Не хотите ли немного пройтись вместе?
Я согласилась. Эта женщина притягивала меня, и в то же время я испытывала к ней чувство ревности. Спокойное и любезное выражение ее лица, раскованность и ум, светившиеся в ее глазах,— все это свидетельствовало о совершенном ее согласии с миром и было пронизано очарованием.
— Вы местная? — спросила меня Паула.
— Нет. Я живу в Виллемомбле. Сюда приехала на каникулы.
— Вам здесь нравится?
— И да, и нет. Я приехала с родными. Климат в семье... несколько напряжен.
— У меня дочь вашего возраста. Ее зовут Эльза.
— Красивое имя.
— Вы так считаете?

Дальнейший наш разговор не представляет большого интереса, но я получила удовольствие от простой и несколько томной беседы.

Прощаясь, Паула спросила, живу ли я в отеле. Я ответила, что живу в Винтерхаузе. Она заставила меня повторить, потом посмотрела так, будто на моих щеках появилось чернильное пятно. Наконец, сказала, что выйдет на пляж около половины пятого, и ей хотелось бы со мной поговорить...

Вся семья нашла мою новую прическу гениальной — кроме Паскаля, разумеется, но после всего он уже не член семьи. К тому же Винтерхауз пополнился новой обитательницей. Ее зовут Катрин Гольдберг, она работает редактором в одном из парижских издательств.

Надо ли говорить, что Паскаль поспешил распустить хвост, когда узнал об этой детали. Я, конечно, не могу запретить ему думать о карьере, тем более что Катрин Гольдберг тоже положила на него глаз. Хочу уточнить, что у меня нет ни малейшего желания держать свечу (во время их свиданий).

IX. ДНЕВНИК ЭРИКА. ВИЛЛЕР-СЮР-МЕР, 3 АВГУСТА.

Шестнадцать часов. Шум пляжа в приятном далеке, и мне захотелось взяться за дневник.

Утром я проснулся поздно. День начался с сюрприза: я мог встать и ходить. Я спустился на кухню, проглотил пять тартинков и вышел из дому.

Первое, что я увидел на пляже,— красный зонт Паулы. Разглядывая меня, она сказала:

— Ты с кем подрался?

Я ответил, что упал с велосипеда, и добавил:

— Не понимаю, что с тобой вчера случилось, не знаю, чего ты ждешь от меня: чтобы я чаще смеялся, чтобы влюбился в девушку моего возраста, чтобы задумался о том, как живу и по-новому посмотрел на свою жизнь? Что еще? Я очень сожалею, если разочарую тебя, но у меня нет ни малейшего желания заниматься этим.

— Можно задать тебе один вопрос?

— Разумеется.

— Ты счастлив?

Я повернул к Пауле голову.

— Ты хочешь все начать сначала? Послушай, если хочешь, чтобы наши отношения продолжались, ты должна остаться такой же, как до вчерашнего дня. Пожалуйста, не пытайся во всем разобраться, и дай мне самому судить о том, в чем мое счастье. Если то, как мы друг друга... любим...

— Ты споткнулся на этом слове.

Я вздохнул и продолжал:

— Если наши прежние отношения перестали тебя устраивать, то не думай, что другие устроят меня.

Она наклонила голову:

— Вот и вывод.

— Нет. Я готов все начать сначала, но не хочу, чтобы ты задавала вопросы, давала советы, жаловалась. Я хочу, чтобы ты была здесь все лето. Вот и все. Не требуй от меня большего.

— Ясно.

— Ну, и...?

— Ну, и прошу у тебя прощения.

Я кивнул головой и слегка коснулся ее руки. Паула улыбнулась.

— Но я не отказываюсь ни от одного слова, сказанного вчера.

В этот момент на ноги просыпалось немного песка, и я поднял голову: мимо проходила очаровательная блондинка, подстриженная под мальчика, в руках у нее была пляжная сумка. Я разглядывал девушку: стройные ноги, округлые плечи, большие, небесного цвета глаза, хрупкие запястья. Она была в брюках и белой майке. По очень прямой спине и странной походке — одновременно серьезной и пританцовывающей — я узнал Одиль Теллье. Узнал — не совсем точное слово. До этого момента я видел Одиль не так уж и много: платье с большими и бледными цветами, очки да длинные соломенные волосы. Иными словами, ничего особо привлекательного, что-то освещенное

внутренним, едва уловимым светом, как солнце, скрытое пеленой тумана. Тот же неуловимый свет исходил и от этого юного создания, столь отличавшегося от вчерашней Одиль. Я хотел разглядеть все более пристально, но прямоугольные часы на молу показывали без четверти одиннадцать. Мне оставалось десять минут до приезда Катрин Гольдберг, и я провел их в гостинице Винтерхауза, погружившись в свои мысли.

Катрин Гольдберг тридцать лет. Она преподает современную литературу в Блан-Мениле. Не замужем. Ее рост около 1 м 65 см, но точно судить нельзя, так как у всех много читающих и пишущих сгорбленная спина. У нее длинные белые зубы, рот чуть перекошен, поэтому создается впечатление, что зубы расположены неправильно. За круглыми очками в стальной оправе — черные сверкающие глаза, ничем не примечательный нос, острый подбородок, высокий голос сюсюкающей девочки со взрослыми интонациями — вот все, что можно о ней сказать.

Если судить по тому, как легко она согласилась помогать мне и как быстро вошла в роль помощницы, ничего не требуя взамен, я заключил, что живется ей скучно, от каникул она ожидает всякого рода приключений и с моральными устоями у нее плоховато. Она объяснила причину, побудившую помочь мне:

— Допустим, меня это забавляет. И потом, должно быть, очень приятно жить только вдвоем в этом большом доме.

Я помог ей устроиться и пошел в клуб, где меня ждал Анри. В клубе мне встретилась Эльза, хотя она никогда не играла в теннис и не проявляла к нему большого интереса. Она держалась в отдалении, и я спросил:

— Ты что тут делаешь?

— Я пришла из-за него. — Она показала пальцем на Анри.

— Вы знакомы?

— Нет, только что увидела его на улице. Классный парень. Я пошла за ним, но он не хочет со мной разговаривать. Это невыносимо! — Она с яростью топнула ногой.

— Чем он тебе понравился? Отнюдь не красавец, толст, одевается как попугай и к тому же алкоголик. — Что толст и не красавец, согласен... — ответил Анри. — Но алкоголик — слишком сильно сказано. Да еще насчет попугая...

— Класс! — воскликнула Эльза.

— В чем, собственно, класс?

— Его голос! Для меня это просто класс! Ты потрясающе хорош!

Анри вздохнул:

— В таких условиях невозможно разговаривать дальше.

— Но я не собираюсь разговаривать, я хочу тебя любить.

— Она сошла с ума!

Мы вышли из клуба. Эльза следовала за нами по пятам. Анри остановился перед белым «Рено-12» своего отца и вынул из кармана связку ключей.

— Ты научился водить машину?

— Более или менее.

— А права у тебя есть?

— Да. Но даже если бы их не было... С моим отцом...

Он открыл дверцу, сел за руль. Эльза проворковала мне в спину:

— Эрик, я прошу тебя, ну я же прошу...

Я сел в машину и открыл ей заднюю дверцу. Эльза тотчас же забралась, а Анри бросил на нее скорее удивленный, чем холодный взгляд.

Всю дорогу мы ехали молча. Когда новичок садится за руль, с ним лучше не затевать разговора...

X. ДНЕВНИК ОДИЛЬ.

ВИЛЛЕР-СЮР-МЕР, 4 АВГУСТА (ЧАС НОЧИ).

Вчера в четверть пятого я пришла на пляж и подошла к Пауле. Мы открыли зонт и сели. Паула сказала мне:

— Я расскажу вам одну историю.

И задала странный вопрос. Она спросила, что я думаю об Эрике Корона. Я ответила, что знаю его слишком мало.

— А какое впечатление он на вас произвел?

— Не самое лучшее.

— Все-таки уточните.

Я не стала уточнять, она продолжила:

— Разумеется, он не простит мне, что я таким образом вмешиваюсь в его дела.

— Вы одна из его подруг?

— Я дружу с его родителями, но оставим это. Допустим, я достаточно близка с ним, чтобы вмешаться в дела, прямо меня не касающиеся.

Потом — после паузы:

— Тем не менее я иду на риск. Видите ли, Эрик из тех людей, которые не позволяют себе звать кого-либо на помощь, когда тонут.

— А разве он тонет?

— Да. И хотя я мало вас знаю, я чувствую, что вы сможете помочь ему удержаться на плаву.

— Увы! Он совершенно меня не замечает. Если уж он и избрал кого-то себе в спасители, то скорее мою сестру.

— Нет. Ваша сестра не сможет помочь ему.

— Откуда вам это известно?

Она сделала пренебрежительный жест рукой.

— Неважно. Главное — это вы и Эрик. Он очень несчастен. Вы даже не представляете, насколько он несчастен.

— По нему не скажешь.

Она коротко вздохнула. Вздох сопровождался неопределенной улыбкой.

— Это хорошо, что по нему не скажешь. В противном случае, уверяю вас, это было бы печальное зрелище.

— А почему он несчастен?

Прищурив глаза, она заговорила быстро и монотонно:

— Эрик видел, как страдала и умирала четырнадцатилетняя девочка — его сестра, для которой никто ничего не мог сделать. Он любил ее как никто, и, разумеется, нет ничего ужаснее, чем присутствовать при страданиях любимого существа, невинного и беззащитного. Ощущаешь себя действующим лицом какого-то чудовищного романа, но в отличие от романа нельзя перевернуть страницу или вообще закрыть жизнь. Это сведет с ума любого, но, к счастью, Эрик — не любой, он — личность, и это спасло его. Но спасло лишь частично. Ему предстоит пройти еще половину пути. В одиночку он его не осилит.

Я покраснела, потому что последнюю фразу Паула произнесла, глядя прямо мне в глаза. Я чувствовала себя очень неловко. То, о чем она говорила, было столь неожиданным и неслыханным, что я сочла необходимым получить подтверждение.

— Я не знаю, чем могу быть полезной.

— Я редко ошибаюсь в людях и думаю, что вы умны и великодушны. Эрик нуждается как раз в таком человеке.

— Но вы меня совершенно не знаете, а я его совершенно не знаю. К тому же...

Паула нежно прикоснулась к моей руке, как бы говоря: посмотрим, посмотрим.

— Любите его, он того заслуживает.

Я отдернула руку.

— Станный вы человек! Я не могу полюбить по приказу того, с кем лишь однажды столкнулась в коридоре!

— Возможно, вы не совсем та девушка, которая нужна Эрику, но я убеждена, что ему нужен кто-то, похожий на вас. Не взрослая женщина, которая... наведет на него скуку, и не подросток, который будет его раздражать. Кто-то, похожий на вас.

Она встала и приподняла красный зонт, продолжая рассуждать:

— Подумайте над тем, что я сказала. И, если Эрик на вас не смотрит, посмотрите на него сами. Вы увидите, что он красив.

— Я не нахожу его красивым, — ответила я, поднимаясь.

Закрывая зонт, Паула засмеялась коротким и натянутым смешком.

— Ну вот, мы почти поссорились. Ладно, забудем это. Если у вас не будет лучшего способа провести сегодняшний вечер, приходите ко мне к девяти часам. Вот адрес. Я постараюсь быть менее резкой и более убедительной.

Она написала свой адрес на листке блокнота и протянула его мне, оглядев меня еще раз с благожелательным любопытством.

— На самом деле я довольна вашей реакцией. Впрочем, я не прошу броситься в объятия Эрика с сегодняшнего вечера. Присмотритесь внимательно. Он полон сокровищ и занимается тем, что прячет их от постороннего взгляда. Он полон любви. Это причиняет ему боль, вся любовь, которую он накопил вместе со своими страданиями... До вечера.

Вечером, сказав сидящим в гостинице, что вернусь через час или через десять лет, смотря по настроению, что, впрочем, никак не отразилось ни на одной физиономии, я вышла из дома с твердым намерением навестить Паулу.

Паула с кем-то обедала. Я чуть было не ушла, но она повела меня в столовую. За столом сидел парень, одетый в серое. Он встал и протянул мне руку. Паула придвинула третий стул, и я села.

— Одиль, — сказала Паула, — Эрика я вам не представляю. Вы ведь знакомы, не так ли? Сегодня утром я встретила Одиль на пляже. Она показала мне весьма симпатичной. Думаю, Эрик, ты со мной согласишься.

В день нашего приезда в Винтерхауз меня поразило, как Эрик смотрел на прибывших людей. Он смотрел холодно и твердо, не наклоняя головы и не отводя в сторону глаза.

Теперь же его взгляд был совершенно иным. Он был ускользающим. В нем не было ни высокомерия, ни расценности. Эрик прятал глаза!

Он покочил с мороженым, встал из-за стола и сказал Пауле, что завтра ему предстоит играть в теннис с неким Анри, и поэтому он должен пораньше лечь спать.

Я спросила:

— А сколько вам лет?

В течение пяти секунд наши лица были друг напро-

тив друга в полумраке прихожей. Квадратные челюсти и властные черты Эрика продолжали мне не нравиться, но во взгляде я угадывала перелом. Мне хотелось углубиться в пробитую брешь и угадать, о чем же он думает.

— Семнадцать лет.

Когда он произнес «семнадцать», судить о чем-либо было невозможно. Но на слове «лет» голос молодого человека понизился на целую октаву, секунды тяжело повисли в воздухе. Дверь открылась, и девушка — я видела ее на улице с Эриком — бросилась к Пауле, крича:

— Мама! Мама!

Я поняла, что это Эльза. Щеки ее были красны, волосы лежали в беспорядке.

Толстый тип в блейзере робко просунул нос в открытую дверь. Теперь прихожая стала напоминать метро в час пик. Все переместилось в столовую. Эльза взяла мать за руку. Эрик что-то говорил толстому типу, который, вытирая лоб скомканным платком, безостановочно отвечал:

— Да, старик... Если бы ты знал... Да...

Все это мне надоело. Я хотела выскользнуть, не попрощавшись, но это было бы не очень любезно по отношению к Пауле. Эльза объявила матери, что хочет выйти замуж за толстого типа в блейзере, потому что безумно его любит. Она увидела его утром и тотчас же поняла, что только с этим человеком может быть связана вся ее жизнь. Должна быть связана ее жизнь!

В это время толстый тип наклонился ко мне, взял мою руку и запечатлел на ней легкий поцелуй.

— Позвольте представиться: Анри Леблан. С кем имею честь?

Он не сумел закончить свою фразу, так как Эльза вклинилась между нами, растолкала с мрачным видом и, обдав меня ледяной улыбкой, стала выговаривать Анри:

— Так. Уже начинается...

— Но, Эльза...

— Разрешите представить вам Одиль, — сказала Паула.

Анри склонился с покладистым и робким видом, а Паула заметила с иронией, что рассмотрит вопрос о свадьбе с надлежащей быстротой. Эльза заговорила с поспешностью, не разделяя фразы паузами, и я с трудом понимала их смысл, тем более что все мое внимание было обращено на Эрика. Время от времени с его губ срывался смех, уверенный смех взрослого парня, в котором, однако, проскальзывала нотка горечи.

Из сбивчивой Эльзиной речи ясно было только то, что она предлагала отметить событие шампанским в ночном клубе Довиля. Я все больше ощущала себя лишней в этой буржуазной семейке и, как говорят, попыталась удалиться от достойного общества, когда Паула подтолкнула всех нас к двери.

— Идите вчетвером, меня что-то клонит ко сну.

Эльза вцепилась в ее руку.

— Но ты согласна на мою свадьбу?

— Мы поговорим об этом позже, дорогая.

Эрик повторил, что хотел бы пораньше лечь накануне матча.

— Но ведь ты будешь играть со мной, — сказал Анри.

— Ну и что?

— Если Эрик не пойдет с вами, я не дам согласия на свадьбу.

— Неужели ты не можешь сделать этого для меня?! — воскликнула Эльза, обращаясь к Эрику.

— Да, уж... — ответил он со вздохом.

И вот — ночь, белый «Рено-12», узкие и темные улочки, журчащий говорок Эльзы, под который я терзала себя массой вопросов, но вдруг быстро осознала, что, если так пойдет дальше, вечер будет безнадежно испорчен.

Я откинула голову назад, вытянула ноги и закрыла глаза.

Мы довольно долго кружили по Довилю, потому что ночной клуб еще не открылся. Мало-помалу стихли разговоры, но воцарившаяся тишина не была давящей, скорее наоборот. Ворчание мотора, ветер, заблудившийся в моих волосах, загадочное присутствие Эрика, белые огоньки, мерцавшие на морской глади, и музыка — все это создавало необычную для меня атмосферу. Я была среди трех незнакомых мне людей в какой-то иной жизни, мчавшейся галопом в ночи, и чувствовала себя прекраснейшим образом...

В ночном клубе я танцевала, не переставая, с Эльзой и Анри. Не танцевал только Эрик, прилипший к игральным автоматам и попивавший апельсиновый сок.

К половине первого я расправилась со своим коктейлем и нетвердой походкой подошла к игральным автоматам, на которых играл Эрик:

— А вы почему не танцуете?

— Повредил колено.

— Однако это не мешает играть в теннис?

— Допустим, я не люблю танцевать.

— Почему?

— Не знаю. А вот вы, почему вы остригли волосы?

— Чтобы стать дурнушкой. Мне это удалось?

— Нет. Не думаю.
— Вот и первый комплимент.
Эрик улыбнулся мне, подошел к Эльзе и Анри, сказал им несколько слов. На обратном пути в машине царил тишина...

Поднявшись к двери моей комнаты, я вдруг услышала:

— Одиль...
Я обернулась. Одна рука легла на мое плечо, другая коснулась щеки. В последний момент я повернула голову, и губы Эрика задержались на моей шее. Потом он выпрямился и сухо спросил:

— Я тебе не нравлюсь?
Конечно же, нравился, и я промямлила:

— Я хотела бы стать вашим другом...
Ничего не ответив, с побледневшим лицом, Эрик отсалютовал мне по-военному, развернулся на каблуках и вошел в свою комнату. Несколько мгновений спустя я вошла в свою...

ХІ. ДНЕВНИК ЭРИКА. БУЛОНЬ, 5 АВГУСТА.

Вчера, когда я открыл глаза, на Винтерхауз обрушился ливень. К десяти часам он утих и начался опять в тот момент, когда я с ракеткой подходил к клубу. Я увидел Анри и Эльзу, сидевших в машине. Она что-то говорила, он как зачарованный смотрел на падающий дождь, который был его союзником, освобождая от обязанности бегать за мячами, устало бить по ним и с тоской наблюдать, как они возвращаются.

Я пересек улицу и сел в машину. Эльза рассеянно подставила свою щеку для поцелуя.

— Что будем делать? — спросил Анри.
— Ждать.

— Даже если дождь перестанет, играть нельзя.
— Он прав, — сказала Эльза. — А если мы поедем в Довиль? Пропустим по стаканчику.

Я ответил, что согласен, и Анри включил зажигание...

Мы катили по Довиллю. Море отсвечивало зелеными бликами, прибрежная песчаная полоса стала темно-коричневой. Эти предосенние краски, запах морской соли и мокрых листьев, длинная, уходящая за горизонт цепочка автомашин на морском шоссе были достаточно грустными признаками заканчивающихся каникул.

Эти признаки напоминают мне о скором приходе осени, а вместе с ней — одиночества, прогулок по опустевшему пляжу, молчаливых сидений с Венерой.

Когда мы приехали в Блонвилль, я спросил у Эльзы:
— Ты не знаешь, почему к вам вчера приходила Одиль?

— А разве не ты ее пригласил?
— Нет. Значит, твоя мама.
— Правда? Она мне ничего не сказала.
— Почему же она ее пригласила? Ей известно, что все летние постояльцы Винтерхауза — мои личные враги.

Эльза повернулась ко мне и спросила:
— В чем ты упрекаешь Одиль?
— Ни в чем. Я просто хочу побыть один в своем доме.

— А вчера вечером мы с Анри испугались, как бы ты не натер шею воротником... Все время оглядывался на Одиль.

— Я еще никогда не видел, чтобы ты так плохо играл, — сказал Анри и прибавил скорость, желая обогнать шедшую впереди машину.

На другой стороне дороги стояла девушка в белых брюках, красной майке и позолоченной каскетке.
— Ты глantz, — сказала Эльза. — Это Судьба.

Сев в машину, Одиль сняла каскетку, поцеловала Эльзу, пожала руку Анри и через несколько секунд повернула голову ко мне:

— Как дела?
— Нормально.

Я сидел, прижав нос к стеклу, а Одиль стала рассказывать, как поссорилась с родными из-за Катрин Гольдберг, которая вела себя по отношению к Паскалю самым бесстыдным образом.

— Все это не потому, что я ревнива или обожаю Паскаля. Но ведь должны быть хоть какие-то приличия.

— Паскаль — твой дружок? — поинтересовалась

Эльза, а мое прижатое к стеклу лицо расплылось в улыбке.

Одиль вздохнула в ответ:
— Как вам моя каскетка? Нравится? Я купила ее сегодня утром и вообще накупила массу вещей. Если так пойдет дальше, придется заложить парфюмерную лавочку.

Эльза заявила, что у нее есть идея:
— А точнее, две. Прежде всего я хочу предложить всем перейти на «ты». Идет, Эрик?

— Ну, если ты хочешь.
— Идет, Одиль?
— Идет.

С опасением в голосе Анри спросил:
— А в чем заключается вторая идея?
— Мы едем в Париж.
— Выйдем в Эвре, — сказал Анри, вытирая лоб рукавом.

Каждый в душе с ним согласился; до Парижа слишком далеко, у нас было не так уж много денег, еще меньше времени.

Но доехав до Эвре, мы молчали, и Анри продолжал вести машину по направлению к Парижу. Наконец, я не выдержал:

— Но это глупо!
Сначала засмеялся один, потом другой, затем захотали все. Анри попросил:

— Разговаривайте без меня. Я не должен отвлекаться.

Я спросил у Одиль:
— Как выглядит Париж?
— А ты не знаешь?

— Я там ни разу не был.
— Не может быть!
— Я тоже ни разу не был, — подал голос Анри.

Одиль застыла в изумлении, потом произнесла:
— Вы увидите... Это потрясающе.

У Шофур-ле-Бонньер наш «Рено» начал давать сбои. Было около трех часов. Анри и Эльза встревоженно переглянулись.

— Что будем делать? — спросил Анри.
— Поищем какую-нибудь ремонтную мастерскую.

Мы доехали до станции техобслуживания и, пока мастер осматривал машину, перекусили на террасе. Анри пил воду, я — тоже, а девушки заказали графинчик белого вина.

Терраса была отделена от дороги зеленым кустарником, столы накрыты белыми скатертями. Еда обошлась нам в 256 франков, и у нас не оставалось ни одного сантимана на починку машины. Слегка встревоженные, мы пошли к мастеру. Он был смугл и широк в плечах. Анри подошел к нему и заинтересовался:

— Ну как, все в порядке?

Вытирая пальцы черной ветошкой, механик сказал, что с нас 172 франка. Анри сел за баранку, я пристроился рядом, девицы сели сзади, и машина тронулась с места. Другого выхода у нас не было. Даже если возникнут проблемы с полицией, за 172 франка в тюрьму не посадят.

Однако у механика был свой взгляд на эту проблему. Он вскопил в синие «Багги» и пустился за нами в погоню. Он преследовал нас до туннеля в Сен-Клу. Там пришлось притормозить перед огромным грузовиком, и я открыл дверцу, поставив ногу на асфальт. Я уже наклонился, чтобы выйти из машины, когда услышал крик Одиль: «Осторожно!». Что-то намертво прижало мою правую ногу, потом обе ноги, я упал, и дневной свет затянуло черной пеленой. Я успел подумать: «На этот раз — все»...

XII. ДНЕВНИК ОДИЛЬ. ВИЛЛЕМОМБЛЬ, 5 АВГУСТА.

Полдесятого вечера. Я только что вернулась из больницы Амбруаз-Паре. Я одна дома, никакого желания включить телевизор и никакого чувства голода.

Вчера в туннеле Сен-Клу я испугалась за свою жизнь. Внутри у меня все остановилось, я смотрела на Эльзу и молила ее, чтобы она сказала, что все это неправда, но мои губы не смогли произнести ни единого звука. Нет, это не «Багги» механика наехали на Эрика, а какой-то немец или бельгиец на огромной машине с необъятной супругой и двумя толстыми детьми. Сам он был высок и худ, во время разговора то и дело теребил свои волосы и трогал кончик носа. Он яростно доказывал, что наезд произошел не по его вине, но никто не слушал. Анри, склонившись над Эриком, чья бледность и неподвижность сводили меня с ума, замер, потрясенный. Эльза с упрямым отчаянием подростка вскрикивала:

— Ну, где эта чертова «Скорая помощь»?

С визгом тормозов «Скорая помощь» остановилась у «Рено-12». Два санитары вытащили носилки и положили на них Эрика. На носилках Эрик уже не казался Эриком — холодным и высокомерным парнем, чья совершенная красота была даже несколько отталкивающей. Это было существо, лишенное какой-либо защиты, лишенное слова, мысли, взгляда, движения. Мне захотелось стать феей, склониться над ним, заставить открыться глаза, прогнать его боль.

Анри, Эльза и другой водитель слушали полицейского, который им что-то объяснял. Несмотря на жару, Анри был невероятно бледен.

— Нужно идти в комиссариат.

Он взял меня под руку. Перед глазами вновь и вновь вставало лицо Эрика в тот момент, когда его сбила машина — оторопевшее лицо ребенка, беспричинно получившего пощечину, лицо униженного и физически страдающего ребенка.

Я спросила:

— Не знаете, куда его повезли?

— В больницу. Булонь или что-то в этом роде, — ответил Анри.

— Амбруаз-Паре?

— Кажется, да.

Мы поехали в комиссариат; и пока Анри улаживал дело с инспектором, я сказала Эльзе, что останусь в Париже, потому что не могу смириться с мыслью оставить Эрика одного в больнице и не сделать для него все, что возможно. Я все время видела его глаза, молившие меня о помощи.

Эльза встала, мы обнялись.

— Мы позвоним тебе, когда вернемся в Виллер. У тебя есть телефон?

— Да.

Эльза записала номер моего телефона на обложке удостоверения, и мы распрощались.

У меня осталось совсем мало денег, и я поехала в больницу на метро. Пришлось подождать полчаса в коридоре, выкрашенном зеленой краской. Потом пришел доктор и сказал, что у Эрика сломана правая нога и вывихнуто левое плечо, но больше ничего серьезного. Я попросила пропустить меня к нему.

— Так вы Одиль? — Он внимательно посмотрел на меня.

— Откуда вам это известно?

— Вы его подруга?

— Да. Могу я его увидеть?

— Завтра. Сегодня он будет много спать, а дней через двенадцать мы его выпишем. Он еще легко отделался.

Я долго благодарила доктора, вышла из больницы и пешком пошла до Порт-Отейя. Я шла быстро и улыбалась; впереди открывалась радужная перспектива: Эрик жив, у меня достаточно сил, чтобы помочь ему выдержать десять дней в больнице, прикосновения и улыбки, которыми мы обменялись в машине, указывали на близость, установившуюся между нами.

Вернувшись в Виллемомбль, я долго расхаживала взад и вперед по квартире, пока не заметила телефон, и подумала о матери. Найдя в бумагах номер телефона Винтерхауза, я позвонила. Трубку сняла мама. Я рассказала ей о нашем приключении, добавив, что звоню из Виллемомбля, где решила переночевать, чтобы завтра пойти к Эрику в Амбруаз-Паре. Мама спросила меня, в каком состоянии наша лавочка. Вдохнув, я ответила, что лавочка в том же состоянии, ничего не разбито, ничего не пропало. Мама спросила, когда я вернусь. Я сказала, что не знаю. Завтра или послезавтра... Все будет зависеть от состояния Эрика.

— Разве у него никого нет в Париже, кто бы позаботился о нем?

— Нет. Он абсолютно один. Потом, знаешь, эта больница...

— Амбруаз-Паре? Знаю. Ты не хочешь поговорить с Паскалем?

— Нет.

— Что произошло? Из-за чего вы поссорились?

— Это не Венера там лает?

— Венера?

— Собака Эрика.

— Разумеется, она. Ты мне не ответила...

— До свидания, мама. Я позвоню завтра.

— Одиль, Одиль...

— Да?

— Звони завтра после восьми. Это льготный тариф.

— Хорошо.

— Ты понимаешь, что ни к чему субсидировать Управление почт.

— Я понимаю, мама, до завтра.

Эльза позвонила в полпервого ночи. Она рассказала о том, что было в комиссариате, как их встретили в Виллере у отца Анри, где он и Паула ждали их вместе. Эльза попросила меня заботиться об Эрике, и мы попрощались.

Я легла, но заснуть не могла.

Поднялась в восемь часов. Во рту был какой-то мерзкий привкус, глаза покалывало. Приняла душ, оделась и вышла из дому. Улицы Виллемомбля были светлы и пустыни. По дороге на вокзал я купила шоколадное пирожное и «Матен». Пирожное съела, а газету так и не открыла. Я не могла сосредоточиться.

Когда я вошла к Эрику в палату, он что-то писал на листочках. Его нога была в гипсе и покоилась на системе блоков и гирек. Под бело-красной пижамной курткой угадывалось распухшее плечо.

Эрик спросил меня, что я здесь делаю. Я засмеялась, так как хотела спросить его о том же. Я сказала ему, что решила стать его гидом в неизвестном Париже. Он тоже рассмеялся и отложил ручку с блокнотом на тумбочку. Мне было больно смотреть на Эрика, на круги под глазами, белый налет на губах и выражение крайней усталости на лице. Он почувствовал это, как-то поджался и сказал сквозь зубы:

— Я тебе не нравлюсь?

Все было наоборот, но как объяснить ему?

— Можно войти?

Я подумала: этот голос мне знаком, и через секунду сообразила — это голос Мишеля. Точно — он, а рядом с ним — Франсуаза. В руках у нее был небольшой чемоданчик из черной кожи и какая-то тетрадь.

— Как дела? — спросил Мишель, пожмая руку Эрика.

— Так себе.

— Я подумала, что вам потребуются кое-какие личные вещи, — замозгильным голосом сказала Франсуаза. — Благодарю. Очень любезно с вашей стороны взять на себя труд привезти их сюда.

Со вчерашнего дня изменился даже его голос. Он стал не так отрывист, более мягко, но отнюдь не слаб, продолжая выдавать спокойную силу.

— Еще вопрос. Что ест ваша собака? — спросил Мишель. — Ведь надо подумать и о ней.

Казалось, Эрик сильно удивился, услышав такой вопрос, потом со слабой улыбкой ответил:

— Она ест все. Только надо ее вежливо попросить.

— О'кей, шеф! Хотя ты и порядочный сухарь, но мне нравишься. Если будет случай увидеться, может, опрочкинем по стаканчику? А?

— Кто знает!

— Ладно, пока! Мы должны заглянуть в лавочку. Я тебе обещал.

Повернувшись ко мне, Франсуаза спросила:

— Когда ты вернешься в Виллер?

— Не знаю.

— Мне надо с тобой поговорить.

— Хорошо, давай поговорим.

— Не здесь. Выйдем.

Я догнала Франсуазу в коридоре. Пытаясь зажечь спичку, она спросила меня:

— Ты гуляешь с Эриком?

У меня было много причин ответить «да».

Франсуаза резко выпрямилась, выругалась и сказала, точно сплюнула:

— Мерзавец.

— Потому что гуляет со мной?

Франсуаза бросила на меня взгляд, полный жалости, и спросила:

— Что я должна сказать Паскалю?

— Что я разрешаю ему волочиться за...

— Он воспользуется твоим разрешением.

— Ну и отлично. У него будет шанс опубликоваться.

— Перестань заблуждаться, моя дорогая. Все не так просто, как тебе кажется. Но если ты прочтешь дневник Эрика, кое-что поймешь.

Эрик не спросил меня, что говорила в коридоре Франсуаза. Придав голосу нотки дружеского смеха, я сказала:

— А правда, что ты мерзавец?

Эрик откашлялся и через секунду ответил:

— После всего, что случилось, было бы лучше...

— Что?

— Чтобы ты ушла. Дело вот в чем: я хотел всех выжить из Винтерхауза. Всех. Для того чтобы остаться одному. С этой целью я настроивал Франсуазу против Мишеля и делал вид, что она мне нравится, на самом деле я ее презирал. Потом я решил вклинить Катрин Гольдберг между тобой и Паскалем. Кажется, это удалось. Катрин вовсе не сотрудник издательства, а простая учительница из пригородной школы. Потом у меня был план атаковать твою мать серией анонимных звонков по поводу парфюмерной лавочки. Она на всех парах помчалась бы в Виллемомбль на защиту своих склянок... Наконец, я хотел серьезно припугнуть Катрин физической расправой, чтобы отбить охоту посещать Винтерхауз. Я предвидел, что первыми уедут Паскаль и Мишель в компании твоей матери и Катрин Гольдберг. Тогда бы я остался с тобой и Франсуазой. Она бы влюбилась в меня, а я сделал бы выбор в твою пользу. Франсуаза уехала бы, и ты испугалась бы, оставшись один на один со мной... и вот.

— Это все?

— Было бы достаточно.

Я запустила руку в шевелюру Эрика.

— Ты просто ребенок. Я тебя прощаю, потому что ты был несчастен.

— Не нуждаюсь я в твоём прощении.

— И все же я тебя прощаю.

Потом он спросил меня с искренней заинтересованностью:

— Что ты будешь делать? Останешься или вернешься в Виллер?

XIII. ДНЕВНИК ЭРИКА. БУЛОНЬ, 6 АВГУСТА.

Моя койка стоит рядом с окном. Оно выходит на большой двор, где машины «Скорой помощи», посетители и санитары кружат в монотонном хороводе. У меня нет ни малейшего представления о том, сколько времени потребуется Одиль, чтобы поехать на вокзал, отвезти Эльзу и Анри в Виллемомбль и, наконец, доставить их сюда.

Мне трудно объяснить словами то чувство, которое я испытываю к Одиль. В нем присутствует и ее очарование, и боль последних четырех дней: они слиты для меня воедино. Следовало бы рассказать, насколько я далек сейчас от интриг Винтерхауза, рассказать о реакции Одиль на мои «признания» и о ее нежных словах, о моем беспомощном состоянии, вызванном и болезнью, и угрызениями совести. Сотни страниц не хватит для этого рассказа, потому что каждая новая минута приносит новое осмысление фактов и ведет к загадочному рождению моего чувства к Одиль.

В это утро Одиль пришла к девяти часам. Она положила на мою тумбочку кисть белого винограда, газеты, почтовую бумагу, конверты и сказала:

— Утром звонил Мишель: Венера отказывается есть, даже если ее называют Ее Высочеством и о ней ласкают. Она от всего отказывается и выглядит очень несчастной. Завтра я навещу ее.

— Ты едешь в Виллер?

— Нет. Во Владивосток.

— Когда ты вернешься?

— Наверное, завтра. Завтра вечером.

— Но это глупо. Собака не ест из чужих рук, даже не знаю, что придумать. Если ты и привезешь ее в Париж, в больницу ее не пустят.

— Из моих рук она будет есть.

Медсестра зашла в палату и сказала, что меня зовут к телефону. Только я собрался съезжать, что сейчас встану и полечу, как Одиль уже высочила в коридор. Через две-три минуты, когда я немного поостыл, она вновь появилась на пороге палаты и, весело улыбаясь, сказала:

— Это Анри. Он позвонил из Сен-Лазара. Отец выставил его из дома и оставил без копейки. Он будет искать работу в Париже.

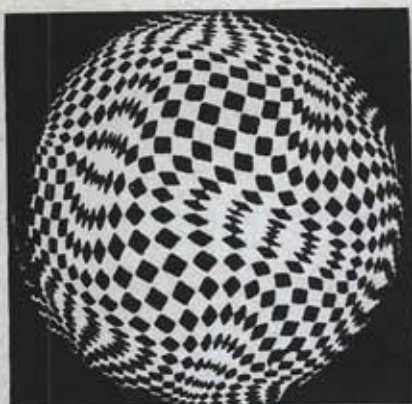
— Эльза с ним?

— Да. До конца месяца они будут жить в Виллемомбле, у нас. Завтра я приду к тебе вместе с ними. Чао! Одиль ушла два часа назад. Я лениво отщипываю виноград.

Было бы слишком просто сказать, что я скучаю без нее. Я никогда не был прост...

*Сен-Лазар — один из вокзалов Парижа.

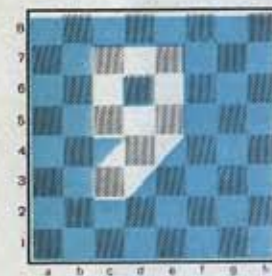
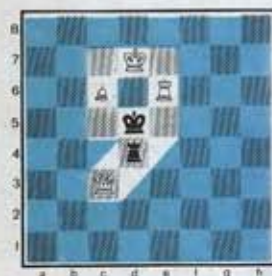
Перевод с французского
Инны ЧЕКАЛОВОЙ

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

НОВОГОДНИЙ КОНКУРС

Эти изобразительные задачи — наше
новогоднее поздравление вам, дорогие
читатели «Смены»!

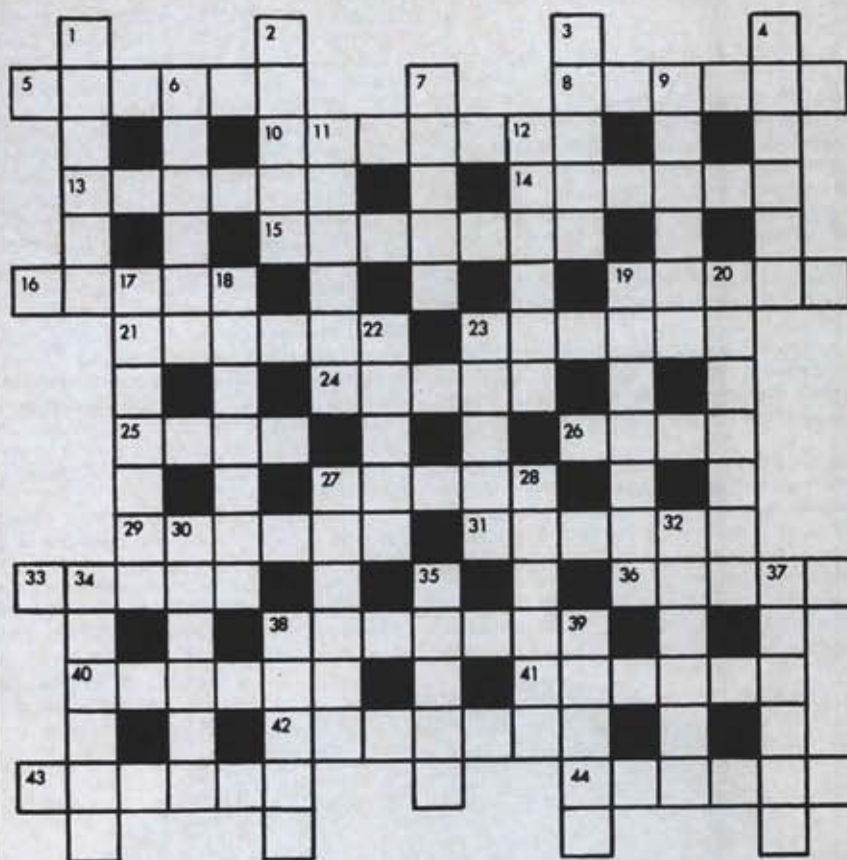

Везде — мат в 2 хода

На четвертой диаграмме даны лишь
контуры будущей задачи. Вам предла-
гается самим заняться шахматным «ри-
сованием» и составить задачу, распо-
ложение фигур которой читалось бы, как
цифра «9». Число фигур не должно пре-
вышать семь. Задание — мат в 2 хода.
Задачи следует посылать в конвертах
с пометкой «Новогодний шахматный
конкурс» до 1 апреля 1989 г. Три ав-
ра лучших задач будут премированы
шахматными книгами.

КРОССВОРД

Составил А. Коифман, Жмеринка Винницкой области

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. Первооснова янтаря. 8. Дерево, из кото-
рого были вытесаны балки и стропила знаме-
нитого Реймского собора, построенного
в XIII веке. 10. Один из тех, кому Фамусов
грозили пожаловаться на Чацкого (А. Гри-
боедов «Горе от ума»). 13. Привлекательное
свойство цветов. 14. Орфей как служитель
искусства. 15. Знаменитый герой греческих
мифов, которого Тициан изобразил в карикату-
рном виде. 16. Соперница искусства, опери-
рующая фактами. 19. Инструмент, за который
русский музыкант-виртуоз В. Андреев принял
одну из разновидностей балалайки. 21. Феде-
рико ... Лорка — поэт, которого восхищало
неистовое творчество друга — художника
Сальвадора Дали. 23. Объект охоты Дурема-
ра в сказке «Золотой ключик» А. Толстого.
24. Герой множества русских песен и роман-
сов. 25. Рыба, которую в прошлом веке в из-

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Крылатая песенница, замолкающая,
если к ней приближаешься. 2. Звезда в со-
звездии Овна. 3. Зеркало (суть). 4. Советский
ученый, один из пионеров ракетной техники.
6. Колочка сизалевой акации как инструмент
в руках американских индейцев. 7. Плод
араукарии, который может быть крупнее че-
ловеческой головы. 9. Всяк сверчок знай
свой ... (поговорка). 11. Родина Робертине
Лоретти. 12. Зона распространения эхиноме-
не — дерева с самой легкой древесиной.
17. Вещество, которого в плодах банана
столько же, сколько в картофеле. 18. Ору-
жейное хранилище. 19. Скульптор, поставив-
ший в Праге единственный в своем роде па-
мятник уличному продавцу газет. 20. Дерево,

билини ловили в Москве-реке и продавали
копченной под названием «московская ряпуш-
ка». 26. «Гербовая» птица. 27. Математиче-
ский двузнач. 29. Основное призвание Цице-
рона. 31. Один из главных эпитетов А. Блока
в биографической и критической литературе.
33. Часть учреждения. 36. Минерал, из кото-
рого изваяна точная копия человеческого че-
репа — одна из самых загадочных находок
в лесах Юкатана. Ученые доказали, что
древние майя не применяли при работе над
ним никакие орудия из металлов. 38. лечеб-
ная трава, подаренная Сергеем Радонежским
Дмитрию Донскому в преддверии Куликов-
ской битвы. 40. Варварское орудие, «китовый
якорь». 41. Каждая из женщин страны, кото-
рой последняя революция «подарила» чадру.
42. Танцевальный зал в зарубежных кафе,
ресторанах. 43. Древнегреческий философ.
По матери происходил из рода Солона — од-
ного из семи мудрецов. 44. Эфемерное со-
здание, готовое «прослезиться».

в которое превратилось воткнутое в землю
кольцо Афины. 22. Стиль в искусстве Карла
Росси. 23. Выпечка из теста с начинкой. Се-
крет его приготовления знали еще в Древнем
Египте. 27. Сельскохозяйственный инвен-
тарь. 28. Советский яхтсмен, чемпион Мо-
сковской Олимпиады. 30. Ванюша в главе
«Городня» (А. Радищев «Путешествие из Пе-
тербурга в Москву»). 32. Римский сатирик,
упомянутый в «Евгении Онегине» А. Пушкина.
34. Сосуд, которым пользовался П. Аносов
при работе над булатной сталью. 35. Самая
крупная хищница на Мадагаскаре, преследо-
вательница лемуру. 37. Птица, гнездящаяся
на кочках моховых болот. 38. Лодка, кара-
велла, фрегат (общее название). 39. Один из
трех химических элементов, соединения
с хлором которых пока не получены.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 24

По горизонтали:

1. Гамаюн. 6. Одарка. 10. Полонез. 11. Ши-
повник. 12. Мензурка. 14. Лев. 16. Фтор.
17. Бельведер. 18. Убор. 21. Эрато. 22. Глубь.
23. Лимон. 26. Тернер. 27. Бюрократ.
29. Египтяне. 30. Пассаж. 33. Шпион.
34. Сталь. 35. Мойва. 40. ...тать... 41. Диф-
ракция. 43. Трио. 45. Асс. 47. Цирконий.
49. Чюрленис. 50. Солидус. 51. Яснота. 52.
Бамбук.

По вертикали:

1. Гиппократ. 2. Мавр. 3. Юпитер. 4. Нок.
5. «Хорев». 6. Оем. 7. Дзерен. 8. Роза. 9. Аз-
робинт. 11. Шифр. 13. Аура. 14. Ляляло.
15. Верблюд. 19. Старшинов. 20. Микроскоп.
24. Нефть. 25. Зоман. 28. Энотера. 29. Евпа-
тория. 31. Жаворонок. 32. Флокс. 36. Отец.
37. Финист. 38. Бирюса. 39. Щорс. 42. Аспид.
44. Бонн. 46. Клуб. 48. «Йоа». 49. Чуб.

Пролетарии
всех стран,
соединяйтесь!

СМЕНА '89

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 1 (1479) ЯНВАРЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН
(заместитель главного редактора)
Борис ДАНИШЕВСКИЙ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Андрей КУЧЕРОВ
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Сергей ПОПОВ
(ответственный секретарь)
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)

Художник
Александр КЛИЩЕНКО
Технический редактор
Елена НАЗАРОВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
212-21-38 — коммунистического воспи-
тания,
212-23-79 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
251-32-84 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

*Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакция не рассматриваются.*

© Издательство ЦК КПСС «Правда».
«Смена», 1989 г.

Сдано в набор 18.11.88.
Подписано к печати 13.12.88.
А 10341. Формат 70 × 108^{1/2}.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5.60.
Уч.-изд. л. 10.26. Усл. кр.-отт. 19.60
Тираж 2 500 000 экз.
Заказ № 3392.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

НОТА ДОБРОТЫ

Дорогие люди!

Прошедший год стал для меня счастливым.

Совсем недавно меня назвали самой красивой девушкой моего любимого города Москвы. Как говорится, на следующее утро я проснулась знаменитой.

Мне совсем немного лет, и в том, что со мной произошло, я не вижу, поверьте мне, никакой своей заслуги. И тот успех, та слава, заграничные поездки, подарки и сувениры, умопомрачительные и сногшибательные коммерческие предложения, которые я получила, — все это, конечно, сказочно, но мысль о том, что для всего этого я пальцем о палец не ударила, будоражит мою совесть, и я даже себе говорю: и не стыдно тебе, Маша, не совестно ли упиваться успехом и славой, которые не стоили тебе никакого труда?

Я хочу честно признаться: да, иногда мне кажется, что я самый счастливый человек на земле. А иногда мне стыдно смотреть в глаза людям, в поте лица своего добывающим хлеб свой...

Все мы знаем, что во многих странах каждый год выбирают самую красивую девушку. Больше того, ежегодно избирается самая красивая девушка нашей планеты. Как хорошо, что и в нашей стране весной этого года будет впервые проходить такой конкурс. Я не знаю, кто будет победительницей, но заранее рукоплещу ей от всей души.

Однажды на уроке литературы в школе, которую, можно сказать, только вчера окончила, я услышала поразившую меня фразу Достоевского — КРАСОТА СПАСЕТ МИР. Честно сказать, поначалу не совсем ее поняла: как это — красота может спасти весь мир? А потом мало-помалу пришло ощущение божественной правоты большого русского писателя. Да, именно красота, красота во всем. В человеке и в его лице, в одежде, в душе, в помыслах, в деяниях человеческих, в поступках. Наконец, красота мира, в котором живет человек. Одним словом, мне кажется, что настала пора просить красоту, если она действительно в состоянии быть творцом, от слов переходить к делу.

Я хочу обратиться ко всем девушкам, ставшим королевами красоты своих стран.

Милые девушки, дорогие красавицы, королевы и принцессы красоты,

давайте соберемся вместе, познакомимся друг с другом и как следует подумаем — что мы можем и что мы должны сделать для того, чтобы все люди на земле избавились от тревог и забот о завтрашнем дне своих детей и внуков. Давайте подумаем о своем скромном вкладе в дело мира и счастья всех людей нашей планеты.

Нам с вами выпало большое счастье быть избранными в своих странах, мы стали знаменитыми, нас фотографируют для газет и журналов, показывают по телевидению. Неужели мы гонимся только на то, чтобы славить несуществующую для большинства людей шикарную жизнь? Миг нашей славы недолог, и молодость наша не вечна. Давайте же, коль нам так повезло, отблагодарим людей земли посильным трудом каждой из нас на благо мира и счастья. Поверьте, мы многое можем. Мы можем организовать помощь больным, несчастным, голодным. Давайте подумаем, что мы можем сделать в борьбе с наркоманией. А почему бы нам не посетить Совет Безопасности ООН, где заседают истинные джентльмены, и не попросить их побыстрее установить мир во всем мире? Почему бы нам не отправиться с миссией мира и добра в резиденции глав правительства и государств? Мне думается, что нам с вами откроют железные ворота военных баз и атомных полигонов, где мы сможем попросить военных ускорить дело разоружения и взаимного доверия. Нам не откажут в чашке чая в военных штабах НАТО и Варшавского Договора, на переговорах в Женеве и Вене, на авианосцах и атомных подводных лодках.

Я призываю вас, мои милые подруги, будущие матери, посвятить быстротечное время нашей молодости и красоты благородному и благодарному делу.

Пусть красота спасет мир.

И еще я хочу сказать, что со своими мыслями я пришла в редакцию журнала «Смена», моего любимого молодежного журнала. Меня поддержали. И уже сейчас журнал делает все возможное, чтобы объединить всех нас и помочь в добром деле.

Мы ждем вестей о том, что нас поняли и услышали. Мы очень ждем.

Маша Калинина

Маша КАЛИНИНА

Фото Сергея ЛЬВОВА

ISSN 0131—6656

Индекс 70820.

Цена номера 35 коп.